

ISSN 0868-5169

Р
3 (127) 2025
ЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология».

Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) Сибирского отделения Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН, ИЭОПП СО РАН, Исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

Е.А. Коломак (главный редактор), В.Е. Селиверстов (заместитель главного редактора), Л.В. Мельникова (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (заместитель главного редактора, выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Т.Ю. Богомолова, Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), Б.С. Жихаревич, А.Г. Исаев, Н.А. Кравченко, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.Э. Лимонов, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, А.Н. Пилясов, Е.В. Рудой, Б.Г. Санеев, О.П. Фадеева, А.А. Шабунова

Редакционный совет:

В.А. Крюков (председатель редакционного совета), Ежи Баньски (Польша), Джон Батчлер (Великобритания), Даваасурэн Авирмэд (Монголия), Дорж Тувдийн (Монголия), Дун Сочэн (Китай), О.Б. Глезер, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ли Юнцюань (Китай), Назим Музаффарли (Иманов) (Азербайджан), Илона Пальне-Ковач (Венгрия), Б.Н. Порфирьев, Сунь Чжунань (Китай), В.И. Суслов, Табата Шиниширо (Япония), А.Г. Шумилин (Республика Беларусь)

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

**Региональная политика
и экономические проблемы федерализма**

- Лексин В.Н.* Государственная политика «удержания населения»
на особо значимых территориях 3

**Экономические проблемы
развития регионов**

- Белов В.И.* Энергетическая самодостаточность российских регионов
и ее влияние на устойчивое развитие 26
- Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю.* Межрегиональные связи
в экономике Кемеровской области:
подход к исследованию и предварительная оценка 51
- Погоревич А.В., Новиков А.С.* Личный брендинг как фактор обеспечения
конкурентоспособности в креативных индустриях
региональной экономики: эмпирическое исследование 80
- Кравченко Н.А., Юсупова А.Т., Халимова С.Р.* Позиционирование
российских регионов в контексте сбалансированности
научного и технологического развития 106

**Социальные проблемы
регионального развития**

- Чудаева О.В., Смирнова Н.Е.* Проблема аборт в контексте
демографической безопасности России 132
- Каримов А.Г., Кадыров С.Х., Кабаиова Е.В.* Оценка уровня жизни
работающего населения на основе ИЧР-подхода в регионах
Приволжского федерального округа 163
- Наумов И.В., Бычкова А.А.* Оценка влияния факторов на пространственное
распределение миграционных потоков в регионе 194
- Питухина М.А., Белых А.Д., Волох В.А.* Положение коренных
малочисленных народов на муниципальном рынке труда
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 225

**Региональные и межрегиональные аспекты
структурной и инвестиционной политики**

- Климанов В.В.* Инструменты стимулирования регионального развития
в России: оценка государственных служащих 249

**Эколого-экономические проблемы
регионального развития**

- Бурматова О.П.* Некоторые общерегиональные экологические вызовы в
современных условиях 278
- Воронов Ю.П.* Болота отстают. Новые риски, новые возможности 304

Regional Policy and Economic Issues of Federalism	
<i>Leksin, V.N.</i> The Public Policy of “Population Retention” in Particularly Significant Territories	3
Economic Issues of Regional Development	
<i>Belov, V.I.</i> Energy Self-Sufficiency of Russian Regions and Its Impact on Sustainable Development	26
<i>Fridman, Yu.A., G.N. Rechko and E.Yu. Loginova.</i> Interregional Ties in Kemerovo Oblast Economy: The Approach to the Study and Pre-Assessment	51
<i>Pogorevich, A.V. and A.S. Novikov.</i> Personal Branding and Its Role in Enhancing Competitiveness in Regional Creative Industries: An Empirical Study	80
<i>Kravchenko, N.A., A.T. Yusupova and S.R. Khalimova.</i> Positioning of Russian Regions in the Context of Balanced Scientific and Technological Development	106
Social Issues of Regional Development	
<i>Chudaeva, O.V. and N.E. Smirnova.</i> Abortions Problem in the Context of Demographic Security of Russia	132
<i>Karimov, A.G., S.Kh. Kadyrov and <u>E.V. Kabashova</u>.</i> Assessment of the Standard of Living of the Working Population in the Regions of the Volga Federal District Based on the HDI Approach	163
<i>Naumov, I.V. and A.A. Bychkova.</i> Assessment of the Influence of Factors on the Spatial Distribution of Migration Flows in the Region	194
<i>Pitukhina, M.A., A.D. Belykh and V.A. Volokh.</i> Indigenous Minorities at Municipal Labour Market of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra	225
Regional and Interregional Aspects of Structural and Investment Policy	
<i>Klimanov, V.V.</i> Instruments for Stimulating Regional Development in Russia: Assessment by Civil Servants	249
Environmental and Economic Issues of Regional Development	
<i>Burmatova, O.P.</i> Some Regional Environmental Challenges in Modern Conditions	278
<i>Voronov, Yu.P.</i> Swamps Are Retreating. New Risks, New Opportunities	304

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2025, № 3 (127), с. 3–25

В.Н. Лексин

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА «УДЕРЖАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ» НА ОСОБО ЗНАЧИМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В 2024 г. главой Минвостокразвития было заявлено: «...Главным вызовом в развитии Дальнего Востока и Арктики является удержание населения» (<https://roscongress.org/materials/aleksey-chekunkov-v-novoy-globalnoy-sisteme-koordinat-rol-dalnego-vostoka-budet-vozzrastat/>). Словосочетание «удержание населения» вошло в словарь политиков и публицистов и стало обозначать не запрещение перемещаться на новое место жительства, а, во-первых, различные способы, стимулирования местного населения оставаться для проживания и работы в своем регионе и, во-вторых, преференции для тех, кто решит переехать для работы и жительства на особо значимые для государства территории. В статье приведены примеры таких территорий в дореволюционной России, в СССР и в Российской Федерации, легитимности их статуса и преференциальных режимов. Последовательно анализируются причины создания двух огромных мегарегионов особого государственного значения – Дальнего Востока и Российской Арктики, амбициозные планы развития которых требуют дополнительных трудовых ресурсов. Рассматриваются перечень и достаточность применяемых мер «удержания населения», объективные трудности реализации государственной кадровой политики и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: Арктика; Дальний Восток; особо значимые территории; отток населения; трудовые ресурсы; «удержание населения»; преференции

Для цитирования: Лексин В.Н. Государственная политика «удержания населения» на особо значимых территориях // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 3–25. DOI: 10.15372/REG20250301.

1. ОСОБО ЗНАЧИМЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ФУНКЦИИ И ПРЕФЕРЕНЦИИ

В России издавна были территории, функции и особая значимость которых определялись государством. Они создавались и функционировали *для конкретных целей в конкретном месте*, имели четкие географические границы, юридически установленный статус и перечень однозначно понимаемых преференций и льгот. Таковой, например, с конца XVIII в. стала область Войска Донского как зона пограничной безопасности, а позднее – некоторые другие пограничные территории, например Царство Польское, Великое княжество Финляндское и регионы Прибалтики. Единственной и неповторимой была и особо значимая территория «порто-франко» Одессы.

В первое пятнадцатилетие постперестроечной России со всеми признаками особо значимых территорий де-юре стали *закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и особые экономические зоны (ОЭЗ)*. Правовой режим ЗАТО и меры государственной поддержки граждан, проживающих и (или) работающих в ЗАТО, определил Федеральный закон «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14.07.1992 г. № 3297-1. Исходные законодательные установления о ЗАТО были до 2024 г. уточнены и дополнены в десяти федеральных законах, не корректировавших функциональное назначение ЗАТО, и фактически в этих особо значимых городах были обеспечены не только возможности результативной научно-технической деятельности (первоклассное оборудование, высокие оклады сотрудников и т.п.), но и лучший по сравнению с другими городами уровень жизни.

Особые экономические зоны, как и ЗАТО, сегодня находятся в юрисдикции федерального законодательства, исходным пунктом которого считается Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», хотя еще 24 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял постанов-

ление о создании в Приморском крае в районе г. Находка свободной экономической зоны (СЭЗ) «Находка». Она создавалась «в целях... отработки новых форм хозяйствования в условиях перехода к рыночной экономике, с предоставлением льготного налогового и таможенного режимов», и «всего за один год, – с июля 1990 по июль 1991 г., – в России было объявлено о создании одиннадцати СЭЗ. Они занимали площадь около миллиона кв. км с населением 18,5 млн человек» [10, с. 137]. Первые СЭЗ России стали своеобразными внутренними офшорами [22], и не случайно, что вышеуказанный федеральный закон «Об особых экономических зонах» в 2005 г. упразднил все ранее существовавшие ОЭЗ, за исключением Калининградской (создана в 1996 г.) и Магаданской (1999 г.), и упорядочил принципы создания и функционирования таких зон. В частности, закон с последующими поправками определил четыре типа ОЭЗ, а также перечень преференций и требований к резидентам каждой из них. Этот закон с даты принятия по конец 2024 г. был частично уточнен и дополнен более чем тридцатью федеральными законами. В официальном документе Минэкономразвития¹ указывалось, что по состоянию на 1 июля 2022 г. на территории России действовали 44 особые экономические зоны четырех типов. Из них 25 зон промышленно-производственного типа, семь зон технико-внедренческого типа, 10 зон туристско-рекреационного типа и две портовые зоны.

Из последних правовых новаций в этой сфере следует отметить Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», распространивший преференциальный зональный режим на всю территорию этой зоны, Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 448-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особых экономических зонах в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также Постановление Правительства РФ от 14.02.2024 г. № 156 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны, Правил создания

¹ См.: *Отчет* о результатах функционирования особых экономических зон за 2023 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d46bf2e6b2448aaca9d3e9ce71067f4d/otchet_oez_2023.pdf.

особой экономической зоны и изменения площади особой экономической зоны и требований к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами особых экономических зон» и Постановление Правительства РФ от 27.09.2024 г. № 1314 «Об особенностях функционирования свободной экономической зоны на отдельных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к территориям Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и (или) Херсонской области».

В последние годы законодательно определен преференциальный статус особо значимых *территорий опережающего развития* (ТОР) и *свободного порта Владивосток* (СПВ). В утвержденной распоряжением Правительства РФ (от 28.12.2024 г. № 4146-р) Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года и с прогнозом до 2036 года особо значимыми территориями уникального статуса и преференций названы *геостратегическая территория Российской Федерации* и *опорные населенные пункты*. Утвержденный Правительством РФ перечень содержит наименования более 2 тыс. опорных населенных пунктов. В последнее десятилетие особо значимыми территориями России де-факто и де-юре стали не только пространственно небольшие территории, но и мегарегионы – Дальний Восток и Арктическая зона Российской Федерации.

2. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И АРКТИКА КАК ОСОБО ЗНАЧИМЫЕ МАКРОРЕГИОНЫ РОССИИ

Ныне Дальний Восток и Арктика – единственные в стране пространственно опосредованные предметы деятельности специально созданного федерального министерства – Минвостокразвития России².

Особая значимость дальневосточных территорий для России не вызывает сомнений. Дальневосточный федеральный округ – регион

² Образовано Указом Президента РФ от 21.05.2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» как Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и переименовано Указом Президента РФ от 26.02.2019 г. № 78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» в Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития России).

огромного геостратегического потенциала и территория обширного пограничья. ДФО – крупнейшее средоточие пространственных и природных ресурсов: округ занимает почти 7 млн кв. км (около 40% площади страны) и располагает крупнейшими запасами уже добываемых полезных ископаемых, а также самыми большими среди всех макрорегионов России запасами водных биоресурсов, пресной воды и ресурсов гидроэнергетики. Наконец, Дальний Восток находится в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона, на который в последние годы ориентирована все большая часть российского экспорта.

Напомню, что в 2013 г. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию назвал задачу по подъему дальневосточных регионов национальным приоритетом на весь XXI век. С тех пор для выполнения этой задачи принято около 70 федеральных законов и более 300 других нормативных правовых актов. Одним из первых был принят Федеральный закон от 29.12.2014 г. № ФЗ-273 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»³, который установил на таких территориях особый преференциальный правовой режим ведения предпринимательской деятельности, и ДФО стал первым макрорегионом с исключительно широким распространением ТОР. Затем был принят Федеральный закон от 13.07.2015 г. № ФЗ-212 «О свободном порте Владивосток»⁴, предусматривающий создание территорий с особыми режимами регулирования в 15 муниципалитетах Приморского края. В следующем году был принят федеральный закон о распространении режима свободного порта Владивосток на ключевые гавани Дальнего Востока в Хабаровском крае, Сахалинской области, Камчатском крае, Чукотском автономном округе и Приморском крае, а также федеральный закон о «дальневосточном гектаре», предусматривающий льготное предоставление гражданам земельных участков на территории ДФО.

³ Дополнен и изменен 21 федеральным законом, начиная с закона от 13.07.2015 г. № 213-ФЗ до закона от 23.11.2024 г. № 392-ФЗ.

⁴ Дополнен и изменен 19 федеральными законами, начиная с закона от 03.07.2016 г. № 250-ФЗ до закона от 23.11.2024 г. № 392-ФЗ.

В Указе Президента РФ от 26.06.2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» предполагалось до 2024 г. достичь превышения среднероссийских темпов роста показателей качества жизни населения, создать не менее 200 предприятий на ТОР, а также не менее 30 тыс. новых рабочих мест, а на период до 2035 г. обеспечить прекращение миграционного оттока населения. В развитие положений этого указа было принято Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 г. № 2464-р об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г., в Плане реализации которой были подтверждены те же самые целевые показатели. В июне 2024 г. Президент РФ подтвердил сказанное в 2013 г.: «...Для России развитие Дальнего Востока является приоритетом на весь XXI век без всякого преувеличения»⁵.

Столь же велика и *особая государственная значимость Российской Арктики*. Ранее отмечалось, что, по данным Росстата, в 2020–2023 гг. в расчете на одного жителя Арктической зоны Российской Федерации создавалось валового регионального продукта в 3,5 раза, а на одного работающего (включая вахтовиков) в 2,7 раза больше, чем в среднем по России [9]. Сегодня экономику страны нельзя представить без поставляемой из Арктики самой разнообразной продукции, а государственный бюджет – без арктического экспорта. Сегодня АЗРФ – территория с самой высокой в стране локализацией производственной деятельности богатейших корпораций, среди которых такие бизнес-гиганты, как, например, «Газпром», «Росатом», НОВАТЭК, «Норникель», «Роснефть» и «ФосАгро». На всей территории АЗРФ создана самая большая в мире льготная экономическая зона площадью 5 млн кв. км. Перечень опорных арктических населенных пунктов включает 16 агломераций, в которых совокупно проживает более 1,6 млн чел. В федеральный закон о бюджете на 2024–2026 гг. заложено 30 млрд руб. на капитальный ремонт существующей и создание новой инфраструктуры в арктических ЗАТО и населенных пунктах с дислокацией воинских формирований, что должно улучшить усло-

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74322> .

вия проживания 17 тыс. военнослужащих и членов их семей. Принят федеральный закон от 04.08.2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе», который призван сделать доставку товаров на Север более быстрой и надежной, увеличить ассортимент и сдерживать рост цен.

Современную государственную политику отношения к Российской Арктике как к особо значимой территории определяют Указ Президента РФ № 78 от 26.02.2019 г. «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации», Указ Президента РФ № 164 от 05.03.2020 г. «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (далее – «Основы 2020–2035») и Указ Президента РФ № 645 от 26.10.2020 г. «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (далее – «Стратегия 2020–2035»). Возросшую и особую государственную значимость АЗРФ характеризует то, что, согласно ст. 23 «Основ 2020–2035», общее руководство реализацией государственной политики России в Арктике осуществляет Президент РФ и он же, согласно ст. 38 «Стратегии 2020–2035», выполняет функции общего руководства реализацией этого стратегического документа. *Ни один другой макрорегион России до сих пор не находился под столь прямым президентским управлением.*

К сожалению, становится все более ощутимым, что созданный огромный хозяйственный, инфраструктурный и расселенческий потенциал АЗРФ в значительной степени не отвечает современным требованиям. Для его использования нужны финансовые, материально-технические и кадровые ресурсы, несопоставимые с необходимыми для аналогичных целей на территориях, расположенных южнее, а создание каждого нового рабочего места обходится в несколько раз дороже, чем в среднем по России. Наконец, очевидны системный характер и концентрация рисков по всем видам арктической деятельности. И все острее обозначается проблема кадрового обеспечения функционирования и развития этой особо значимой территории.

3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА «УДЕРЖАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В постсоветской России Дальний Восток стал территорией, где к 2023 г. численность населения в современных границах ДФО⁶ по сравнению с 1990 г. сократилась на 24,1% (почти в 20 раз больше, чем в среднем по России). В информационно-аналитическом материале ФАНУ «Востокгосплан»⁷ указывалось, что за 2018–2023 гг. общая убыль населения в ДФО составила 274,6 тыс. чел. (естественная убыль – 44% и миграционная – 56%), ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2022 г. была на 3,2 года меньше средней по стране, а к 2030 г. численность населения в макрорегионе может уменьшиться еще на 216 тыс. чел. По данным Росстата, на 1 января 2025 г. в ДФО осталось 7,85 млн постоянных жителей, за 2024 г. этот показатель сократился еще на 12,8 тыс. чел., или на 0,16%. Сокращение численности населения ДФО в последние годы уменьшилось, но это никак не влияет на все большее несоответствие численности населения Дальнего Востока стратегическим намерениям руководства страны в отношении развития этого макрорегиона.

Президент РФ, выступая на пленарном заседании IX Восточного экономического форума, еще раз призвал «наращивать научный и образовательный потенциал Дальнего Востока» путем строительства университетских кампусов. В.В. Путин говорил также о значении подготовки местных квалифицированных кадров и выражал уверенность, что «восемь лет подряд на Дальнем Востоке наблюдается приток молодежи в возрасте от 20 до 24 лет, в том числе сработали наши адресные меры поддержки в рамках программ “Земский учитель”, “Земский доктор” и “Земский фельдшер”. Были вдвое увели-

⁶ В 2018–2019 гг. численность населения ДФО увеличилась почти на 2 млн чел., но это произошло только в связи с Указом Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849», по которому в состав ДФО вошли Забайкальский край и Республика Бурятия, до этого находившиеся в составе Сибирского федерального округа.

⁷ См.: *Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа*. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1741345657&tld=ru&lang=ru&name=demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf>.

чены единовременные выплаты: для педагогов и врачей, которые переезжают работать в села и поселки Дальнего Востока – до двух миллионов рублей, для медицинских работников среднего звена – до одного миллиона... С 2022 года в регионе работает программа “Муравьев-Амурский” для подготовки кадров на государственную службу. Программа востребована: конкурс высокий»⁸.

Выступая на пленарном заседании этого форума, глава Минвостокразвития А.О. Чекунов назвал *шесть уже принятых мер по увеличению трудового потенциала ДФО*. Во-первых, это программа трудовой мобильности, которая обеспечивает приезжающим на Дальний Восток специалистам востребованных профессий компенсацию расходов на переезд в 4,5 раза выше, чем в среднем по стране⁹ (по этой программе ежегодно на Дальний Восток приезжает около 1 тыс. специалистов). Во-вторых, ДФО определен приоритетной территорией для поддержки переселяющихся в Россию соотечественников, для которых предусмотрены повышенные «подъемные», жилищная субсидия и пособие на время, пока они ищут работу (с 2006 г. на Дальний Восток переселились более 70 тыс. чел.). В-третьих, реализуются программы «Земский учитель», «Земский доктор» и «Земский фельдшер», выплаты по которым увеличены в 2 раза по сравнению с другими регионами (за четыре года более 3 тыс. чел. воспользовались такой поддержкой). В-четвертых, это доступное арендное жилье: строится 10 тыс. арендных квартир, которые сдаются по очень льготной цене – в размере одной трети от рыночной для востребованных специалистов (в 2025 г. они будут предоставлены востребованным работникам предприятий, социальным работникам и участникам специальной военной операции). В-пятых, это гранты на развитие университетов: отдельный дальневосточный раздел включен в программу «Приоритет-2030», отобрано 12 вузов, которые уже получили почти 5 млрд руб. на развитие (в 2023 г. в вузы, участвующие в программе, поступило на 3 тыс. больше студентов, чем годом ранее, а до 2030 г. дальневосточный «Приоритет» предполагает привлечь

⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75029/>.

⁹ Далее в скобках приведены данные из доклада министра о результативности таких мер.

дополнительно 40 тыс. студентов). В-шестых, реализуется программа «Муравьев-Амурский», направленная на подготовку кадров для государственной службы из числа молодых людей, имеющих высшее образование, мотивированных работать на развитие Дальнего Востока (в 2024 г. 80 чел. претендовали на одно место, на трех потоках обучились и обучаются 150 чел., каждый второй – из ДФО, 65 выпускников уже заступили на службу, до 2030 г. предстоит подготовить 300 чел.) [16].

Одним из результативных инструментов подготовки кадров для ТОР и СПВ называют *договоры о целевом обучении* по программам высшего и среднего профессионального образования. В 2023 г. было трудоустроено 90% выпускников вузов, которые учились по целевому набору, в 2024 г. этой формой обучения было охвачено более 17 тыс. студентов на всех курсах (5% от общей численности студентов, обучающихся в субъектах ДФО)¹⁰. Подготовкой востребованных в ДФО специалистов заняты также образовательные учреждения среднего уровня¹¹, и актуальность этого ощущается во всех регионах округа. Так, по сообщению министра проектного управления и кадровой политики Амурской области, в конце 2024 г. требовалось более 80 тыс. специалистов (на 30 тыс. больше, чем в начале года), а за пять последних лет потребность в кадрах (особенно в строительстве и сфере услуг) выросла почти в 2 раза¹². Предложены и другие формы привлечения специалистов на Дальний Восток. Так, работники социальной сферы, сфер экономики, молодежной политики, государственной гражданской и муниципальной службы в возрасте от 18 до 35 лет могут воспользоваться льготами для получения жилья во Владивостоке¹³. Председатель правительства Приморского края В.Г. Щербина пояснила, что 25 финалистов конкурса «Столица молодых» смогут

¹⁰ URL: <https://erdc.ru/news/tselevoe-obuchenie-kak-effektivnyy-instrument-podgotovki-kadrov-dlya-rezidentov-tor-i-spv-obsudili-v/> .

¹¹ URL: <https://erdc.ru/news/na-dalнем-vostoke-kolledzhi-i-tehnikumy-otkryvayut-novye-spetsialnosti-v-interesakh-predpriyatij-kl/> .

¹² URL: https://www.amurobl.ru/posts/news/novye-shagi-v-borbe-s-defitsitom-kadrov_-v-amurskoy-oblasti-obsudili-aktualnye-trendy-rynka-truda/?ysclid=m2naw1kxd9402746954 .

¹³ URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/27594/4920105/?ysclid=m2nan6w51q82863285> .

получить в аренду, а после года проживания выкупить на льготных условиях квартиры в новостройке. Активное участие в анализе и решении кадровых проблем Дальнего Востока принимает Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики¹⁴, по данным которой в 2024 г. 40% рабочих мест в ДФО создано на объектах промышленности, а до 2026 г. на новых предприятиях в ключевых отраслях экономики понадобится еще 102 тыс. чел., при том что число резюме на одну вакансию составляет 2,8 – вдвое меньше необходимого для нормального рынка труда¹⁵.

Следует отметить, что пути обеспечения растущих потребностей Дальнего Востока в кадрах в 2023–2024 гг. все более детально исследовались отечественными учеными. Убедительный анализ динамики и взаимосвязей экономики, занятости и безработицы на территории ДФО за несколько последних лет представлен в работе ученых Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления [18]. Обосновывается предположение, что в целях «закрепления населения на Дальнем Востоке создание рабочих мест необходимо в первую очередь для решения экономических задач малонаселенных территорий» [1, с. 60] и что «в региональных нормативных актах и социально-партнерских соглашениях эта задача остается без соответствующего правового решения» [1, с. 64]. Исключительно актуальны исследования новейших тенденций спроса и предложения на региональных рынках труда ДФО [12] и дифференциации параметров производительности труда в регионах этого округа [11]. Особый интерес представляет изучение мотивационных причин оттока за рубеж окончивших дальневосточные вузы, что, по мнению исследователей, не только «оказывает негативное воздействие на формирование человеческого капитала стратегически важных для страны дальневосточных территорий, но и ставит под сомнение реализацию амбициозных

¹⁴ Корпорация помогает работодателям находить квалифицированных сотрудников, проводит глубокий анализ состояния рынка труда, предлагает меры по его развитию, изучает актуальные тенденции и организует такие мероприятия для упрощения коммуникации между работодателями и соискателями, как ярмарки вакансий, организованные наборы, дни компаний или отраслей в учебных заведениях.

¹⁵ URL: <https://rg.ru/2024/09/04/ochen-cennye-kadry.html> ; <https://plus.rbc.ru/news/66c34f777a8aa9a5a9d7812f> .

инфраструктурных проектов, для которых наличие местных кадров является жизненно необходимым» [14, с. 15]. На данных онлайн-опроса выпускников дальневосточных вузов, проведенного в сентябре 2023 г., показано, что «для дальневосточной молодежи динамично развивающийся регион АТР является одним из миграционно привлекательных. Среди основных притягивающих факторов, как правило, молодые люди называют возможность карьерного роста и улучшение материального положения, получение дополнительных профессиональных компетенций, хороший климат» [14, с. 24].

Итак, для «удержания населения» и кадрового обеспечения растущей экономики и социальной сферы ДФО делается многое, и в основном это предоставление беспрецедентно высоких льгот и преференций, обеспечение реальных возможностей получения «на месте» высшего и среднего профессионального образования (с использованием целевого набора), активная деятельность Минвостокразвития. Обоснована преимущественная ориентация на собственные трудовые ресурсы, поскольку осознаются «отягчающие обстоятельства», которые будут рассмотрены в заключительном разделе этой статьи.

4. «УДЕРЖАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ» И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

В одном из новейших исследований демографических и социальных процессов в Российской Арктике утверждается: «За постсоветский период население Российской Арктики сократилось почти на треть. Самые большие темпы снижения численности населения наблюдались в первые годы после распада СССР, сейчас они замедлились, однако высокий уровень убыли населения сохраняется, и прежде всего в наиболее густонаселенных и старых по времени освоения территориях Европейской Арктики... Только в Ямало-Ненецком автономном округе наблюдался существенный рост численности занятых – на 103,5 тыс. чел. (33,1%), что связано с реализацией крупных инвестиционных проектов» [2, с. 198].

Ранее (во втором разделе этой статьи) была представлена краткая характеристика АЗРФ как особо значимой территории с ее уникальным организационно-правовым статусом, уже действующими мерами

преференциального характера и беспрецедентной ролью Президента РФ в постановке задач и реализации государственной арктической политики и стратегии развития Арктики на долгосрочную перспективу. Напомню, что в конце 2023 г., выступая на совещании по развитию опорных населенных пунктов АЗРФ, Президент РФ заявил, что эта зона «имеет для нас особое, стратегическое значение и необходимо повысить эффективность региональных систем здравоохранения, образования, транспорта и жилищно-коммунальной сферы, создать условия для притока дополнительных инвестиций, роста туризма, для появления квалифицированных рабочих мест. Все это – ключ к *увеличению численности населения арктических территорий* (выделено мной. – В.Л.)»¹⁶. А 26 марта 2025 г. в Мурманске в приветствии участникам, организаторам и гостям VI Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» Президент РФ сказал: «Девиз нынешнего форума – “*На Севере – жить!*” (выделено мной. – В.Л.) в полной мере отражает один из наших ключевых приоритетов развития арктических территорий»¹⁷.

Анализируя эти призывы главы нашего государства, следует иметь в виду, что в начале 2025 г. АЗРФ занимала 28% российской территории при населении менее 2% от общероссийского (2370 тыс. чел.). В то же время АЗРФ была и в перспективе останется территорией преимущественно *трудозатратных* рабочих мест, причем для большинства из них необходимы специально подготовленные кадры. По данным Росстата, в 2024 г. в АЗРФ трудились около 1,5 млн чел. Несколько лет назад были опубликованы результаты расчетов потребности арктических работодателей в кадрах: 182,4 тыс. до 2035 года.¹⁸ Близкие количественные оценки были представлены в исследовании

¹⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/72951> .

¹⁷ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76554> .

¹⁸ URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/opredelena-kadrovaya-potrebnost-v-arkticheskoy-zone-rossiyskoy-federatsii-do-2035-goda-29471/> . Такую потребность обозначили более 3400 арктических организаций, принявших участие в исследовании, на которые приходится 69,2% от всех работников социальной сферы и 59,3% – реального сектора экономики во всех 74 муниципальных образованиях девяти арктических регионов.

ученых Института экономики РАН: 182 тыс. рабочих мест, которые в значительной степени формируют потребности крупных корпораций. В указанном исследовании даны текущие и прогнозные характеристики «ежегодной дополнительной потребности» АЗРФ на период до 2035 г. и показано, что такие потребности могут снизиться с 18,4 тыс. чел. в 2021 г. до 2,8 тыс. чел. в 2035 г. из-за ввода самых трудоемких объектов до завершения этого периода, а «ежегодная дополнительная потребность АЗРФ в кадрах может быть только на 52% обеспечена за счет внутренних трудовых ресурсов арктических территорий, остальная часть – за счет внешних источников, преимущественно лиц, работающих вахтовым методом» [4]. Вывод не новый и объективно характеризующий и сложившуюся за последние десятилетия ситуацию, и перспективу.

Естественные основания, параметры, проблемы и перспективы *вахтовой организации труда* на территории АЗРФ ранее рассмотрены в публикации автора на страницах этого журнала [8]. В 2023 г. вышла статья сотрудников Института экономики РАН, впервые представивших ряд количественных оценок динамики, масштабов и профессионально-квалификационных характеристик арктической вахты [19]. В том же году опубликованы результаты исследований воздействий демографических процессов на специфику арктических трудовых ресурсов [6], на особенности формирования и параметры молодежной составляющей региональных рынков труда в АЗРФ [7], а также влияния образовательного фактора на формирование молодежного трудового потенциала Арктики [5]. Одновременно продолжают исследования взаимосвязей продолжительности трудовой жизни на территории АЗРФ с реалиями арктических условий жизни [15; 20]. Широкий круг вопросов (в том числе о причинах превращения «северных надбавок» из стимулирующих в явно недостаточные компенсирующие) рассмотрен в работе [17], где также представлены предложения об улучшении законодательного регулирования арктического рынка труда.

«Закрепление» и использование *местных трудовых ресурсов* предлагается осуществлять и стимулировать мерами, аналогичными

ранее рассмотренным в разделе этой статьи о Дальнем Востоке¹⁹. Выступая 26 марта 2025 г. в Мурманске на VI Международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога», Президент РФ не только реально оценил масштаб «исторической задачи, которую мы ставим и решаем в Арктике с расчетом на десятилетия и века вперед», но и призвал «последовать примеру Дальнего Востока, где работает программа “Доступное арендное жилье”, и расширить ее на опорные населенные пункты Арктики. Программа должна начать действовать в Арктике уже в 2026 году»²⁰. Тогда же Президент РФ назвал еще одну «очень острую для северян проблему» – аварийное жилье.

На территории АЗРФ задача «удержания населения» и потребность в трудовых кадрах по-прежнему сосуществуют с необходимостью *переселения многих тысяч семей* на территории с более комфортными условиями проживания. Этот процесс в значительной степени регулируется Федеральным законом от 25.10.2002 г. № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» с изменениями, внесенными Федеральным законом от 20.07.2020 г. № 228-ФЗ. Актуальность и нерешенность проблемы иллюстрирует ситуация с переселением из городов Воркута и Инта, чего их жители и местное руководство добиваются с 2000-х годов. В начале 2025 г. переселения ожидали 17 тыс. чел., и при современных темпах переселение может растянуться на 100 лет. Такая же ситуация на севере Красноярского края, где с 2025 г. «Норникель» прекратил софинансирование программы переселения, которое позволило в 2011–2024 гг. за счет почти 23 млрд руб. переехать 9613 семьям, из них 7798 семей из Норильска и 1815 – из Дудинки. В 2025 г. финансирование будет идти только в пределах, установленных упомянутым федеральным законом, выде-

¹⁹ Разумеется, есть и местные инициативы. Такова, например, реализуемая в сельских населенных пунктах Ненецкого автономного округа региональная программа «30 на 70» (70% затрат на строительство жилого дома семья получает из регионального бюджета).

²⁰ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76554> .

ленных средств хватит лишь для 50 семей (заявки в 2024 г. подали 2500 чел., а очередь на переселение – 15 тыс. семей).

В заключительном разделе статьи приведу некоторые соображения об общероссийских «отягчающих обстоятельствах» в решении кадровых проблем Российской Арктики.

5. ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Трудновыполнимость «удержания населения» на рассматриваемых особо значимых территориях объясняется как минимум пятью обстоятельствами общероссийского масштаба.

Во-первых, тех, на кого обращена задача «удержания», остается все меньше: в стране неуклонно сокращается общая численность постоянного населения. В 2023 г. естественная убыль составила 0,5 млн чел., и, согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата²¹, к началу 2030 г. численность населения страны по сравнению с началом 2024 г. сократится на 2,9 млн чел. Увеличивается число субъектов РФ, в которых естественная убыль населения растет: в 2023 г. их стало 70 по сравнению с 46 субъектами в 2016 г.

Во-вторых, в России трудно рассчитывать на демографическое чудо: суммарный коэффициент рождаемости снижается на протяжении около 10 лет. В 2023 г. он упал до 1,41 рождения на одну женщину, а число родившихся в указанном году младенцев составило 1,265 млн чел., став минимальным с 1999 г.²²

В-третьих, нехватка кадров стала общероссийской проблемой, и решать ее в АЗРФ и на Дальнем Востоке за счет переселения из других регионов будет все сложнее. Согласно тому же демографическому прогнозу Росстата, численность населения страны в трудо-

²¹ URL: rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709 . Прогноз составлен без учета численности населения, проживающего в новых регионах России (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области). Подробнее см.: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/26/66014d649a79476bc9717e3e> .

²² URL: rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709 .

способном возрасте к 2030 г. остановится на 87,3 млн чел., после чего перестанет расти. Ожидается что это создаст общий дефицит рабочей силы более чем в 2 млн чел.

В-четвертых, для решения задачи «удержания» людей в Арктике необходимо преодолеть многолетнюю тенденцию сокращения численности населения самой Арктики. Еще в 2018 г. исследователи отмечали, что за последние 25 лет население АЗРФ сократилось на 20% и что основной причиной этого стал масштабный миграционный отток жителей в другие, более благоприятные по климату и экономическим возможностям, регионы страны [23]. Последующие исследования российских авторов [3; 13; 21] и наши материалы, представленные в предыдущих разделах статьи, свидетельствуют о множестве и, главное, постоянстве причин для миграции людей из нашей Арктики.

В-пятых, прогнозируется отток населения и с территорий Дальнего Востока. По данным социологического опроса, проведенного в 2023 г. Центром социального проектирования «Платформа», 33% опрошенных хотели бы уехать из макрорегиона, 16% были готовы к отъезду в ближайшее время, 17% – в более отдаленной перспективе, причем это было почти в равной мере характерно и для молодежи, и для людей старшего возраста.

Означает ли все это, что в принципе невозможно реализовать планы, программы и проекты развития АЗРФ и ДФО? Разумеется, нет, но для этого, вероятно, потребуется пересмотреть сложившиеся представления о подходах к решению таких задач. Повторю: все принимаемые меры «удержания населения» уместны, но недостаточны. Должна быть поставлена и решена труднейшая государственная задача – *уменьшения потребности в трудовых ресурсах*. Жаль, что целью нового национального проекта «Кадры» заявлено только удовлетворение потребности экономики в кадрах на основе *дополнительного вовлечения в занятость* и что в национальном проекте «Производительность труда» отсутствует позиция «Развитие отечественного производства технических средств повышения производительности труда».

Список источников

1. *Благодир А.Л.* Проблемы занятости на территории Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации // Вестник МГЮОА. – 2024. – № 2. – С. 58–66.
2. *Дашкевич П.М., Флуд Н.А., Елисеева И.И.* Демографические и социальные тенденции в российской Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2024. – № 4. – С. 197–222.
3. *Дружинин П.В.* Выявление факторов, влияющих на динамику численности населения муниципалитетов регионов Европейского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 3. – С. 78–91.
4. *Ефимов И.П., Гуртов В.А., Степунь И.С.* Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее // Вопросы экономики. – 2022. – № 8. – С. 118–132.
5. *Казанина М.* Роль образования в воспроизводстве человеческого капитала Арктической зоны Российской Федерации // Экономика и управление. – 2023. – № 2. – С. 117–122.
6. *Кондратьева В.И., Тарасова-Сивцева О.М.* Воздействие демографических факторов на трудовые ресурсы северных регионов ресурсного типа // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 2. – С. 146–159.
7. *Корчак Е.А.* Молодежь на региональных рынках труда российской Арктики // Экономика труда. – 2023. – № 6. – С. 893–907.
8. *Лексин В.Н.* Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 133–153.
9. *Лексин В.Н.* Российская Арктика в 2022–2023 гг. Новые решения // Федерализм. – 2023. – № 3. – С. 5–28.
10. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 1997. – 372 с.
11. *Макар С.В., Ярашева А.В.* Производительность труда: особенности дифференциации социально-экономического пространства Дальнего Востока России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 193–205.
12. *Мироненко О.В., Комарова А.А., Леженина А.А.* Основные тенденции соотношения спроса и предложения на региональном рынке труда Дальнего Востока России // Экономика труда. – 2023. – № 9. – С. 1317–1330.
13. *Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М.* Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // Арктика и Север. – 2024. – № 54. – С. 169–189.
14. *Олейник Е.Б., Ивашина Н.В., Храмова М.Н.* Оценка влияния мотивационных факторов на формирование эмиграционных настроений молодых специа-

листов в регионах Дальневосточного федерального округа // Народонаселение. – 2024. – № 3. – С. 17–30.

15. *Проворова А.А.* Продолжительность трудовой жизни населения арктического региона в контексте современных социально-демографических изменений // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 3. – С. 126–139.

16. *Руденко Ю.Н.* «Муравьев-Амурский 2030»: в целях развития Дальнего Востока // Бюджет. – 2024. – № 7. – С. 42–45.

17. *Сахаров А.Н.* Трудоустройство молодежи в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях: проблемы оптимизации законодательного регулирования // Вопросы трудового права. – 2024. – № 5. – С. 302–309.

18. *Слепнева Л.Р., Шаралдаев Б.Б., Найданова Э.Б.* Занятость и безработица населения как факторы экономического роста в дальневосточных регионах // Экономика труда. – 2024. – № 6. – С. 913–923.

19. *Степуть И., Гуртов В.* Вахтовая занятость в экономике Арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики // Общество и экономика. – 2023. – № 6. – С. 90–108.

20. *Строкан Е.В., Липатова Л.Н., Градусова В.Н.* Существенное повышение уровня и качества жизни населения арктических регионов – необходимое условие обеспечения национальной безопасности России // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2024. – № 1. – С. 152–169.

21. *Хотеева Е.А., Степуть И.С.* Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. – 2023. – № 2. – С. 110–128.

22. *Швецов А.Н.* «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. – 2016. – № 3. – С. 40–61.

23. *Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В.* Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2018. – № 3. – С. 396–418.

Информация об авторе

Лексин Владимир Николаевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (117312, Москва, просп. 60-летия Октября, 9). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250301

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 3–25

V.N. Leksin

THE PUBLIC POLICY OF “POPULATION RETENTION” IN PARTICULARLY SIGNIFICANT TERRITORIES

In 2024, the head of the Ministry for the Economic Development of the Russian Far East stated: “The main challenge in the development of the Far East and the Arctic is retaining the population” (<https://roscongress.org/materials/aleksey-chekunkov-v-novoy-globalnoy-sisteme-koordinat-rol-dalnego-vostoka-budet-vozzrastat/>). This phrase entered the vocabulary of politicians and publicists and came to mean not a ban on moving to a new place of residence, but, firstly, various ways of encouraging the local population to stay and work in their region and, secondly, preferences for those who decide to move to work and live in areas of particular importance to the state. The article reviews examples of such territories in pre-revolutionary Russia, the USSR, and the Russian Federation, the legitimacy of their status, and preferential regimes. It systematically analyzes the reasons creating two huge megaregions of special state significance – the Far East and the Russian Arctic – whose ambitious development plans require additional labor resources. The article examines the list and adequacy of measures used to “retain the population,” the objective difficulties in implementing state personnel policy, and possible ways to overcome them.

Keywords: Arctic; Far East; particularly significant territories; population outflow; labor resources; “population retention”; preferences

For citation: *Leksin, V.N. (2025). Gosudarstvennaya politika “uderzhaniya naseleniya” na osobo znachimyykh territoriyakh [The public policy of “population retention” in particularly significant territories]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 3–25. DOI: 10.15372/REG20250301.*

References

1. *Blagodir, A.L.* (2024). Problemy zanyatosti na territorii Dalnego Vostoka i Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Employment problems in the Far East and the Arctic zone of the Russian Federation]. *Vestnik MGYuA* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2, 58–66.
2. *Dashkevich, P.M., N.A. Flud & I.I. Eliseeva.* (2024). Demograficheskie i sotsialnye tendentsii v rossiyskoy Arktike [Demographic and social trends in the Russian Arctic]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Shaping the Economic Order], 4, 197–222.
3. *Druzhinin, P.V.* (2023). Vyyavlenie faktorov, vliyayushchikh na dinamiku chislennosti naseleniya munitsipalitetov regionov Evropeyskogo Severa [Identification of factors influencing the dynamics of the population of municipalities in the regions of the European North]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Shaping the Economic Order], 3, 78–91.
4. *Efimov, I.P., V.A. Gurtov & I.S. Stepus.* (2022). Kadrovaya potrebnost ekonomiki Rossiyskoy Arktiki: vzglyad v budushchee [Staffing requirements of the Russian Arctic economy: a look into the future]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 8, 118–132.
5. *Kazanina, M.* (2023). Rol obrazovaniya v vosproizvodstve chelovecheskogo kapitala Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [The role of education in the reproduction of human capital in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2, 117–122.
6. *Kondratyeva, V.I. & O.M. Tarasova-Sivtseva.* (2023). Vozdeystvie demograficheskikh faktorov na trudovye resursy severnykh regionov resursnogo tipa [The impact of demographic factors on the labor resources of the northern resource-type regions]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Shaping the Economic Order], 2, 146–159.
7. *Korchak, E.A.* (2023). Molodezhn na regionalnykh rybnkakh truda rossiyskoy Arktiki [Youth in the regional labor markets of the Russian Arctic]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 6, 893–907.
8. *Leksin, V.N.* (2021). Novoe otkhodnichestvo i vakhtovaya organizatsiya truda v protsessakh depopulyatsii i zaseleniya territoriy [New otkhodnichestvo and shift work organization in the processes of depopulation and settlement of territories]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (111), 133–153.
9. *Leksin, V.N.* (2023). Rossiyskaya Arktika v 2022–2023 gg. Novye resheniya [The Russian Arctic in 2022–2023. New solutions]. *Federalizm* [Federalism], 3, 5–28.

10. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov.* (1997). Gosudarstvo i regiony: Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialnogo razvitiya [State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development]. Moscow, URSS Publ., 372.

11. *Makar, S.V. & A.V. Yarasheva.* (2024). Proizvoditelnost truda: osobennosti differentsiatsii sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva Dalnego Vostoka Rossii [Labor productivity: features of differentiation of the socio-economic space of the Russian Far East]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 27, No. 3, 193–205.

12. *Mironenko, O.V., A.A. Komarova & A.A. Lezhenina.* (2023). Osnovnye tendentsii sootnosheniya sprosa i predlozheniya na regionalnom rynke truda Dalnego Vostoka Rossii [The main trends in the ratio of supply and demand in the regional labor market of the Russian Far East]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 9, 1317–1330.

13. *Nedoseka, E.V., E.N. Sharova & D.M. Shorohov.* (2024). Ubyvayushchie goroda rossiyskoy Arktiki: statisticheskie trendy i publichnyy diskurs o prichinakh ottoka naseleniya [The declining cities of the Russian Arctic: statistical trends and public discourse on the causes of population outflow]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 54, 169–189.

14. *Oleynik, E.B., N.V. Ivashina & M.N. Khramova.* (2024). Otsenka vliyaniya motivatsionnykh faktorov na formirovanie emigratsionnykh nastroyeniy molodykh spetsialistov v regionakh Dalnevostochnogo federalnogo okruga [Assessment of the influence of motivational factors on the formation of emigration moods of young professionals in the subjects of the Far Eastern Federal District]. *Narodonaselenie* [Population], 3, 17–30.

15. *Provorova, A.A.* (2023). Prodolzhitelnost trudovoy zhizni naseleniya arkticheskogo regiona v kontekste sovremennykh sotsialno-demograficheskikh izmeneniy [Work-life expectancy in the Arctic amid contemporary socio-demographic shifts]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Shaping the Economic Order], 3, 126–139.

16. *Rudenko, Yu.N.* (2024). “Muravyov-Amurskiy 2030”: v tselyakh razvitiya Dalnego Vostoka [Muravyov-Amursky 2030: for the development of the Far East]. *Byudzhethet* [Budget], 7, 42–45.

17. *Sakharov, A.N.* (2024). Trudoustroystvo molodezhi v rayonakh Kraynego Severa i priravnennykh k nemu mestnostyakh: problemy optimizatsii zakonodatel'nogo regulirovaniya [Youth employment in the Far North and equivalent areas: problems of optimizing legislative regulation]. *Voprosy trudovogo prava* [Labor Law Issues], 5, 302–309.

18. *Slepneva, L.R., B.B. Sharaldaev & E.B. Naydanova.* (2024). Zanyatost i bezrabotitsa naseleniya kak faktory ekonomicheskogo rosta v dalnevostochnykh regionakh [Employment and unemployment as factors of economic growth in Far Eastern regions]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 6, 913–923.

19. *Stepus, I. & V. Gurtov.* (2023). Vakhtovaya zanyatost v ekonomike Arkticheskoy zony Rossii: dinamika, masshtaby, professionalno-kvalifikatsionnye kharakteristiki [Shift employment in the economy of the Arctic zone of Russia: dynamics, scale, professional and qualification characteristics]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 6, 90–108.

20. *Strokan, E.V., L.N. Lipatova & V.N. Gradusova.* (2024). Sushchestvennoe povyshenie urovnya i kachestva zhizni naseleniya arkticheskikh regionov – neobkhodimoe uslovie obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossii [A significant increase in the standard and quality of life of the population of the Arctic regions is a necessary condition for ensuring Russia’s national security]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Shaping the Economic Order], 1, 152–169.

21. *Khoteeva, E.A. & I.S. Stepus.* (2023). Migratsiya naseleniya v Rossiyskoy Arktike v statisticheskikh otsenkakh i praktike upravleniya regionami [Population migration in the Russian Arctic in statistical estimates and regional management practice]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory’s Development], 2, 110–128.

22. *Shvetsov, A.N.* (2016). “Tochki rosta” ili “chernye dyry”? (K voprosu ob effektivnosti primeneniya “zonalnykh” instrumentov gosstimulirovaniya ekonomicheskoy dinamiki territoriy) [“Growth points” or “black holes”? (On the issue of the effectiveness of the use of “zonal” instruments of state stimulation of the economic dynamics of territories)]. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], 3, 40–61.

23. *Shelomentsev, A.G., L.V. Voronina, E.V. Smirennikova & A.V. Ukhanova.* (2018). Faktory migratsii v arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Migration factors in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Administration Art], 3, 396–418.

About Author

Leksin, Vladimir Nikolaevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Federal Research Center for Informatics and Management, Russian Academy of Sciences (9, 60th Anniversary of October Ave., Moscow, 117312, Russia). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 09.04.2025.

После доработки 11.04.2025.

Принята к публикации 15.04.2025.

© Лексин В.Н., 2025

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2025, № 3 (127), с. 26–50

В.И. Белов

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ САМОДОСТАТОЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Повышение энергетической эффективности субъектов Российской Федерации в контексте их устойчивого развития всецело соответствует глобальной «зеленой повестке», а в силу принятых отечественных нормативно-правовых документов представляет собой государственную задачу. На устойчивое развитие оказывают влияние множество условий и факторов, к числу которых следует отнести и обеспеченность регионов собственными энергетическими ресурсами. Энергетическая самодостаточность регионов не только с позиции электроэнергетики, но и с позиции других топливно-энергетических ресурсов (уголь, газ, нефть и др.). Однако в статье основное внимание уделяется проблеме электроэнергетической самодостаточности регионов. Целью статьи является построение типологических групп регионов в зависимости от степени влияния на их устойчивое развитие таких показателей, как энергообеспеченность региона и доля энергетических потерь в электросетях.

Исследование охватывает 85 субъектов РФ по данным за 2022 г. и строится по разработанной автором методике, предусматривающей сначала оценку регионов страны по анализируемым показателям, а затем их типологизацию. В результате количественно-качественные параметры позволили сформировать четыре группы регионов, различающиеся между собой характеристиками устойчивого развития. В целях повышения уровня устойчивого развития и энергоэффективности регионов в отношении каждой выделенной группы органами власти должны приниматься не типичные, а типологические решения, учитывающие влияние энергетической самодостаточности региона и энергопотерь на

валовой региональный продукт и валовой региональный продукт на душу населения.

Проведенное исследование в теоретическом плане вносит вклад в решение научно-практической задачи по нивелированию энергетических дисбалансов в региональных моделях производства-потребления электроэнергии. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть востребованы региональными органами власти при осуществлении ими энергетической политики в регионе, а предложенные инструменты и механизмы могут быть непосредственно использованы в их практической деятельности.

Ключевые слова: энергообеспеченность регионов; энергетические потери; типологическая группировка; энергетическая эффективность; стимулирование энергосбережения; дисбалансы в моделях производства-потребления; региональная энергетическая политика

Для цитирования: Белов В.И. Энергетическая самодостаточность российских регионов и ее влияние на устойчивое развитие // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 26–50. DOI: 10.15372/REG20250302.

ВВЕДЕНИЕ

Современные потребности в электроэнергии субъектов рынка и российской экономики по сравнению с XX в. и советской экономикой в целом не снижаются и также имеют восходящий тренд. К примеру, если в 2009 г. в Российской Федерации было потреблено 977 122,4 млн кВт·ч электроэнергии, то в 2023 г. рост составил 20% и потребление достигло 1 172 288,3 млн кВт·ч¹. Однако далеко не все субъекты РФ являются энергетически самодостаточными и энергоэффективными регионами. Так, по данным электробаланса за 2023 г.², энергообеспеченность (рассчитываемая как отношение собственного

¹ См.: Потребление электроэнергии по субъектам Российской Федерации, 1990–2023. – URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/11vZnZb1dJB0_AEdVNXqNrvvIL8DkBnQsAP9z9HZb7M/edit?gid=1375874936#gid=1375874936 (дата обращения: 20.12.2024).

² Там же.

производства электроэнергии к ее потреблению в регионе) Брянской области составляла 3,15%, Калужской области – 4,89%, Псковской области – 6,75%, а в Еврейской автономной области энергообеспеченность вовсе равнялась 0,08%, в Республике Ингушетии – 0,00% (!).

Наряду с этим выделяются субъекты РФ (Тверская, Костромская, Смоленская области и др.), в которых энергетическая самодостаточность в 4–5 раз превышает собственные потребности в энергии, что не оказывает существенного положительного влияния ни на экономическое развитие региона, ни на уровень социального благополучия его населения. Кроме того, энергонеэффективными ввиду потери электроэнергии в электросетях остаются такие субъекты РФ, как Республика Дагестан (энергопотери составляют 46,40%), Чеченская Республика (34,07%), Республика Калмыкия (25,24%), Кабардино-Балкарская Республика (20,91%) и др., в то время как даже в планах ГОЭЛРО [3; 7; 14] столетней давности потеря в электропередачах в объеме «15% в сетях высокого напряжения уже считается весьма высокой» [8, с. 51], и сейчас такие потери признаются значимой проблемой в контексте устойчивого развития региона, требующей своего разрешения и принятия соответствующих мер государственного регулирования.

Складывается ситуация, когда применявшийся ранее подход к организации экономики и управлению отдельными отраслями советской промышленности небрежно экстраполируется на современную российскую экономику, имеющую не только иную основу функционирования и взаимодействия с субъектами рынка, но и отличное от прежних постулатов целеполагание. Присущие советскому подходу укрупнение предприятий и электростанций и огосударствление энергетической отрасли сохраняют свою «наследственность» и проявляются в настоящем, что не всегда приводит к положительным результатам. При этом стоит отметить, что обусловившие применение данного подхода такие факторы формирования советской электроэнергетики, как значительный рост населения страны, стремительный рост промышленного производства и др., в настоящее время сведены к нулю: коэффициент естественного прироста населения на протяжении трех последних десятилетий почти всегда был отрицательным,

темпы роста российской промышленности несопоставимы с темпами роста отраслей промышленности в советское время. В этой связи можно констатировать, что разная энергообеспеченность и невысокая энергоэффективность российских регионов, недоучет особенностей их функционирования и развития в современных условиях порождают научно-практическую задачу устранения энергетических дисбалансов в региональных моделях производства-потребления электроэнергии, решение которой должно способствовать повышению уровня устойчивого развития как отдельных субъектов РФ, так и российской экономики в целом.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научных и периодических изданиях можно найти довольно значительное количество публикаций, посвященных исследованию энергетических проблем как на уровне отдельных регионов, так и на уровне страны в целом. В частности, в одной из статей энергетическая независимость страны рассматривается как фактор ее конкурентоспособности. Автором указанной статьи подчеркивается, что не только специализация страны на базе имеющихся энергетических ресурсов приводит к увеличению ее экономического роста и «сокращению дефицита торгового баланса» [12, с. 132] посредством расширения рынков сбыта экспортируемой продукции, но и само использование энергетических ресурсов по назначению в энергозависимых странах формирует заделы устойчивого развития этих стран либо путем сокращения объемов потребления невозобновляемых ископаемых, либо посредством ввода в эксплуатацию альтернативных источников энергии.

В том же ключе на базе имеющегося энергетического потенциала анализируются возможности межгосударственного сотрудничества на примере Кыргызской Республики. Авторы статьи рассматривают «повышение энергетической самодостаточности, расширение энергоэкспортного потенциала, сосредоточение инвестиционных ресурсов» [1, с. 532–533] как перспективное направление деятельности.

В другой публикации на международную тему отмечается, что в перспективе построение и развитие современных национальных

энергосистем «могут быть только централизованными» [13, с. 23], а в качестве примера приводится довольно специфическая отрасль промышленности – ядерная энергетика. Применяв данный вывод к российским регионам, можно прийти к заключению о необходимости использования исключительно принципа единоначалия, что является довольно спорным, поскольку, во-первых, ядерная энергетика в энергобалансе страны составляет всего около 20% (важность централизованного управления в ядерной энергетике автором не оспаривается) и это обстоятельство совершенно не означает, что такой порядок управления должен распространяться на все иные энергетические объекты, а во-вторых, само разнообразие российских регионов по уровню энергообеспеченности настолько уникально, что самостоятельность региональных властей в плане осуществления энергетической политики на вверенных им территориях представляется вполне целесообразной. В качестве подтверждения данной точки зрения можно привести выдержку из статьи, в которой авторы утверждают, что «развитие энергетики в сельской местности сталкивается с большим количеством трудностей и поднимает вопрос о внедрении комплексных энергетических систем автономного и смешанного обеспечения, позволяющих повысить эффективность энергетического обеспечения удаленных, изолированных, рассредоточенных сельских поселений» [4, с. 288].

В другой группе публикаций производство-потребление энерго-ресурсов рассматривается с точки зрения энергетической безопасности. Так, в монографии Т.Н. Кислой описывается «неэффективность использования материальных ресурсов, в частности топливно-энергетических ресурсов» [6, с. 109], а в публикациях [10; 11] дефицит топливно-энергетических ресурсов и износ основных фондов в отраслях ТЭК определяются как факторы сдерживания темпов развития национальной экономики и регионов страны. Аналогичный подход используется и авторами статьи, в которой напрямую увязывается экономическое развитие Республики Крым с развитием энергетического комплекса: «обеспечение энергетической безопасности и самообеспеченность энергоресурсами являются первоочередными государственными задачами» [15, с. 107]. В статье анализируется

региональная проблема дефицита энерго мощностей, характеризуется реализация государственных программ, в результате делается вывод о необходимости ввода новых и модернизации старых объектов энергогенерации.

Если рассматривать третью группу публикаций, то лейтмотивом можно определить устойчивое развитие территорий, воздействие на окружающую среду и формирование низкоуглеродной экономики. Так, в одной научной статье рассматриваются факторы, оказывающие негативное влияние на «экологию живых систем, природопользование, устойчивое развитие страны и качество жизни ее граждан» [2, с. 66] в контексте обеспечения экономического роста за счет увеличения объемов добычи природных энергетических ресурсов для выработки электрической энергии на тепловых электростанциях посредством использования традиционных технологий, связанных со сжиганием углеводородного топлива. Авторы приходят к выводу, что повышение конкурентоспособности российской экономики и уровня общественного благосостояния возможно путем смены модели развития с экспортно-сырьевой на научно-технологическую.

В статье академика РАН В.А. Крюкова (в соавторстве с Я.В. Крюковым) в рамках «зеленой» повестки рассматриваются переход экономики Китайской Народной Республики к углеродной нейтральности и стремление страны к энергетической самодостаточности при осуществлении энергетического сотрудничества с Российской Федерацией, ключевым направлением которого определяются газовая сфера и в целом «декарбонизация энергетического сектора» [9, с. 141].

В другой статье авторами анализируется проблема неустойчивого развития энергетически необеспеченных регионов, в то время как энергодостаточные субъекты РФ, реализуя «модель экстенсивного сырьевого роста, основанную на эксплуатации природных богатств» [5, с. 18], при оценке экологической эффективности региона также оказываются с неустойчивым развитием по индикатору качества экономического роста. В продолжение данной темы можно упомянуть статью [17], в которой авторы исследуют возможности применения на российском энергетическом рынке более экологически «чистых» возобновляемых источников энергии, анализируют их конкуренто-

способность и рентабельность, рассматривают развитие низкоуглеродной экономики в России.

Среди зарубежных публикаций, посвященных охране окружающей среды, можно отметить: статью [18], в которой особое внимание уделяется повышению экологической эффективности в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития; статью [19], в которой предлагается метод мультипликативного анализа совокупности экологических данных для оценки эффективности деятельности 46 стран; статью [20], в которой исследуется энергетическая и экологическая эффективность сырьевых секторов стран ЕС; статью [16], в которой рассматриваются обусловленные различными факторами разные виды экоиноваций в зависимости от их воздействия на окружающую среду.

Наряду с имеющимися публикациями, в большей степени посвященными наращиванию производственно-энергетических мощностей и собственных энергетических активов в энергозависимых регионах, наблюдается определенный недостаток работ как по вопросам избыточной энергетической самодостаточности регионов и ее влияния на устойчивое развитие социально-экономических систем, так и по вопросам сокращения возникающих энергетических потерь в целях повышения энергоэффективности регионов, как того требуют принятые в Российской Федерации нормативно-правовые документы³. Именно данному направлению и посвящено настоящее исследование.

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 04.06.2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27565> (дата обращения: 20.12.2024); Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.11.2009 № 261-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/?ysclid=lq5fnxxfr5684472709 (дата обращения: 20.12.2024); Постановление Правительства РФ от 09 сентября 2023 г. № 1473 «Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации “Энергосбережение и повышение энергетической эффективности”». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1302984058?ysclid=lova6gywsu596227627> (дата обращения: 20.12.2024); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стра-

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На первом этапе исследования определяется энергетическая самодостаточность субъектов РФ через показатель обеспеченности региона электрической энергией – энергообеспеченности региона, рассчитываемой как отношение собственного производства электроэнергии к ее потреблению в субъекте РФ, умноженное на 100%. Далее по отношению к РФ высчитывается доля каждого субъекта РФ в валовой добавленной стоимости, оценивающая роль и значение каждого региона в экономической производительности. Кроме того, такой расчет обусловлен дополнительно рассчитанными двумя линейными коэффициентами корреляции Пирсона, демонстрирующими очень высокую положительную функциональную взаимосвязь между переменными: 1) между производством электроэнергии в субъектах РФ и валовым региональным продуктом ($r = 0,97084$); 2) между потреблением электроэнергии в субъектах РФ и валовым региональным продуктом ($r = 0,97346$). Затем осуществляются ранжирование субъектов РФ и их группировка. Исходными данными послужили официальные данные отечественной статистики (Росстата) в разрезе соответствующих показателей электробаланса Российской Федерации и ВРП за 2022 г. (более актуальные данные по ВРП на момент написания статьи в официальных источниках отсутствовали). Исследование строится по 85 субъектам РФ, вошедшие в 2022 г. в состав России Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области в анализ не включены.

На втором этапе для каждого субъекта РФ рассчитывается доля потерь в электросетях по отношению к потребленной в нем электроэнергии. Далее сопоставляются данные по доле потерь в электросетях с одним из главных показателей устойчивого социально-экономического развития региона – валовым региональным продуктом на душу населения. Анализ строится по официальным данным Росстата.

тегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310767692?section=status> (дата обращения: 30.01.2025); и др.

На третьем этапе осуществляется итоговая (типологическая) группировка субъектов РФ по двум показателям: энергетической самодостаточности (энергообеспеченности региона) и доле потерь в электросетях. При этом критериальным признаком для отнесения того или иного субъекта РФ к группе с высокой энергообеспеченностью послужила 100%-я величина: если значение показателя больше или равно 100%, то регион относится к группе «высокая», если меньше – к группе «низкая». Аналогичным образом распределяются регионы и по второму показателю, однако в данном случае критериальным признаком выступает 10%-я величина (технологические энергопотери в электросетях в объеме 10% специалистами признаются неизбежными, а с учетом законодательно установленных требований к повышению энергоэффективности их не следует увеличивать, что должно способствовать приобретению хозяйствующими субъектами более совершенного в технологическом плане оборудования или обновлению имеющегося). Если энергопотери меньше или равны 10%, то регион относится к группе «низкие», если более 10% – к группе «высокие». Таким образом формируются четыре типологические группы регионов со схожими параметрами и схожим уровнем устойчивого развития для выработки соответствующей энергетической политики региона и принятия инцидентных мер государственного регулирования устойчивого развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Расчеты, выполненные на первом этапе, показывают, что только 25 из 85 субъектов РФ (29,41%) являются энергетически самодостаточными: отношение собственного производства к потреблению электроэнергии у них больше или равно 100%. У одиннадцати субъектов РФ энергообеспеченность меньше 30%: это Пензенская, Тамбовская, Белгородская, Калужская, Псковская, Брянская области, а у республик Адыгея (0,15%), Тыва (0,07%), Алтай (0,07%), Ингушетия (0,07%) и Еврейской автономной области (0,07%) к тому же и самые низкие значения в РФ по доле в валовой добавленной стоимости (значение доли указано в скобках).

В группе энергообеспеченных регионов наблюдается неоднозначная ситуация, когда одни регионы с самой низкой долей в валовой добавленной стоимости (Республика Калмыкия – 0,09%, Чукотский автономный округ – 0,10%, г. Севастополь – 0,15%, Костромская область – 0,21%) примыкают к регионам, имеющим по отношению к России самую высокую долю в ВДС (Ростовская область – 1,88%, Красноярский край – 2,28%, Свердловская область – 2,69%, Ханты-Мансийский автономный округ – 3,81%). Такое положение дел свидетельствует о различиях в использовании имеющихся собственных энергоресурсов и, соответственно, о разном влиянии энергетической самодостаточности региона на его отраслевую структуру и экономику в целом.

Десять субъектов РФ, входящих в состав Сибирского федерального округа, характеризуются неоднородностью по показателю энергообеспеченности региона электроэнергией. Так, три из 10 регионов являются энергообеспеченными (Красноярский край – 124,39%, Республика Хакасия – 114,69%, Иркутская область – 113,19%), а остальные – энергонеобеспеченными в разной степени: от 48 до 82% – пять регионов (Томская область – 48,33%, Омская область – 57,55%, Алтайский край – 62,61%, Кемеровская область – 63,48%, Новосибирская область – 81,67%), менее 20% – два региона (Республика Алтай – 19,27%, Республика Тыва – 12,91%).

На рисунке 1 представлена наглядная иллюстрация энергетически самодостаточных субъектов РФ. Для каждого субъекта РФ указано значение его энергообеспеченности электроэнергией (ось абсцисс), через точку запятой – его доля в ВДС (ось ординат). Линия тренда, отображенная пунктирной линией, имеет отрицательный наклон, что демонстрирует обратную зависимость между рассматриваемыми показателями. Рассчитанный дополнительно коэффициент корреляции Пирсона ($r = -0,18$) также подтверждает пусть и слабую по шкале Чеддока, но статистически значимую обратную взаимосвязь. В теории это означает, что при снижении одной величины другая будет возрастать, т.е. если необходимо увеличить долю региона в валовой добавленной стоимости и повысить экономическую значимость региона (что действительно необходимо), то следует снижать энерго-

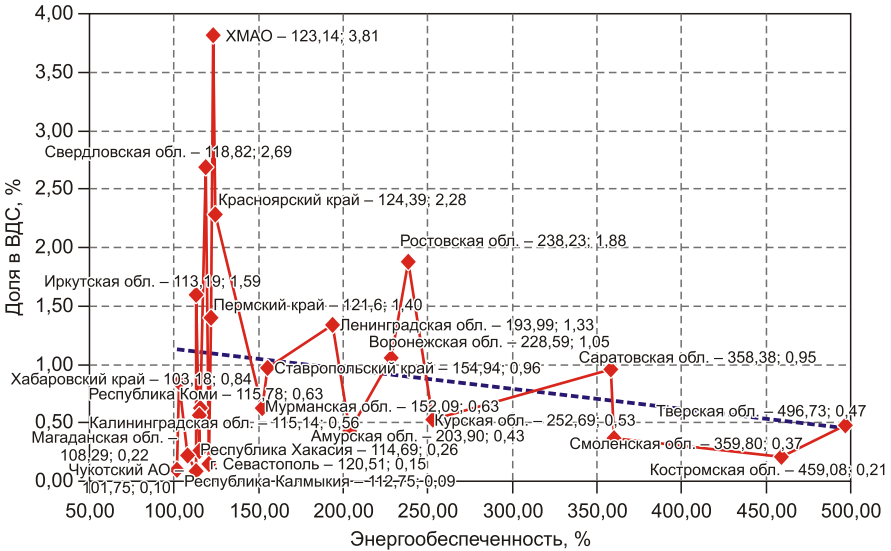

Рис. 1. Субъекты РФ, обеспеченные собственными энергоресурсами (электроэнергией)

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/>) и электробаланса Российской Федерации

(URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1lvZNZb1dJB0_AEdVNXqNrvvlIL8dkBnQsAP9z9Hzb7M/edit?gid=1375874936#gid=1375874936)

обеспеченность региона – либо сокращать производство электроэнергии, либо увеличивать энергопотребление в регионе. Представляется, что оба направления едва ли являются верными, поэтому в практическом плане требуется выработка иных решений.

Помимо прочего, примечательным также является то обстоятельство, что субъекты РФ, имеющие самую высокую долю в валовой добавленной стоимости, во многом формирующие доходы страны и обеспечивающие рост российской экономики, остаются энергозависимыми регионами. К их числу относятся г. Москва (энергообеспеченность – 90,87%; доля в ВДС – 20,98%), г. Санкт-Петербург (83,57%; 6,10%), Московская область (41,62%; 5,88%), Ямало-Ненец-

кий автономный округ (83,08%; 3,26%), Республика Татарстан (85,36%; 2,82%), Краснодарский край (40,05%; 3,25%) и др.

Результаты второго этапа предваряет расчет парного коэффициента корреляции Пирсона между долей потерь в электросетях и валовым региональным продуктом на душу населения. Его значение ($r = -0,66$) позволяет интерпретировать по шкале Чеддока тесноту обратной связи между переменными как «заметную», что само по себе подтверждает необходимость сопоставления этих переменных и выполнения анализа степени влияния регрессора (доля потерь в электросетях) на регрессанта (ВРП/население).

Анализ рассчитанных данных выявил две определенные тенденции. Первая демонстрирует следующую зависимость: наименьшая доля потерь в электросетях (менее 7%) благотворно влияет на ВРП на душу населения. Так, например, в Ненецком автономном округе доля потерь составила 0,53% при самом высоком в России ВРП на душу населения – 9 149 623,3 руб., в Ямало-Ненецком автономном округе доля потерь составила 2,99%, а ВРП на душу населения – 7 572 420,3 руб., в Ханты-Мансийском автономном округе – 3,67% и 3 334 556,9 руб. соответственно, в Мурманской области – 5,84% и 1 487 363,6 руб., в г. Москве – 6,63% и 1 935 204,5 руб.

Вторая тенденция, так же как и первая, демонстрирует обратную зависимость: при самой высокой доле потерь наблюдается самый низкий показатель ВРП на душу населения. Однако если выделить группу из первых 12 регионов страны с наибольшей долей энергопотерь в электросетях (выше 14%), то можно обнаружить два исключения из общей тенденции. В Амурской области доля потерь в электросетях составила 14,35% при одном из самых высоких показателей ВРП на душу населения – 683 167,9 руб. (Амурская область входит в топ-10 регионов с самым высоким значением этого показателя). Другим исключением является Астраханская область: энергопотери – 14,74%, а ВРП на душу населения – 661 244,9 руб. (область также входит в топ-10 регионов по данному показателю).

Наглядная иллюстрация результатов согласно выполненному второму этапу исследования представлена на рис. 2. Пунктирной линией изображена линия тренда, которая, как и на рис. 1, имеет отрица-

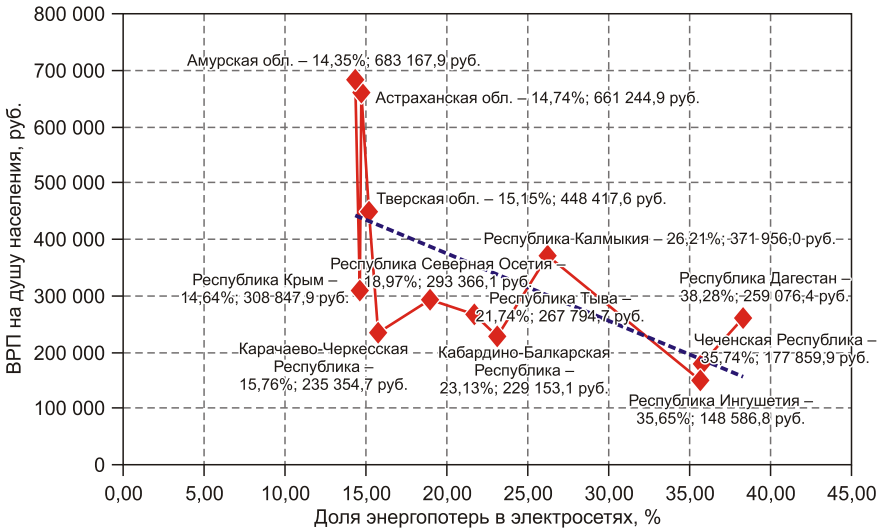

Рис. 2. Субъекты РФ с самой высокой долей энергопотерь в электросетях

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/>) и электробаланса Российской Федерации (URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1lvZNB1dJB0_AEdVNXqNrvvlIL8Dk BnQSAP9z9HZb7M/edit?gid=1375874936#gid=1375874936)

тельный наклон. Следовательно, существует обратная зависимость между рассматриваемыми параметрами. Исходя из этого, можно заключить, что для повышения значения валового регионального продукта на душу населения необходимо сокращать энергопотери в электросетях.

Ситуация в субъектах РФ, входящих в Сибирский федеральный округ, не является исключением. Так, одни из самых высоких энергопотерь по сравнению со всеми регионами России наблюдаются в Республике Тыва (21,74%), при этом доля ВРП составляет всего 0,07% (один из самых низких показателей среди всей совокупности), а ВРП на душу населения – 267 794,7 руб. (также один из самых низких). Следовательно, для повышения ВРП следует сокращать энергопо-

тери в электросетях. Другой пример связан с выявленной первой тенденцией: доля энергопотерь в Красноярском крае (5,91%) в 3,68 раза ниже, чем в Республике Тыва, а ВРП на душу населения при этом в 4,01 раза выше и составляет 1 074 424,2 руб./чел.

В результате выполнения третьего этапа были получены количественные значения по регионам России с их градацией по энергопотерям в электросетях на высокие (37 субъектов РФ) и низкие (48 субъектов РФ). Итоговая группировка всех субъектов РФ по сочетанию сразу двух показателей представлена в таблице.

Результаты, полученные на третьем этапе исследования, показывают, что устойчивое развитие, характеризующееся триадой его ос-

**Плотность распределения субъектов РФ по двум показателям:
энергетической самодостаточности и доле потерь в электросетях**

Группа	Энергетическая самодостаточность; потери в электросетях	Кол-во субъектов РФ	Субъекты РФ	Характеристика развития субъектов РФ
1	Низкая; низкие	32	Калужская обл., Пензенская обл., Владимирская обл., Рязанская обл., Чувашская Республика и др.	Устойчивое развитие условно
2	Низкая; высокие	28	Брянская обл., Псковская обл., Тамбовская обл., Астраханская обл., Ярославская обл. и др.	Неустойчивое развитие безусловно
3	Высокая; низкие	16	Смоленская обл., Курская обл., Воронежская обл., Иркутская обл., Свердловская обл. и др.	Потенциально устойчивое развитие
4	Высокая; высокие	9	Тверская обл., Саратовская обл., Ростовская обл., Костромская обл., Амурская обл. и др.	Относительно устойчивое развитие

Источник: составлено и рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

новых составляющих (социальной, экономической и экологической), значительно различается между группами регионов.

Так, в первой группе низкие энергопотери в электросетях во многом объясняются низкой энергетической самодостаточностью, а значит, несущественным негативным воздействием на окружающую среду в процессе добычи полезных ископаемых и производства электроэнергии, что предполагает трактовку такого развития как устойчивого. Однако небольшая доля региона в валовой добавленной стоимости (Калужская область – 0,51%, Пензенская область – 0,50%, Владимирская область – 0,59%) и невысокий валовой региональный продукт на душу населения (Рязанская область – 487 276,4 руб., Чувашская Республика – 326 607,0 руб.) характеризуют данную группу как группу регионов с устойчивым развитием условно, т.е. повышение значений экономической и социальной составляющих при неизменно низком значении экологического компонента позволит довести уровень развития этих регионов до состояния устойчивого развития без добавления условностей.

В этой связи основной задачей органов государственной власти является повышение собственной энергетической обеспеченности регионов, которая в итоге должна благоприятствовать увеличению объемов выпуска продукции, а значит, интенсификации темпов экономического роста и усилению динамики экономического развития. Использование возобновляемых источников энергии могло бы стать решением этой задачи, поскольку само создание дополнительных производственно-энергетических мощностей должно способствовать, с одной стороны, повышению энергетической самодостаточности региона, а с другой стороны, при сохранении статус-кво касательно экологической составляющей и неувеличении негативного воздействия на окружающую среду – налаживанию дополнительных видов экономической деятельности за счет создания собственных энергомощностей. При этом в арсенале региональных властей для выполнения обозначенной задачи имеется достаточно необходимых инструментов: от предоставления налоговых льгот в части региональных налогов и ставок до возмещения понесенных инвестором затрат и выделения инвестору субсидий или предоставления нало-

гового вычета в соответствии с бюджетным законодательством РФ при строительстве собственных, увеличивающих энерго мощности региона, либо при реконструкции и (или) модернизации имеющихся энергетических объектов и инфраструктуры, в том числе и возобновляемых источников энергии.

Вторая группа регионов характеризуется низкой обеспеченностью собственными энергоресурсами при одновременно высоких энергопотерях в электросетях. В данном контексте это наихудший вариант развития, и поэтому регионы относятся к группе с неустойчивым развитием безусловно. Такая «безусловность» определена полученными значениями сразу по двум показателям, которые в идеале должны быть противоположными, как в третьей группе. Отсюда очевидны и меры государственного регулирования со стороны органов власти. Энергетическая политика в таком случае предусматривает решение одновременно двух задач: наращивание собственных энерго мощностей (меры могут быть аналогичными мерам в первой группе) и осуществление политики стимулирования энергосбережения. Касательно решения второй задачи предполагается, что меры региональных властей могут быть двунаправленными. С одной стороны, это управление спросом посредством административно-распорядительных инструментов, например разработка и установление лимитов и нормативов на потребление энергоресурсов в регионе. С другой стороны, это применение финансово-экономических инструментов: предоставление преференций по уплате региональных и местных налогов для юридических лиц при условии осуществления ими инвестиций в основной капитал в целях модернизации и обновления значительной части существующих основных фондов, снижающих технологические энергопотери в электросетях и повышающих энергоэффективность в целом.

Третья группа регионов отражает идеальные параметры устойчивого развития: высокую энергетическую самодостаточность и низкие энергопотери в электросетях. Однако в данной группе отдельные регионы не в полной мере реализуют свой энергоэкономический потенциал. Наблюдается «любопытная картина», когда обеспеченность электрической энергией в регионе в 3–4 раза превосходит собст-

венные потребности в ней (как это можно видеть, например, в Смоленской и Курской областях, где располагаются атомные электростанции), но при этом доля указанных регионов в валовой добавленной стоимости остается крайне низкой (0,35 и 0,56% соответственно), что сдерживает их экономическое и социальное развитие при наличии потенциальных возможностей. Дело в том, что подобным субъектам РФ традиционно отводится определенная роль – обеспечение соседних регионов необходимым количеством электроэнергии, т.е. во главу угла ставится не собственное развитие этих субъектов РФ, а надежное энергоснабжение соседних.

В этом случае возникает неоднозначная ситуация. Во-первых, при генерации больших объемов энергии пропорционально возрастает негативное воздействие на окружающую среду. Получается, что энергетически самодостаточные регионы из-за таких перекосов в модели производства-потребления электроэнергии сами предопределяют свое развитие как неустойчивое, в то время как субъекты РФ, слабо обеспеченные собственными энергоресурсами, негативного воздействия на окружающую среду почти не оказывают и де-факто функционируют как регионы с устойчивым развитием, что в целом искажает реальное положение дел.

Во-вторых, регионы-генераторы с избыточным производством электроэнергии, осуществляя ее перетоки в энергонеобеспеченные субъекты РФ, теряют свой потенциальный доход от организации и осуществления иного (более прибыльного) вида экономической деятельности, поскольку транзитные функции региона обнаруживают гораздо меньшую добавленную стоимость по сравнению с организацией какого-либо производства. В этой связи, при том что несколько не умаляются предназначение таких регионов и выполняемые «атомными» субъектами РФ функции по надежному энергоснабжению, для формирования сбалансированной модели производства-потребления электроэнергии, учитывающей избыточную генерацию энергии, предлагается организация на территории регионов-генераторов более энергоемкого и имеющего более высокую добавленную стоимость нового вида экономической деятельности – майнинга, доля электроэнергии в себестоимости которого составляет

около 96%. Такое предложение расходится с теоретическими воззрениями и установленной корреляционной зависимостью, но обосновывается спецификой функционирования и развития энергодостаточных регионов. Кроме того, с 1 ноября 2024 г. на территории России майнинг является законодательно разрешенной деятельностью⁴, способной увеличить доход региона, т.е. повысить экономическую составляющую устойчивого развития, что, собственно, и требуется. Исходя из данного предложения определяются и меры государственного регулирования со стороны органов региональной власти – организация и контроль добычи криптовалюты. Эти меры стимулируют данную деятельность и в то же время устанавливают лимиты на энергопотребление в регионе организуемыми фермами. Вместе с тем данное предложение всецело отвечает проводимой в России финансовой политике, направленной на формирование и распространение цифрового рубля и использование криптовалюты в международных расчетах в условиях санкционной политики западных стран.

В четвертую, самую малочисленную, группу регионов, характеризующуюся высокой энергетической самодостаточностью и высокой долей энергопотерь в электросетях, так же как и в третью группу, входят субъекты РФ, на территории которых расположены атомные электростанции. Причем по сравнению с третьей группой выработка электроэнергии в этих регионах превышает их собственные потребности в 4–5 раз (например, в Тверской области – 533,03%, в Костромской – 404,25%). То есть можно сказать, что эти регионы могут себе позволить высокие энергопотери и это никак не будет отражаться на их надежном энергоснабжении и энергетической безопасности. Поэтому данные субъекты РФ относятся к группе регионов с относительно устойчивым развитием. Однако принятые в России законодательные акты об энергосбережении требуют осуществления мероприятий, направленных на сокращение потребления энергорес-

⁴ См.: *Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/ (дата обращения: 20.12.2024).

сурсов (из невозобновляемых источников энергии) и проведение политики по повышению энергоэффективности всеми хозяйствующими субъектами. В отличие от третьей группы, где акцент делается на задействовании высокой энергообеспеченности региона в экономическом плане, в данной группе регионов основной проблемой являются высокие энергопотери в электросетях (в Тверской области они составили 15,15%, в Амурской – 14,35%).

В этой связи в качестве мер региональными властями могут применяться инструменты, которые были предложены для второй группы касательно осуществления политики стимулирования энергосбережения. Дополнительно может быть применен механизм согласования территориальных топливно-энергетических балансов, определяющих количественные параметры выработки и потребления энергии, в которых следует регламентированно и последовательно предусмотреть сведение к минимуму возникающих энергопотерь в электросетях (в настоящее время работа в этом направлении организована таким образом: возрастает электропотребление, следовательно, возрастает и генерация энергии, а вместе с ней возрастают и энергопотери, т.е. должного внимания этому процессу пока не уделяется).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что решение научно-практической задачи по нивелированию возникающих энергетических дисбалансов в региональных моделях производства-потребления электроэнергии не может быть типичным для всех регионов страны, что довольно часто встречается в практике хозяйствования, а должно быть типологическим для каждой выделенной группы регионов, характеризующейся своими особенностями имеющейся энергетической инфраструктуры и спецификой развития регионального энергетического комплекса. Можно констатировать, что в разных группах регионов – с высокой и низкой энергетической самодостаточностью, а также с различными энергопотерями в электросетях – влияние данных факторов на валовой региональный продукт и валовой региональный продукт на душу населения различно, что обуславливает и разный уровень устойчивого развития регионов.

Повышение устойчивости развития и энергетической эффективности субъектов РФ зависит от многих факторов, но в наименьшей степени и от принимаемых органами власти решений. В методологическом плане нередко допускаются ошибки, когда при принятии решения пренебрегают оптимальными пропорциями в модели производства-потребления электроэнергии, которая должна быть сбалансирована в границах каждого субъекта РФ. В свою очередь, недоучет текущего состояния энергобаланса региона порождает как минимум две проблемы: сокращения темпов устойчивого социально-экономического развития региона и принятия неправильных решений в энергетической сфере, снижающих энергоэффективность региона.

Во избежание указанных проблем предложенные автором методика и типологическая группировка российских регионов по степени их энергообеспеченности и доле энергопотерь в электросетях могут способствовать, с одной стороны, выработке типологически верных решений органами региональной власти, а с другой – повышению энергетической эффективности каждого субъекта Российской Федерации и страны в целом.

Список источников

1. *Артыкбаева Г.Ш., Мусаева В.А., Алымсеитова Б.К.* Анализ состояния топливно-энергетического комплекса Кыргызской Республики // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 6. – С. 532–539.
2. *Бухтояров В.Ф., Рыбалченко К.Ю., Орешков В.В.* Электроэнергетика, экономика и экология: взаимосвязи и аспекты безопасности // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 5. – С. 66–71.
3. *Бушуев В.* План ГОЭЛРО: возрастное ограничение 100+ // Энергетическая политика. – 2020. – № 12 (154). – С. 30–39.
4. *Васильева О.Е., Дмитриева А.А., Назарова Е.О.* Энергообеспеченность сельской местности России: региональные особенности // Общество. Среда. Развитие. – 2023. – № 4. – С. 288–294. DOI: 10.53115/19975996_2023_04_288_294.
5. *Земцов С.П., Кидяева В.М., Баринова В.А., Ланьшина Т.А.* Экологическая эффективность и устойчивое развитие регионов России за двадцатилетие сырьевого роста // Экономическая политика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 18–47.
6. *Кислая Т.Н.* Теоретико-методологические подходы к управлению экономической безопасностью региона / Под науч. ред. В.Н. Тисуновой. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 152 с.

7. Козенко А.С. План ГОЭЛРО как пример национальной технико-экономической стратегии // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 2. – С. 17–23.
8. Кржижановский Г.М. Сочинения. Т. 1: Электроэнергетика. – Москва; Ленинград: Энергоиздат, 1933. – XI, 628 с.
9. Крюков В.А., Крюков Я.В. ТЭК Китая и России в контексте перехода на траекторию низкоуглеродного развития // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 141–167. DOI: 10.14530/se.2022.3.141-167.
10. Семикашев В.В., Саенко В.В., Колпаков А.Ю. Совершенствование системы анализа энергетической безопасности России в контексте утверждения новой доктрины энергетической безопасности 2019 г. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – № 18. – С. 135–156.
11. Сендеров С.М., Смирнова Е.М. Оценка уровня энергетической безопасности регионов России и основные принципы создания системы мониторинга энергетической безопасности // Проблемы устойчивости функционирования стран и регионов в условиях кризисов и катастроф современной цивилизации: Мат. XVII Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / Московская чрезвычайная служба России, Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России. – М., 2012. – С. 112–125.
12. Симонов А.Г. Энергетическая (не)зависимость и страновая специализация как фактор глобальной конкурентоспособности // Геоэкономика энергетики. – 2024. – № 2 (26). – С. 106–137. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_106.
13. Симонов А.Г., Лавров С.Н. Глобальный энергопереход: формирование нового технологического уклада // Геоэкономика энергетики. – 2022. – № 4 (20). – С. 16–35. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_16.
14. Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 320 с.
15. Ячменев Е.Ф., Лазарев А.С. Анализ энергетического рынка в Республике Крым // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы: Сб. тр. IV Всерос. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2019. – С. 106–111.
16. Horbach J., Rammer C., Rennings K. Determinants of eco-innovations by type of environmental impact – The role of regulatory push/pull, technology push and market pull // Ecological Economics. – 2012. – Vol. 78. – P. 112–122.
17. Lanshina T.A., Laitner J.A., Potashnikov V.Y., Barinova V.A. The slow expansion of renewable energy in Russia: Competitiveness and regulation issues // Energy Policy. – 2018. – Vol. 120 (C). – P. 600–609.
18. Rashidi K., Shabani A., Saen R.F. Using data envelopment analysis for estimating energy saving and undesirable output abatement: A case study in the Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) countries // Journal of Cleaner Production. – 2015. – Vol. 105. – P. 241–252. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.07.083.
19. Valadkhani A., Roshdi I., Smyth R. A multiplicative environmental DEA approach to measure efficiency changes in the world's major polluters // Energy Economics. – 2016. – Vol. 54 (C). – P. 363–375.

20. *Vlontzos G., Niavis S., Manos B.* A DEA approach for estimating the agricultural energy and environmental efficiency of EU countries // *Renewable and Sustainable Energy Reviews.* – 2014. – Vol. 40 (C). – P. 91–96.

Информация об авторе

Белов Валерий Игоревич (Россия, Санкт-Петербург) – доктор экономических наук, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (199178, Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., 57/43); доцент кафедры экономики и управления Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10 А). E-mail: v.i.belov@bk.ru.

DOI: 10.15372/REG20250302

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 26–50

V.I. Belov

ENERGY SELF-SUFFICIENCY OF RUSSIAN REGIONS AND ITS IMPACT ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Improving the energy efficiency of the constituent parts of the Russian Federation in the context of their sustainable development is fully in line with the global “green agenda” and, due to the adopted domestic regulatory documents, represents a state task. Sustainable development is subject to a number of conditions and factors, including the availability of regions’ own energy resources. Energy self-sufficiency in the general energy sense implies the self-sufficiency of regions not only in terms of electricity, but also in terms of other fuel and energy resources (coal, gas, oil, etc.). However, this article focuses on the issue of regional self-sufficiency in electricity. In this regard, the aim of the article is to construct typological groups of regions depending on the degree of influence on their sustainable development of such indicators as the region’s energy security and the share of energy losses in power grids.

The study covers 85 constituent entities of the Russian Federation based on data for 2022 and is based on a methodology developed by the author, which first involves assessing the country’s regions according to the analyzed indicators and then typologizing them. As a result, quantitative and qualitative

parameters made it possible to form four groups of regions, differing in terms of sustainable development characteristics. In order to increase the level of sustainable development and energy efficiency of regions, authorities should adopt not typical but typological decisions for each identified group, taking into account the impact of the region's energy self-sufficiency and energy losses on the gross regional product and gross regional product per capita.

This study contributes theoretically to solving the scientific and practical problem of levelling energy imbalances in regional electricity production and consumption models. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained can be used by regional authorities in implementing energy policy in the region, and the proposed tools and mechanisms can be directly applied in their practical activities.

Keywords: energy supply of regions; energy losses; typological grouping; energy efficiency; energy conservation incentives; imbalances in production-consumption models; regional energy policy

For citation: *Belov, V.I. (2025). Energeticheskaya samodostatochnost Rossiyskikh regionov i ee vliyanie na ustoychivoe razvitiye [Energy self-sufficiency of Russian regions and its impact on sustainable development]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 26–50. DOI: 10.15372/REG20250302.*

References

1. *Artykbaeva, G.Sh., V.A. Musaeva & B.K. Alymseitova. (2021). Analiz sostoyaniya toplivno-energeticheskogo kompleksa Kyrgyzskoy Respubliki [Analysis of the state of the fuel and energy complex of the Kyrgyz Republic]. Aktualnye voprosy sovremennoy ekonomiki [Topical Issues of the Modern Economy], 6, 532–539.*
2. *Bukhtoyarov, V.F., K.Yu. Rybalchenko & V.V. Oreshkov. (2018). Elektroenergetika, ekonomika i ekologiya: vzaimosvyazi i aspekty bezopasnosti [Electric energy, economy and ecology: interconnections and safety aspects]. Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Vestnik of Altai Academy of Economics and Law], 5, 66–71.*
3. *Bushuev, V. (2020). Plan GOELRO: vozrastnoe ogranichenie 100+ [The GOELRO Plan: age limit 100+]. Energeticheskaya politika [Energy Policy], 12 (154), 30–39.*
4. *Vasilieva, O.E., A.A. Dmitrieva & E.O. Nazarova. (2023). Energoobespechenost selskoy mestnosti Rossii: regionalnye osobennosti [Energy supply in rural areas of Russia: regional peculiarities]. Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. [Society. Environment. Development.], 4, 288–294. DOI: 10.53115/19975996_2023_04_288_294.*
5. *Zemtsov, S.P., V.M. Kidyaeva, V.A. Barinova & T.A. Lanshina. (2020). Ekologicheskaya effektivnost i ustoychivoe razvitiye regionov Rossii za dvadtsatiletie sryevogo rosta [Ecological efficiency and sustainable regional development in Russia during*

the 20 years of resource-based growth]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], Vol. 15, No. 2, 18–47.

6. *Kislaya, T.N.* (2021). *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k upravleniyu ekonomicheskoy bezopasnostyu regiona* [Theoretical and Methodological Approaches to Managing the Economic Security of the Region]. Ed. by V.N. Tisunova. *Cheboksary, Publishing House “Sreda”*, 152.

7. *Kozenko, A.S.* (2015). *Plan GOELRO kak primer natsionalnoy tekhniko-ekonomicheskoy strategii* [GOELRO Plan as an example of national technical and economic strategy]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 2, 17–23.

8. *Krzhizhanovskiy, G.M.* (1933). *Sochineniya*. T. 1: *Elektroenergetika* [Works. Vol. 1: Electric Energy]. Moscow & Leningrad, *Energoizdat Publ.*, XI, 628.

9. *Kryukov, V.A. & Ya.V. Kryukov.* (2022). *TEK Kitaya i Rossii v kontekste perekhoda na traektoriyu nizkouglerodnogo razvitiya* [The fuel and energy complexes of China and Russia in the context of the transition to the low-carbon development trajectory]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 18, No. 3, 141–167. DOI: 10.14530/se.2022.3.141-167.

10. *Semikashhev, V.V., V.V. Saenko & A.Yu. Kolpakov.* (2020). *Sovershenstvovanie sistemy analiza energeticheskoy bezopasnosti Rossii v kontekste utverzhdeniya novoy doktriny energeticheskoy bezopasnosti 2019 g.* [Improvement of the system for analyzing Russia’s energy security in the context of the approval of the new doctrine of energy security 2019]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Proceedings: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 18, 135–156.

11. *Senderov, S.M. & E.M. Smirnova.* (2012). *Otsenka urovnya energeticheskoy bezopasnosti regionov Rossii i osnovnye printsipy sozdaniya sistemy monitoringa energeticheskoy bezopasnosti* [Assessment of the level of energy security of Russian regions and the basic principles of creating a monitoring system of energy security]. In: *Problemy ustoychivosti funktsionirovaniya stran i regionov v usloviyakh krizisov i katastrof sovremennoy tsivilizatsii: Mat. XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po problemam zashchity naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy* [Problems of Stability of Functioning of Countries and Regions in the Conditions of Crises and Catastrophes of Modern Civilization: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference on the Problems of Protection of Population and Territories from Emergency Situations]. Moscow Emergency Service of Russia, All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergency Situations of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Moscow, 112–125.

12. *Simonov, A.G.* (2024). *Energeticheskaya (ne)zavisimost i stranovaya spetsializatsiya kak faktor globalnoy konkurentosposobnosti* [Energy (in)dependence and national specialization as a factor of global competitiveness]. *Geoekonomika energetiki* [Geoeconomics of Energy], 2 (26), 106–137. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_106.

13. *Simonov, A.G. & S.N. Lavrov.* (2022). *Globalnyy energoperekhod: formirovanie novogo tekhnologicheskogo uklada* [Global energy transition: formation of a new technological paradigm]. *Geoekonomika energetiki* [Geoeconomics of Energy], 4 (20), 16–35. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_16.

14. *Simonov, N.S.* (2016). *Razvitie elektroenergetiki Rossiyskoy imperii: predystoriya GOELRO [Development of Electric Power Industry of the Russian Empire: Prehistory of GOELRO]*. Moscow, Russian Foundation for Promotion of Education and Science, 320.

15. *Yachmenev, E.F. & A.S. Lazarev.* (2019). *Analiz energeticheskogo rynka v Respublike Krym [Analysis of the energy market in the Republic of Crimea]*. In: *Effektivnoe upravlenie ekonomikoy: problemy i perspektivy: Sb. tr. IV Vseros. nauch.-prakt. konf. [Effective Management of the Economy: Problems and Prospects: Proceedings of the IV All-Russian scientific-practical conference]*, Simferopol, 106–111.

16. *Horbach, J., C. Rammer & K. Rennings.* (2012). *Determinants of eco-innovations by type of environmental impact – The role of regulatory push/pull, technology push and market pull*. *Ecological Economics*, 78, 112–122.

17. *Lanshina, T.A., J.A. Laitner, V.Y. Potashnikov & V.A. Barinova.* (2018). *The slow expansion of renewable energy in Russia: Competitiveness and regulation issues*. *Energy Policy*, 120 (C), 600–609.

18. *Rashidi, K., A. Shabani & R.F. Saen.* (2015). *Using data envelopment analysis for estimating energy saving and undesirable output abatement: A case study in the Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) countries*. *Journal of Cleaner Production*, 105, 241–252. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.07.083.

19. *Valadkhani, A., I. Roshdi & R. Smyth.* (2016). *A multiplicative environmental DEA approach to measure efficiency changes in the world's major polluters*. *Energy Economics*, 54 (C), 363–375.

20. *Vlontzos, G., S. Niavis & B. Manos.* (2014). *A DEA approach for estimating the agricultural energy and environmental efficiency of EU countries*. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 40 (C), 91–96.

About Author

Belov, Valeriy Igorevich (St. Petersburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economics, Northwestern Institute of Management – Branch of RANEPa (57/43, Sredny Ave. V.O., St. Petersburg, 199178, Russia); Associate Professor at the Department of Economics and Management, A.S. Pushkin Leningrad State University (10 A, Peterburgskoe Hwy., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia). E-mail: v.i.belov@bk.ru.

Поступила в редколлегию 23.12.2024.

После доработки 05.02.2025.

Принята к публикации 10.02.2025.

Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, Е.Ю. Логинова

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
В ЭКОНОМИКЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
И ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА**

Сегодня Россия, адаптируясь к стратегическим вызовам, которые связаны прежде всего с изменением мирового порядка, создает свою модель суверенной национальной экономики. Одним из важных обстоятельств достижения поставленной цели является развитие межрегионального взаимодействия внутри страны в качестве инструмента реализации потенциала ее территорий.

В статье на примере Кемеровской области – Кузбасса исследуется проблема структурно-технологической близости (СТБ) регионов как значимого фактора активизации экономических связей между субъектами РФ. Апробирован методический инструментарий для оценки СТБ регионов. Для ее измерения использованы официальные данные Росстата за 2022 г. По итогам расчетов определены субъекты РФ с сильными на текущий момент позициями для развития сотрудничества с Кузбассом. Они представляют основные макрорегионы страны. В рамках возможного партнерства с участниками этой группы территорий Кемеровская область способна выступать и поставщиком, и получателем не только капитала, но также знаний и технологий. Последнее особенно важно в ситуации реформирования ресурсной (сырьевой) модели функционирования Кузбасса.

Полученные результаты могут быть использованы для актуализации документов стратегического планирования Кемеровской области, для разработки программ и проектов, направленных на усиление процессов ее интеграции и кооперации с другими российскими регионами через развитие каналов обмена интеллектуальными ресурсами и капиталом.

Ключевые слова: Кузбасс; межрегиональные связи; регионы России; структурно-технологическая близость; оценка

Для цитирования: Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю. Межрегиональные связи в экономике Кемеровской области: подход к исследованию и предварительная оценка // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 51–79. DOI: 10.15372/REG20250303.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Стратегические вызовы, с которыми столкнулась Российская Федерация в последние годы и которые связаны прежде всего с изменением мирового порядка, стали серьезным испытанием для ее экономики. Сегодня страна, адаптируясь к новым условиям, создает свою модель суверенной национальной экономики – экономику предложения, что означает переход на качественно новый уровень развития¹. В эту работу вовлечены все субъекты Федерации, а одним из важных обстоятельств достижения намеченной цели является межрегиональное взаимодействие как инструмент реализации внутреннего потенциала страны и ее отдельных территорий. Но траектория движения регионов навстречу друг другу у каждого своя, и она зависит от нынешней степени их интеграции в российскую и мировую экономику.

Кемеровская область – Кузбасс в данном случае может выступать показательным примером. Этот регион является единственной на сегодня в России углепромышленной территорией, причем с ярко выраженной экспортной ориентацией экономики. На долю Кузбасса приходится половина суммарного объема добычи угля в РФ (в 2023 г. – 212,6 из 438,7 млн т) и его экспорта из страны (в 2023 г. – 105,8 из 202,7 млн т) [20]. Угледобыча обеспечивает около 40% налоговых доходов консолидированного бюджета Кемеровской области, свыше

¹ См.: *Стенограмма* пленарного заседания Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России. – 16.06.2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71445> (дата обращения: 15.02.2025).

40% ее валового регионального продукта (ВРП), почти две трети созданной в отраслях кузбасской индустрии валовой добавленной стоимости (ВДС)², не менее 40% общего объема инвестиций в основной капитал ежегодно осваивается в угледобывающем секторе экономики региона.

Открытая, нацеленная на экспорт сырьевая модель развития Кемеровской области сформировалась в процессе адаптации региона к новому экономическому контексту в 1990–2000-е годы³ и в течение 20 лет обеспечивала ведущему российскому углепромышленному региону относительную устойчивость. Но как показывает практика, эта устойчивость зависит от единственного фактора – цены на уголь на мировых рынках, которая подвержена резким колебаниям (см. рисунок).

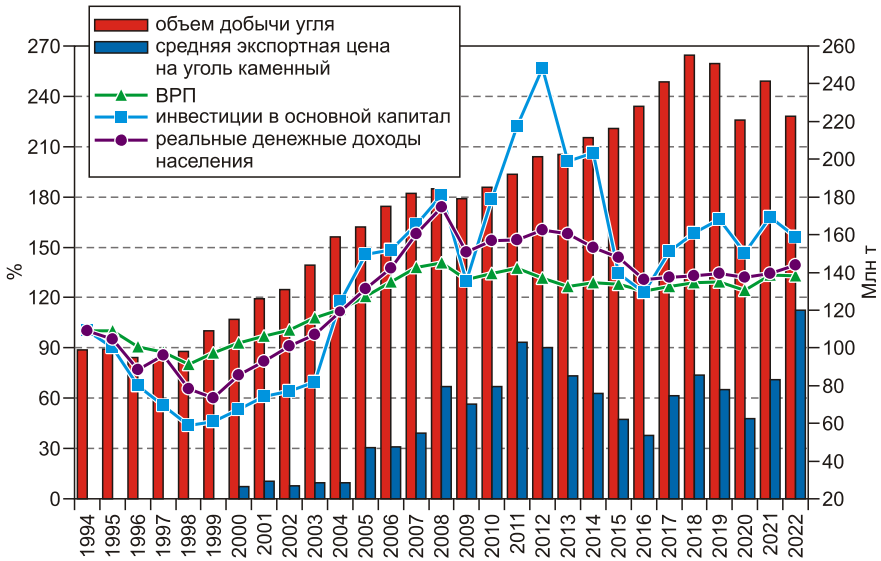
Примечательно, что структура кузбасской экономики на протяжении последних полутора десятков лет не менялась (табл. 1). По нашей оценке, в Кемеровской области индекс структурных сдвигов Салаи в период 2005–2018 гг. составил всего 0,147, в 2019–2022 гг. его значение уменьшилось до 0,047⁴. По шкале оценивания, предложенной Т.Н. Беловой [3], мера существенности структурных сдвигов при таких значениях индекса характеризуется как «низкий уровень различия структур» (2005–2018 гг.) и «весьма низкий уровень различия структур» (2019–2022 гг.). Таким образом, фактически динамику развития региона продолжает определять структурный профиль экономики, основа которого была заложена в середине XX в.

Кузбасс, с начала XXI в. реализуя экспортно ориентированную модель развития, сумел приспособиться к циклическим колебаниям

² Расчетные оценки авторов по данным Кемеровостата за 2022 г.

³ Подробнее см.: *Крюков В.А., Фридман Ю.А., Логинова Е.Ю., Речко Г.Н., Хохрина О.И.* Стратегии развития Кузбасса в контексте концепции ревитализации старопромышленного региона // *Экономика региона.* – 2024. – Т. 20 (4). – С. 978–992. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-1.

⁴ Диапазон изменения индекса Салаи «от 0 до 1»: чем ближе значение к 1, тем больше отличие одной структуры от другой. Расчетные оценки были получены нами по показателю занятости с использованием 14-отраслевой детализации ОКВЭД2, сопоставимой (с небольшой погрешностью) с ОКВЭД-2007.

Динамика ключевых показателей развития Кемеровской области в 1994–2022 гг.

Примечание: ВРП, инвестиции, реальные доходы – в процентах к уровню 1994 г. (= 100%), объем добычи угля – в миллионах тонн, средняя экспортная цена на уголь каменный – в долларах США за тонну

Источник: составлено по данным ФТС России, ЦДУ ТЭК, Росстата и результатам расчетов авторов по ним

конъюнктуры мирового рынка угля, запустить относительно успешные, но единичные проекты новой экономики. Однако санкционное давление со стороны недружественных государств, усилившееся с 2022 г., стало серьезным препятствием на пути продолжения развития Кемеровской области с опорой на внешние рынки. Кузбасс вслед за всей страной оказался в ситуации необходимости совершить разворот и начать поиски источников развития за счет внутреннего рынка, в том числе через интеграцию и кооперацию с другими российскими регионами. Причем значимым фактором такого межрегионального экономического взаимодействия, наряду с феноменом пространственной (географической) близости регионов, выступает феномен близости между регионами в структурно-технологической плоскости.

Таблица 1

**Структура валового регионального продукта, произведенного
в Кемеровской области, %**

Сектор экономической деятельности	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Промышленное производство, всего	50,1	51,1	48,4	56,4	55,2	45,5	40,8	57,9	56,3
Из него: добыча угля	25,9	30,5	24,9	35,4	35,6	25,8	18,5	39,2	41,5
Агропродовольственный сектор	4,2	4,9	5,6	3,9	3,4	4,1	5,2	3,7	3,1
Строительный сектор	6,2	5,2	4,7	4,0	4,1	6,2	6,4	3,8	3,6
Экономика знаний	7,0	7,3	9,0	8,7	8,7	10,7	12,3	7,4	7,0
Транспорт и связь	9,4	8,0	8,9	6,3	6,2	7,1	7,1	5,1	5,6
Оптовая и розничная торговля	13,8	12,3	9,8	9,1	8,6	9,9	10,3	8,9	9,6
Гостиницы и рестораны	1,0	0,7	0,1	0,8	0,7	0,9	0,7	0,6	0,5
Культура, спорт	0,4	0,5	0,6	0,7	0,5	0,7
Прочие	12,8	16,0	18,2	13,0	14,6	17,5	19,3	12,1	15,0

Примечание: сектор «экономика знаний» включает образование, здравоохранение, научные исследования и разработки, деятельность в сфере телекоммуникаций и информационных технологий (по модели А.Г. Аганбегяна [1]).

Источник: рассчитано авторами по данным Кемеровстата.

Цель настоящей статьи состоит в попытке *количественно оценить текущий уровень структурно-технологической близости Кемеровской области по отношению к остальным субъектам РФ* и выявить регионы с высоким потенциалом для формирования (активизации) пространственно-сетевых взаимодействий с Кузбассом. При этом под пространственно-сетевым взаимодействием понимается интегративное [7] взаимодействие хозяйствующих субъектов, их прямое и опосредованное воздействие друг на друга, на территории, которая обладает определенным качеством экономического пространства (последнее во многом диктует возможности такого взаимодействия) [23].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время специалисты из разных областей науки (экономисты, социологи, географы, экономгеографы) выделяют и исследуют множество форм межрегиональных взаимодействий [4; 9; 14; 19; 21; и др.]. Однако преимущественное внимание сосредоточено на взаимном обмене товарами, трудовыми ресурсами, технологиями, научными исследованиями и разработками, инвестициями, на производственных отношениях на основе специализации и кооперации, на сотрудничестве в сфере совместного использования сырьевых и природных ресурсов, на проектах создания и поддержания межрегиональной инфраструктуры (энергетика, транспорт, связь и др.). Все это присуще экономикам регионов в силу их неоднородности, разнообразия отраслевых структур и имеет обоснование в виде теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо (впоследствии – теории внешней торговли, предложенной шведскими экономистами Э. Хекшером и Б. Олином).

Рядом научных теорий также установлено, что и географическое положение территорий оказывает серьезное влияние на возможности формирования эффективных условий для межрегионального взаимодействия. Например, еще классическими («штандортными») теориями размещения (Й. Тюнен, В. Кристаллер, В. Лаунхардт, А. Вебер) было доказано влияние и географических, и экономических факторов на межрегиональное сотрудничество. Впоследствии это теоретическое положение получило дальнейшее осмысление в большинстве современных «пространственных» теорий⁵. Такой же подход используется пространственной экономикой (А.Г. Гранберг, П.А. Минакир и др.).

В начале 1990-х годов, когда стартовала трансформация российской экономики, развитие получили экономико-географические теории, основы которых были заложены представителями советской научной школы (Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский, М.К. Бандман и др.). Это вывело на первый план проблему межрегионального соперничества – конкуренции регионов (и создало базу для актуальных

⁵ Обзоры «пространственных» теорий см., например: [2; 6; 21; и др.].

теорий кластерного и инновационного развития [24]). Действительно, регионы в процессе взаимодействия не только используют объективные условия для сотрудничества, но и конкурируют друг с другом за привлекаемые внешние ресурсы и инвестиции, за долю регионального дохода⁶. Принципиальное значение в таком случае приобретает вопрос о факторах конкурентоспособности региона. Наряду с predetermined ориентирами (например, экономико-географическое положение и обеспеченность природными ресурсами), которые продолжают играть весомую роль в формировании конкурентных преимуществ регионов, *конкурентоспособность региона при межрегиональном экономическом взаимодействии во многом зависит от уровня социально-экономического и технологического развития, от структуры экономики конкретной территории.*

Как подчеркивал Р. Камани (один из создателей теории территориального капитала), территориальное образование любого уровня конструирует конкурентные преимущества, являясь основой для локализованных в пределах территории компаний и благодаря той роли, которую оно играет в процессах накопления и передачи знаний, информации, в актах коллективного обучения и т.п. [30].

На рубеже XX–XXI вв. в европейской региональной науке (экономической географии и региональной экономике) актуализируется и набирает популярность концепт *территориальной близости* (proximity). Территориальная близость, а также формируемый во многом на ее основе территориальный капитал рассматриваются как *ресурс, позволяющий значительно снизить риски, связанные с социальными и экономическими взаимодействиями* в условиях присущей современному миру неопределенности. В нулевые годы по данной теме вышло сразу несколько основополагающих работ, включая

⁶ Развернутый анализ теории межрегиональной конкуренции представлен, например, в работе Ю.В. Савельева «Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции (оценка вклада научных теорий)» [24]. См. также труды академика РАН А.И. Татаркина и сотрудников Института экономики УрО РАН (С.М. Бурькова, С.Г. Важенина и др.), работы ученых новосибирской школы региональной экономики (А.С. Новоселова, А.С. Маршаловой, Г.А. Унтуры и др.), работы И.В. Пилипенко, И.П. Данилова и др.

статью Р. Бошмы [27]⁷ – главной фигуры голландской школы близости, а также статью А. Торре и А. Ралле [35]⁸ – представителей французской школы экономики близости (лидером школы является А. Торре). Концепция близости становится самостоятельным научным направлением, ориентированным на изучение потенциала взаимодействия различных объектов как интегрального феномена – с учетом их взаимного расположения (географической близости) и сходства по разным параметрам непространственной близости (в экономическом, рыночном, технологическом, организационно-институциональном пространствах и др.).

Как отмечают сторонники концепции близости [27; 31; 36], географическая близость отделена методологически от непространственной близости и занимает далеко не главную позицию в условной иерархии подобных типов взаимодействий. В частности, французская школа (экономической) теории близости (*proximity economics*)⁹ выделяет две основные формы близости: «географическую» и «организованную». В первом случае речь идет о взаимодействиях, обусловленных пространственной близостью на ограниченной территории, во втором – о взаимодействиях «вне зависимости от географического расстояния», что обусловлено организованной («рукотворной») близостью. При сочетании двух форм близости и возникает «территориальная близость», которая определяется как «*complex interplay between productive relations and spatial relations and their being inextricably linked*» [36, p. 14] («комплексное взаимодействие между производственными и пространственными отношениями с неотъемлемой взаимосвязью между ними». – *Перевод авторов*).

⁷ На сегодняшний день статья процитирована 9861 раз (данные Google Scholar; дата обращения: 04.04.2025).

⁸ На сегодняшний день статья процитирована 2287 раз (данные Google Scholar; дата обращения: 04.04.2025).

⁹ В ряду основных представителей этой школы – в первую очередь Бернар Пекёре (Bernard Pecqueur), Андре Торре (André Torre), Жан-Пьер Жилли (Jean-Pierre Gilly), Клод Дюпуи (Claude Dupuy), Жан-Бенуа Циммерманн (Jean-Benoit Zimmermann) и Габриэль Коллетис (Gabriel Colletis) [26].

В свою очередь, в работах представителя голландской школы (экономической) теории близости Р. Бошмы выделяются пять основных форм близости [27]: географическая¹⁰, социальная, институциональная, организационная, когнитивная¹¹. По мнению экспертов, такой подход привлекает своей стройностью и возможностью применения математического аппарата [28], хотя не является исчерпывающим и тем более единственным¹².

Специалисты по вопросам теории и методологии современной региональной науки отмечают, что «концепция близости, с одной стороны, отражает преемственность в отношении пространственных исследований на протяжении конца XIX – начала XX вв. и во многом перекликается с концепцией экономико-географического положения советского времени; с другой стороны, приобретает многомерность и акцент на ближнем взаимодействии экономических агентов, важном для выработки инноваций, которые в концепциях-предшественниках отсутствовали или не получали усиленного воплощения» [10, с. 17–18].

Достижение межрегиональной экономической связности по-прежнему остается важной теоретической и расчетной задачей [34]. Сегодня, в условиях изменяющейся экономической реальности, проблема интенсификации межрегиональных взаимодействий смещается в сторону использования возможностей складывающегося нового технологического базиса [18]. В теоретических и эмпирических исследованиях соответствующего профиля термин «*непространственная близость*» (non-spatial proximity) трактуется как «близость, измеренная не в единицах физического расстояния между регионами, а в мерах

¹⁰ «Расстоянческая» близость, измеряемая в километрах.

¹¹ Четыре из них (социальная, институциональная, организационная, когнитивная) основаны на непространственной близости, что объясняет стремление различных авторов объединить их в один тип (показателен пример французской школы с «организованной близостью», определяемой как способность организовать взаимодействие объектов без географической близости).

¹² Хрестоматийное и достаточно краткое изложение этой точки зрения см., например: [10; 12].

“сходства/близости” показателей экономического пространства, институционального устройства и др.» [13]. Разнообразные формы непространственной близости рассматриваются учеными в качестве важного фактора, способствующего движению и использованию «отдаленных» знаний, на что указывают, в частности, С. Бреши и Ф. Лиссони [8; 13; 29]. Фактически это вписывается в наметившийся в последнее время тренд на повышение приоритета общности экономических интересов над географической составляющей при выстраивании взаимодействия между регионами. И, безусловно, далеко не второстепенную роль в данном процессе играет текущий уровень глобального технического и технологического развития.

В рамках исследования проблематики связи перетоков знаний и видов непространственной близости, их измерения (в российской научной периодике пока немного публикаций, посвященных данной тематике) в научный оборот введен термин «структурно-технологическая близость» (СТБ) регионов. Так определено сходство регионов по технологической специализации, *опирающееся на учет специфических особенностей региональных экономических структур* в разрезе секторов экономической деятельности¹³. В работах Г.А. Унтуры и соавторов [12; 13] был предложен оригинальный способ измерения структурно-технологической близости российских регионов.

Основа методического приема – коэффициенты структурно-технологической близости отдельного региона (r) по отношению к другим субъектам Федерации (СТБ $_{rj}$; $j = 1, \dots, n$; $j \neq r$). Для их расчета используется показатель валовой добавленной стоимости (ВДС), произведенной секторами экономической деятельности ($k = 1, \dots, K$):

$$\text{СТБ}_{rj} = 1 - \frac{1}{2} \sum_{k=1}^K |\text{ВДС}_{rk} - \text{ВДС}_{jk}|$$

¹³ Следует оговориться: среди обсуждаемых формул для измерения уровня технологической близости достаточно популярен прием Е. Марокку и соавторов, в основе которого учет структуры распределения патентов по технологическим классам [33].

где $ВДС_{rk}$ ($ВДС_{jk}$) – удельный вес ВДС, созданной k -м сектором экономической деятельности, в общем объеме ВДС региона r (региона j).

Именно этот методический инструментарий взят за основу при проведении нашего эмпирического исследования, объектом которого выступает Кемеровская область – Кузбасс. Измерение структурно-технологической близости (расчет коэффициентов СТБ) Кемеровской области по отношению к 81 региону России¹⁴ выполнено по структуре из 19 укрупненных секторов экономической деятельности¹⁵ актуального ОКВЭД2 для субъектов РФ на основе показателя валовой добавленной стоимости¹⁶ за 2022 г. (на момент проведения исследования это были последние утвержденные данные Росстата по ВРП субъектов РФ).

Стоит отметить относительную ограниченность полученных результатов, что обусловлено в первую очередь не полной доступностью статистических данных. Повысить значимость для анализа оценок СТБ было бы возможно при наличии детализированной отраслевой разбивки сегментов добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств. Это позволило бы учесть различия между регионами в типах добываемых ресурсов и видах обрабатывающих производств, а значит, усилить аргументацию выводов.

Измерение *структурно-технологической близости* позволяет выделить группы регионов, которые в большей или меньшей степени

¹⁴ См. далее примечание к табл. 2.

¹⁵ Структура экономической деятельности представлена следующими позициями: «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (раздел А), «добыча полезных ископаемых» (В), «обрабатывающие производства» (С), «обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» (D), «водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» (Е), «строительство» (F), «торговля оптовая и розничная» (G), «транспортировка и хранение» (H) и другие инфраструктурные сектора (разделы от I до T в ОКВЭД2).

¹⁶ Показатель ВДС широко используется в эмпирических исследованиях в качестве индикатора специализации и диверсификации структуры экономики на региональном уровне (см., например: [17; 32]).

схожи по уровню близости структуры ВДС (*сходство по технологической специализации и структуре производств*)¹⁷. Это делает возможной последующую идентификацию регионов с сильными на текущий момент позициями для развития пространственно-сетевое взаимодействия с Кузбассом.

Здесь необходимо сделать оговорку: используемый в настоящей статье расчетный показатель СТБ не улавливает все особенности и потенциал межрегионального экономического и научно-технического сотрудничества и не оценивает потенциал взаимодополнения региональных экономик.

На наш взгляд, применительно к показателю структурно-технологической близости будет более корректным говорить не о характеристике региона в качестве социально-экономической единицы, а о характеристике его корпоративного сектора. Субъект Федерации лишь определяет «географическую рамку» деятельности корпораций, которые и задают главные направления перетоков знаний, технологий и капитала в современной России. Данный тезис важен для понимания сути проведенного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе исследования нами рассчитаны коэффициенты структурно-технологической близости для Кемеровской области – Кузбасса в 2022 г. по структуре из 19 секторов в ОКВЭД2 (табл. 2). Эти коэффициенты являются *количественной мерой СТБ*.

Как показывают полученные результаты, из граничащих с Кузбассом сибирских регионов наиболее структурно-технологически

¹⁷ Для этих целей в настоящей работе использовано известное методологическое положение: большинство безразмерных коэффициентов близости нормированы и находятся в интервале от 0 («отсутствие близости») до 1 («полное сходство»). В случае нашего исследования: *Кемеровская область – Кузбасс имеет значение коэффициента СТБ, равное 1*. Диапазон возможных значений СТБ «от 0 до 1» разбиваем на интервалы для последующей группировки регионов по уровню структурно-технологической близости к Кузбассу (границы интервалов вычисляем как «среднее значение СТБ» ± «стандартное отклонение СТБ»).

Таблица 2

Коэффициенты структурно-технологической близости для Кемеровской области – Кузбасса в 2022 г.

Номер п/п	Регион	Значение коэффициента СТБ	Номер п/п	Регион	Значение коэффициента СТБ
	Кемеровская область – Кузбасс	1,000			
ГРУППА 1 – регионы, наиболее структурно-технологически близкие к Кемеровской области (значение коэффициента СТБ в диапазоне «от 0,738 до 1,000»)			ГРУППА 3 – регионы, в которых СТБ с Кемеровской областью приближается к среднему уровню (значение коэффициента СТБ в диапазоне «от 0,504 до 0,620»)		
1.	Оренбургская обл.	0,904	26.	Новосибирская обл.	0,620
2.	Республика Коми	0,878	27.	Саратовская обл.	0,619
3.	Архангельская обл. (включая Ненецкий АО)	0,878	28.	Волгоградская обл.	0,610
4.	Астраханская обл.	0,834	29.	Мурманская обл.	0,605
5.	Иркутская обл.	0,834	30.	Свердловская обл.	0,604
6.	Магаданская обл.	0,833	31.	Амурская обл.	0,604
7.	Удмуртская Республика	0,822	32.	Калининградская обл.	0,601
8.	Томская обл.	0,813	33.	Ульяновская обл.	0,601
9.	Республика Татарстан	0,803	34.	Ростовская обл.	0,589
10.	Пермский край	0,796	35.	Ставропольский край	0,586
11.	Самарская обл.	0,768	36.	Курганская обл.	0,583
12.	Красноярский край	0,767	37.	Воронежская обл.	0,583
13.	Республика Саха (Якутия)	0,751	38.	Ленинградская обл.	0,581
14.	Республика Хакасия	0,743	39.	Нижегородская обл.	0,580
15.	Белгородская обл.	0,741	40.	Омская обл.	0,580

Продолжение табл. 2

Номер п/п	Регион	Значение коэффициента СТБ	Номер п/п	Регион	Значение коэффициента СТБ
ГРУППА 2 – регионы, в которых СТБ с Кемеровской областью выше среднего уровня (значение коэффициента СТБ в диапазоне «от 0,621 до 0,737»)			41.	Тверская обл.	0,579
			42.	Ярославская обл.	0,579
			43.	Ивановская обл.	0,577
			44.	Смоленская обл.	0,576
16.	Сахалинская обл.	0,733	45.	Рязанская обл.	0,575
17.	Тюменская обл. (включая Ханты-Мансийский АО – Югру и Ямало-Ненецкий АО)	0,715	46.	Пензенская обл.	0,575
18.	Забайкальский край	0,707	47.	Кировская обл.	0,574
19.	Республика Карелия	0,700	48.	Еврейская авт. обл.	0,574
20.	Республика Бурятия	0,665	49.	Владимирская обл.	0,572
21.	Курская обл.	0,656	50.	Псковская обл.	0,572
22.	Хабаровский край	0,637	51.	Костромская обл.	0,571
23.	Челябинская обл.	0,632	52.	Московская обл.	0,568
24.	Чукотский АО	0,622	53.	Алтайский край	0,564
25.	Республика Башкортостан	0,621	54.	Брянская обл.	0,563
			55.	Чувашская Республика	0,563
			56.	Новгородская обл.	0,561
			57.	Республика Марий Эл	0,561
			58.	Республика Мордовия	0,558
			59.	Орловская обл.	0,556
			60.	Калужская обл.	0,555
			61.	Республика Адыгея	0,552
			62.	Республика Крым	0,551
			63.	Тамбовская обл.	0,551
			64.	Краснодарский край	0,550

Окончание табл. 2

Номер п/п	Регион	Значение коэффициента СТБ	Номер п/п	Регион	Значение коэффициента СТБ
			65.	Тульская обл.	0,547
			66.	Республика Тыва	0,546
			67.	Липецкая обл.	0,544
			68.	Карачаево-Черкесская Республика	0,543
			69.	г. Москва	0,540
			70.	Приморский край	0,530
			71.	г. Санкт-Петербург	0,521
			72.	Вологодская обл.	0,521
ГРУППА 4 – регионы, в которых коэффициент СТБ с Кемеровской областью ниже / существенно ниже среднего уровня (значение коэффициента СТБ в диапазоне «от 0,000 до 0,503»)					
			73.	Республика Алтай	0,499
			74.	Камчатский край	0,497
			75.	г. Севастополь	0,497
			76.	Северная Осетия – Алания	0,496
			77.	Кабардино-Балкарская Республика	0,478
			78.	Республика Ингушетия	0,456
			79.	Республика Дагестан	0,455
			80.	Чеченская Республика	0,448
			81.	Республика Калмыкия	0,444

Примечание: по данным на конец 2022 г., в состав РФ входили 89 субъектов Федерации. В ходе настоящего исследования расчеты проведены по 85 регионам РФ, включая три автономных округа, данные по которым учтены в рамках Архангельской (Ненецкий АО) и Тюменской (Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО) областей. Статистическую информацию за 2022 г. по четырем новым субъектам РФ (Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям) Росстат не публиковал.

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

близки к нему Томская область (0,813), Красноярский край (0,767) и Республика Хакасия (0,743). В свою очередь, Новосибирская область (0,620) определена в качестве региона-лидера среди субъектов РФ с потенциально высокими возможностями межрегионального сотрудничества с Кузбассом.

Группировка регионов на основе текущего уровня структурно-технологической близости к ним со стороны Кемеровской области¹⁸ представлена в табл. 2. Однако принадлежность субъектов РФ к той или иной группе не является гарантией их экономического взаимодействия с Кузбассом¹⁹, так же как сходство регионов (СТБ) не обязательно дает какой-либо положительный экономический эффект.

Группа 1. Наиболее близкими с Кемеровской областью по значению СТБ оказались 15 ресурсных регионов²⁰ РФ. В большинстве из них лидирует добывающий сектор (его доля в ВРП – более 30%) при слабо или относительно развитых обрабатывающих производствах (пример – Удмуртия и Татарстан, где доля обрабатывающих производств в ВРП составляет около 18%). Треть из числа регионов, замыкающих данную группу (за исключением Якутии), – это ресурсные регионы с примерно одинаковым для экономики значением добывающего и обрабатывающего секторов.

¹⁸ Расчетные границы интервалов для значений коэффициента СТБ: 0,621 (среднее значение СТБ) \pm 0,117 (стандартное отклонение).

¹⁹ Выявленная близость регионов по значению СТБ с Кемеровской областью не должна быть облигаторна (иметь обязательную силу) для экономических и социальных акторов, но может быть активизирована ими.

²⁰ Отнесение тех или иных регионов к категории ресурсных российские исследователи обосновывают преимущественно их ресурсной зависимостью, измеряемой по доле добывающих производств в ВРП. Хотя общепринятое количественное значение этого показателя до сих пор не выработано. Например, одни авторы называют ресурсными те регионы, где доля добывающего сектора в ВРП больше 30% [11], другие – те, где доля добывающего сектора в структуре ВРП превышает доли всех других видов экономической деятельности [25] либо превосходит средний по стране показатель [5]. Кроме того отмечается, что группа ресурсных регионов крайне разнородна и среди них можно выделять, например, моноотраслевые регионы (доля добывающего сектора в ВРП превышает 50%), регионы с лидерством добывающего сектора (более 30% в ВРП) и разным уровнем развития сектора обрабатывающих производств и т.п. [22].

По территориальной принадлежности в группу 1 входят пять регионов Приволжского федерального округа – Оренбургская область (наивысшая оценка СТБ, равная 0,904), Удмуртия, Татарстан, Пермский край и Самарская область, четыре сибирских региона – Иркутская область (0,834 и четвертое место в порядке убывания оценки СТБ), Томская область (0,813 и восьмое место), Красноярский край (0,767 и 12-е место) и Республика Хакасия (0,743 и 14-е место), два дальневосточных региона – Магаданская область и Республика Саха (Якутия), два субъекта РФ из Северо-Западного федерального округа – Республика Коми и Архангельская область, включающая Ненецкий АО, и единственный регион Центрального федерального округа – Белгородская область, замыкающая рассматриваемую группу.

Наиболее высокие показатели структурно-технологической близости Кузбасса с регионами группы 1 позволяют предположить, что эти территории, на первый взгляд, имеют лучшие возможности для наращивания взаимодействия: они похожи по структуре экономики, обладают схожими знаниями и навыками в ключевых отраслях. Особенно это касается так называемых ресурсных регионов старопромышленного типа (яркий пример – Республика Коми, в экономике которой доминирующее положение занимает топливно-энергетический комплекс). Представители корпоративного сектора по мере необходимости такой переток знаний и технологий инициируют, чтобы перенимать у коллег передовой опыт для совершенствования родственных/похожих бизнес-процессов в периметре своих компаний. В то же время говорить о полноценном межрегиональном взаимодействии между Кемеровской областью и субъектами РФ из рассматриваемой группы сегодня не приходится, подобное сотрудничество зачастую осуществляется по инерции и носит точечный характер, не приводя к взаимообогащению территорий. Изменить ситуацию, стимулировать взаимодействие участников группы 1, на наш взгляд, может, например, запуск при поддержке государства крупных проектов социально-экономической трансформации ресурсных регионов страны в соответствии с актуальными трендами развития российской и мировой экономик, а также вовлечение большего круга регионов РФ

в реализацию мегапроектов в сфере транспорта, передовых технологий и проч. Причем, если использовать терминологию Р. Бошмы, на принципах близости не только географической, но и организационной.

Группа 2. Это 10 регионов, структурно-технологически близких к Кемеровской области – Кузбассу, в том числе пять ресурсных, не вошедших в группу 1. Зазор в коэффициентах СТБ между участниками группы 1 и группы 2 указывает на чуть большую степень несхожести последних с Кузбассом (по технологической специализации и структуре производств). Это, по нашему мнению, дает основание предполагать в данном случае бóльшую продуктивность в обмене идеями (опытом), но все же она недостаточна для взаимного обогащения территорий.

Группа 4. Это девять регионов, которые на современном этапе развития технологически отдалены от Кемеровской области. В их числе большинство регионов Северо-Кавказского федерального округа (пять из семи), в Сибири это Республика Алтай (0,499 и 73-е место), на Дальнем Востоке – Камчатский край, в Южном федеральном округе – г. Севастополь и Республика Калмыкия (81-е место). Существенные отличия отраслевой структуры регионов из группы 4 относительно Кузбасса, который является объектом нашего изучения, не позволяют рассчитывать в текущих условиях на ощутимый положительный эффект от обмена знаниями и технологиями, но при этом не исключают возможность перетока капитала между территориями, в том числе при реализации инвестиционных проектов.

Группа 3. Наибольшее количество регионов (47 из 81) вошли в группу, где СТБ с Кемеровской областью приближается к среднему уровню. Среди них большинство субъектов европейской части РФ, города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, некоторые регионы Урала и Дальнего Востока. Сибирь представляют *Новосибирская область (регион-лидер группы)*, Омская область, Алтайский край и Республика Тыва.

С нашей точки зрения, именно регионы группы 3 обладают наиболее высоким потенциалом для наращивания пространственно-сетевое взаимодействия с Кузбассом на основе перетока знаний, техно-

логий, капитала и т.д. С одной стороны, расхождения в отраслевом составе экономик этих территорий (а значит, и различия в ассортименте производимых товаров и услуг) позволяют бизнесу, работающему в данных регионах, рассматривать их в качестве потенциальных рынков сбыта собственной продукции, встраивать местные компании в свои цепочки создания добавленной стоимости и т.п. С другой стороны, перед Кемеровской областью сейчас стоит важная стратегическая задача трансформации модели развития экономики. Сырьевая, ориентированная на экспорт экономическая модель Кузбасса испытывает мощное деструктивное влияние, а осуществить перезапуск экономики автономно регион не может, будучи частью большой национальной (и мировой) социально-экономической системы. Потому поиск партнеров, способных стать опорой при построении новой модели экономики, для него становится необходимостью. Рассматриваемая группа регионов позволяет Кемеровской области в полной мере реализовать возможность взаимодополнения экономик.

Кузбасс в системе межрегионального сотрудничества с участниками группы 3 может выступать и в роли поставщика, и в роли получателя знаний, технологий, капитала и т.п. Например, на базе производимого в Кемеровской области угля, а также продукции металлургической и химической отраслей при участии соседних регионов могут быть сформированы длинные технологические цепочки создания добавленной стоимости. Вместе с тем Кузбассу под силу стать и индустриальной платформой для реализации проектов инвесторов с других территорий страны в общем русле развития Азиатской России [16].

Полагаем, что в нынешних условиях Кемеровской области следует сделать ставку на расширение кооперационных связей и углубление интеграции с регионами, обладающими конкурентными преимуществами в инновационном секторе. Причем в эту работу надо включать всю многоотраслевую систему Кузбасса. Важно *обеспечить вхождение Кемеровской области в высокотехнологичные ниши Сибири и всей России*, чтобы поддержать тренд на трансформацию кузбасской экономики в условиях стратегических вызовов.

По нашему мнению, максимальный эффект с точки зрения продуктивности пространственно-сетевое взаимодействия может быть достигнут при сочетании факторов географической и структурно-технологической близости. В этой связи *тандем «Кемеровская область – Новосибирская область» представляется потенциально наиболее перспективной связкой в межрегиональном взаимодействии.*

Показательно, что среди субъектов Сибирского федерального округа Кемеровская область с ее ресурсной специализацией позиционирована как регион с уровнем развития технологий выше уровня развития науки [15] (дисбаланс обусловлен малой величиной научного сектора и собственно структурой кузбасской экономики). Новосибирская же область – это крупнейший на Востоке России научно-исследовательский центр, регион-лидер в сфере науки и образования, обладающий диверсифицированной сложной экономикой и эффективной инновационной и технологической инфраструктурой. По данным Росстата, доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП Кемеровской области в 2010–2022 гг. составляла от 0,10% (2021 и 2022 гг.) до 0,20% (2017 г.). Это в разы ниже среднего показателя по России (его диапазон – от 1,02% в 2022 г. до 1,43% в 2014 г.). Для сравнения: в Новосибирской области – от 1,76% (2022 г.) до 2,53% (2010 г.). Вопрос за малым: надо выбрать ниши (сектора) для сотрудничества (выстраивания связей) этих соседних регионов в целях взаимного инновационного развития.

ВЫВОДЫ

Текущий уровень структурно-технологической близости Кемеровской области с другими регионами РФ (см. табл. 2), по нашей оценке, указывает на наличие условий для формирования новых и дальнейшего развития уже существующих каналов перетока знаний и технологий как в экономическом пространстве Сибири, так и в сотрудничестве с территориями Европейской России, Урала и Дальнего Востока. Это может стать важным инструментом реформирования кузбасской модели развития.

Полученные в настоящем исследовании результаты могут быть использованы для актуализации документов стратегического планирования Кузбасса, для разработки программ и отдельных проектов, нацеленных на совершенствование системы пространственно-сетевое взаимодействия Кемеровской области с партнерами в СФО и стране в целом с учетом экономических интересов региона.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН
в рамках проекта «Движущие силы и механизмы развития
кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири»,
№ 121040100279-5*

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. – 2022. – № 6. – С. 6–15.
2. Артоболевский С.С. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 296 с.
3. Белова Т.Н. Индексный метод оценки структурных сдвигов в экономике: вопросы теории и практики // Статистика и экономика. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 4–14. DOI: 10.21686/2500-3925-2024-1-4-14.
4. Белоусова А.В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. – 2012. – № 4. – С. 127–137.
5. Белоусова С.В. Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость // ЭКО. – 2015. – № 6. – С. 40–48.
6. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 152 с.
7. Бочко В.С. Интегративная экономика – экономика скоординированного и социально ориентированного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 5 (23). – С. 48–59.
8. Бреши С., Лиссони Ф. Локализованные перетоки знаний и инновационная среда: пересмотр «неявности» знаний // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. ред. А.Н. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – С. 161–181.
9. Буров М.П. Система регулирования экономического взаимодействия регионов. – М.: Дашков и Ко, 2007. – 320 с.

10. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия РАН. Серия географическая. – 2017. – № 3. – С. 8–21. DOI: 10.7868/S037324441703001X.

11. *Ильина И.Н.* Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 91–111.

12. *Канева М.А., Унтура Г.А.* Модели оценки влияния экономики знаний на экономический рост и инновации регионов / Отв. ред. В.И. Суслов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. – 255 с.

13. *Канева М.А., Унтура Г.А., Морошкина О.Н.* Феномен структурно-технологической близости и перетоки знаний в регионах России // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 1254–1271. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-17.

14. *Котов А.В.* Территория требует связанной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034.

15. *Кравченко Н.А., Маркова В.Д., Юсупова А.Т.* Сотрудничество науки и бизнеса: региональный опыт и перспективы развития // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.

16. *Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И.* Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 5. – С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

17. *Крюков В.А., Шмат В.В.* Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072.

18. *Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Суворова А.В.* Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития промышленных регионов // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 1022–1035. DOI: 10.17059/2019-4-5.

19. *Лукин Е.В., Ускова Т.В.* Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 148 с.

20. *Мешков Г.Б., Петренко И.Е., Губанов Д.А.* Итоги работы угольной промышленности России за 2023 г. // Уголь. – 2024. – № 3. – С. 18–29. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-3-18-29.

21. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6–32.

22. *Нагаева О.С.* Анализ уровня инклюзивного развития в ресурсных и нересурсных регионах России // Инклюзивное развитие ресурсных регионов / Под ред. Г.И. Поподько, А.И. Пыжева. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2024. – Гл. 4.1. – С. 157–178.

23. *Родионова Н.Д.* Пространственно-сетевое взаимодействие субъектов региональной инновационной системы: концепция и сценарии развития. – Ростов-н/Д.: Изд-во РИНХ, 2016. – 198 с.

24. *Савельев Ю.В.* Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции // Журнал экономической теории. – 2010. – № 2. – С. 141–161.

25. *Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В.* Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 1 (93). – С. 213–236.

26. *Украинский В.Н.* Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // Пространственная экономика. – 2011. – № 2. – С. 92–126.

27. *Boschma R.* Proximity and innovation: a critical assessment // *Regional Studies*. – 2005. – Vol. 39, No. 1. – P. 61–74. DOI: 10.1080/0034340052000320887.

28. *Boschma R., Balland P.-A., Vaan M.* The formation of economic networks: a proximity approach // *Regional Development and Proximity Relations* / Ed. by A. Torre and F. Wallet. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2014. – P. 243–266.

29. *Breschi S., Lissoni F.* Cross-firm inventors and social networks: localised knowledge spillovers revisited // *Annals of Economics and Statistics*. – 2005. – Vol. 79 (80). – P. 189–209. DOI: 10.2307/20777575.

30. *Camagni R.* On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? // *Urban Studies*. – 2002. – Vol. 39, No. 13. – P. 2395–2411. DOI: 10.1080/0042098022000027022.

31. *Knoeben J., Oerlemans L.* Proximity and inter-organizational collaboration: a literature review // *International Journal of Management Reviews*. – 2006. – Vol. 8, No. 2. – P. 71–89. DOI: 10.1111/j.1468–2370.2006.00121.x.

32. *Kravchenko N.A.* Assessment of diversification in the regional economy (case study of subjects of the Siberian Federal District) // *Regional Research of Russia*. – 2016. – Vol. 6, iss. 3. – P. 203–213. DOI: 10.1134/S2079970516030035.

33. *Marrocu E., Paci R., Usai S.* Proximity, networking and knowledge production in Europe: what lessons for innovation policy? // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2013. – Vol. 80. – P. 1484–1498. DOI: 10.1016/J.TECHFORE.2013.03.004.

34. *Seliverstov V.E.* Connectivity of the Siberian space: problems and solutions // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, Suppl. iss. 1. – P. S23–S34. DOI: 10.1134/S2079970522010063.

35. *Torre A., Rallet A.* Proximity and localization // *Regional Studies*. – 2005. – Vol. 39, No. 1. – P. 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.

36. *Torre A., Wallet F.* Introduction: the role of proximity relations in regional and territorial development processes // *Regional Development and Proximity Relations* / Ed. by A. Torre and F. Wallet. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2014. – P. 1–35.

Информация об авторах

Фридман Юрий Абрамович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: yurifridman@mail.ru.

Речко Галина Николаевна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: rgn.kem@mail.ru.

Логинова Екатерина Юрьевна (Россия, Новосибирск) – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: katrin.2007@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20250303

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 51–79

Yu.A. Fridman, G.N. Rechko, E.Yu. Loginova

INTERREGIONAL TIES IN KEMEROVO OBLAST ECONOMY: THE APPROACH TO THE STUDY AND PRE-ASSESSMENT

Today, Russia, while adapting to strategic challenges primarily related to the changing world order, is creating its own model of a sovereign national economy. One of the important considerations for achieving this goal is the development of interregional interaction within the country as a tool for fulfilling the potential of its territories.

This article studies the problem of structural and technological proximity (STP) of regions as a significant factor in activating economic ties between

the subjects of the Russian Federation through the example of the Kemerovo Oblast – Kuzbass. The methodological toolkit for assessing the STP of regions is tested. In order to measure it, the official data of Rosstat for 2022 were used. According to the calculations, the subjects of the Russian Federation, which currently have the strongest positions for the development of cooperation with Kuzbass, were identified. They represent the main macro-regions of the country. Within the framework of a possible partnership with the participants of this group of territories, the Kemerovo Oblast is able to act as both a supplier and a recipient of not only capital, but also knowledge and technology. The latter is especially important in the situation of reforming the resource (raw material) model of Kuzbass performance.

The findings can be used to update the strategic planning documents of the Kemerovo Oblast, develop programs and projects aimed at strengthening the processes of its integration and cooperation with other Russian regions through the development of intellectual resources and capital exchange channels.

Keywords: Kuzbass; interregional ties; regions of Russia; structural and technological proximity; assessment

For citation: *Fridman, Yu.A., G.N. Rechko & E.Yu. Loginova. (2025). Mezhhregionalnye svyazi v ekonomike Kemerovskoy oblasti: podkhod k issledovaniyu i predvaritelnaya otsenka [Interregional ties in Kemerovo Oblast economy: The approach to the study and pre-assessmsnet]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 51–79. DOI: 10.15372/REG20250303.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Driving forces and mechanisms of cooperation and integration processes in the economy of Siberia”, No. 121040100279-5

References

1. *Aganbegyan, A.G. (2022). Tri glavnykh sotsialno-ekonomicheskikh vyzova, stoyashchikh pered Rossiei, i 15 otvetnykh shagov [Three main socio-economic challenges facing Russia and 15 response steps]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], 6, 6–15.*

2. *Artobolevskiy, S.S.* (2001). Regionalizatsiya v razvitii Rossii: Geograficheskie protsessy i problemy [Regionalization in the Development of Russia: Geographical Processes and Problems]. Moscow, Editorial URSS Publ., 296.
3. *Belova, T.N.* (2024). Indeksnyy metod otsenki strukturnykh sdvigo v ekonomike: voprosy teorii i praktiki [Index method for assessing structural changes in the economy: issues of theory and practice]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], Vol. 21, No. 1, 4–14. DOI: 10.21686/2500-3925-2024-1-4-14.
4. *Belousova, A.V.* (2012). Mezhtseionalnye vzaimodeystviya: vliyaniye na ekonomiku regiona (Khabarovskiy kray) [Interregional interactions: influence on the regional economy (Khabarovsk Krai)]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 4, 127–137.
5. *Belousova, S.V.* (2015). Resursnyye regiony: ekonomicheskie vozmozhnosti i finansovaya spravedlivost [Resource regions: economic opportunities and financial justice]. *EKO* [ECO], 6, 40–48.
6. *Biyakov, O.A.* (2004). Teoriya ekonomicheskogo prostranstva: metodologicheskiy i regionalnyy aspekty [Theory of Economic Space: Methodological and Regional Aspects]. Tomsk, Tomsk University Publ., 152.
7. *Bochko, V.S.* (2012). Integrativnaya ekonomika – ekonomika skoordinirovannogo i sotsialno orientirovannogo razvitiya [Integrative economy – the economy of coordinated and socially-oriented development]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 5 (23), 48–59.
8. *Breschi, S. & F. Lissoni.* (2012). Lokalizovannyye peretoki znaniy i innovatsionnaya sreda: peresmotr “neyavnosti” znaniy [Localized knowledge flows and innovative environment: revision of knowledge “implicitness”]. In: A.N. Pelyasov (Ed.). *Sinergiya prostranstva: regionalnye innovatsionnye sistemy, klasteriy i peretoki znaniya* [Synergy of Space: Regional Innovation Systems, Clusters and Knowledge Flows]. Smolensk, Oecumene Publ., 760.
9. *Burov, M.P.* (2007). Sistema regulirovaniya ekonomicheskogo vzaimodeystviya regionov [System of Regulation of Economic Interaction of Regions]. Moscow, Dashkov & Co Publ., 320.
10. *Zamyatina, N.Yu. & A.N. Pelyasov.* (2017). Kontseptsiya blizosti: zarubezhnyy opyt i perspektivy primeneniya v Rossii [Concept of proximity: foreign experience and prospects of application in Russia]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 3, 8–21. DOI: 10.7868/S037324441703001X.
11. *Ilyina, I.N.* (2013). Perspektivy razvitiya syrnykh regionov RF v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya [Development prospects of RF raw areas in the documents of strategic planning]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2, 91–111.
12. *Kaneva, M.A. & G.A. Untura.* (2021). Modeli otsenki vliyaniya ekonomiki znaniy na ekonomicheskiy rost i innovatsii regionov [Models for Assessing the Impact

of Knowledge Economy on Economic Growth and Innovation of Regions]. Ed. by V.I. Suslov. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 255.

13. Kaneva, M.A., G.A. Untura & O.N. Moroshkina. (2020). Fenomen strukturno-tekhnologicheskoy blizosti i peretoki znaniy v regionakh Rossii [Phenomenon of structural and technological proximity and knowledge spillovers in Russian regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, Vol. 16, No. 4, 1254–1271. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-17.

14. Kotov, A.V. (2021). Territoriya trebuyet svyaznoy raboty: rol mezhregionalnykh vzaimodeystviy v vosstanovlenii ekonomiki [The territory requires coherent work: The role of interregional interactions in economic recovery]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, Vol. 17, No. 1, 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034.

15. Kravchenko, N.A., V.D. Markova & A.T. Yusupova. (2024). Sotrudnichestvo nauki i biznesa: regionalnyy opyt i perspektivy razvitiya [Cooperation between science and business: regional experience and prospects of development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 1 (121), 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.

16. Kryukov, V.A., B.L. Lavrovsky, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2020). Sibirskiy vektor razvitiya: v osnove kooperatsiya i vzaimodeystvie [Siberian vector of development: cooperation and interaction in the basis]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*, 5, 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

17. Kryukov, V.A. & V.V. Shmat. (2022). Aziatskaya Rossiya – usloviya i prepyatstviya postupatelnoy diversifikatsii ekonomiki makroregiona [Asian Russia – conditions for and obstacles to progressive diversification of macroregional economy]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, Vol. 18, No. 1, 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072.

18. Lavrikova, Yu.G., V.V. Akberdina & A.V. Suvorova. (2019). Soglasovanie prioritetov nauchno-tekhnologicheskogo i prostranstvennogo razvitiya industrialnykh regionov [Coordinating the priorities of scientific, technological and spatial development of industrial regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, Vol. 15, No. 4, 1022–1035. DOI: 10.17059/2019-4-5.

19. Lukin, E.V. & T.V. Uskova. (2016). Mezhhregionalnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy [Interregional Economic Cooperation: State, Problems, Prospects]. Vologda, ISEDT RAS Publ., 148.

20. Meshkov, G.B., I.E. Petrenko & D.A. Gubanov. (2024). Itogi raboty ugolnoy promyshlennosti Rossii za 2023 g. [Russian coal industry performance for 2023]. *Ugol [Coal]*, 3, 18–29. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-3-18-29.

21. Minakir, P.A. & A.N. Demyanenko. (2010). Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya [Spatial economics: evolution of approaches and methodology]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2, 6–32.

22. *Nagaeva, O.S.* (2024). Analiz urovnya inklyuzivnogo razvitiya v resursnykh i neresursnykh regionakh Rossii [Analysis of the level of inclusive development in resource and non-resource regions of Russia]. In: G.I. Popodko & A.I. Pyzhev (Eds.). *Inklyuzivnoye razvitie resursnykh regionov* [Inclusive Development of Resource Regions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering Publ. Ch. 4.1, 157–178.
23. *Rodionova, N.D.* (2016). Prostranstvenno-setevoye vzaimodeystvie subyektov regionalnoy innovatsionnoy sistemy: kontseptsiya i stsennarii razvitiya [Spatial-Network Interaction of Subjects of Regional Innovation System: Concept and Scenarios of Development]. Rostov-on-Don, RSUE Publ., 198.
24. *Savelyev, Yu.V.* (2010). Teoreticheskie osnovy sovremennoy mezhregionalnoy konkurentsii [Theoretical bases of modern interregional competition]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2, 141–161.
25. *Sevastyanova, A.E., A.N. Tokarev & V.V. Shmat.* (2017). Osobennosti primeniya kontseptsii inklyuzivnogo razvitiya dlya regionov resursnogo tipa [Creating the conditions for innovation development of resource-based regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (93), 213–236.
26. *Ukrainskiy, V.N.* (2011). Sovremennaya frantsuzskaya prostranstvennaya ekonomika: teoriya blizosti i tipologizatsiya lokalizovannykh ekonomicheskikh system [Modern French spatial economy: theory of proximity and typologization of localized economic systems]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2, 92–126.
27. *Boschma, R.* (2005). Proximity and innovation: a critical assessment. *Regional Studies*, Vol. 39, No. 1, 61–74. DOI: 10.1080/0034340052000320887.
28. *Boschma, R., P.-A. Balland & M. Vaan.* (2014). The formation of economic networks: a proximity approach. In: A. Torre and F. Wallet (Eds.). *Regional Development and Proximity Relations*. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA, Edward Elgar, 243–266.
29. *Breschi, S. & F. Lissoni.* (2005). Cross-firm inventors and social networks: localised knowledge spillovers revisited. *Annals of Economics and Statistics*, 79 (80), 189–209. DOI: 10.2307/20777575.
30. *Camagni, R.* (2002). On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? *Urban Studies*, Vol. 39, No. 13, 2395–2411. DOI: 10.1080/0042098022000027022.
31. *Knoeben, J. & L. Oerlemans.* (2006). Proximity and inter-organizational collaboration: a literature review. *International Journal of Management Reviews*, Vol. 8, No. 2, 71–89. DOI: 10.1111/j.1468–2370.2006.00121.x.
32. *Kravchenko, N.A.* (2016). Assessment of diversification in the regional economy (case study of subjects of the Siberian Federal District). *Regional Research of Russia*, Vol. 6, Iss. 3, 203–213. DOI: 10.1134/S2079970516030035.

33. *Marrocu, E., R. Paci & S. Usai.* (2013). Proximity, networking and knowledge production in Europe: what lessons for innovation policy? *Technological Forecasting and Social Change*, 80, 1484–1498. DOI: 10.1016/J.TECHFORE.2013.03.004.

34. *Seliverstov, V.E.* (2021). Connectivity of the Siberian space: problems and solutions. *Regional Research of Russia*, Vol. 11, Suppl. iss. 1, S23–S34. DOI: 10.1134/S2079970522010063.

35. *Torre, A. & A. Rallet.* (2005). Proximity and localization. *Regional Studies*, Vol. 39, No. 1, 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.

36. *Torre, A. & F. Wallet.* (2014). Introduction: the role of proximity relations in regional and territorial development processes. In: A. Torre and F. Wallet (Eds.). *Regional Development and Proximity Relations*. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA, Edward Elgar, 375.

About the Authors

Fridman, Yuri Abramovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: yurifridman@mail.ru.

Rechko, Galina Nikolaevna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: rgn.kem@mail.ru.

Loginova, Ekaterina Yurievna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: katrin.2007@mail.ru.

Поступила в редколлегию 24.02.2025.

После доработки 16.04.2025.

Принята к публикации 21.04.2025.

А.В. Погоревич, А.С. Новиков

ЛИЧНЫЙ БРЕНДИНГ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье рассматриваются факторы конкурентоспособности креативных индустрий в российских регионах с акцентом на роли личного брендинга как инструмента продвижения и самореализации представителей креативного класса. Предмет исследования охватывает практики создания и продвижения личных брендов в условиях цифровой среды и высокой информационной насыщенности. Цель работы – выявить ключевые стратегии формирования личного бренда в креативном секторе и оценить их эффективность для повышения конкурентоспособности профессионалов и регионов в целом. Анализируется гипотеза, что успешное развитие креативной экономики требует не только государственной поддержки, но и действия естественных рыночных механизмов, включая конкуренцию, сетевое взаимодействие и персональные бренды.

*Исследование проводилось методом опроса 384 представителей креативных индустрий Красноярского края (февраль–апрель 2024 г.), выборка формировалась по технологии *river-sample*. Респонденты представляли такие сферы, как арт-индустрия, дизайн, музыка, театр, кино, образование, медиа и другие согласно классификации ЮНЕСКО и Концепции развития креативных индустрий в России. Результаты показали, что 42,6% участников целенаправленно работают над своим личным брендом, еще 36,4% планируют это делать. Основными признаками личного бренда респонденты считают позиционирование и известность. Наиболее популярным инструментом продвижения стали социальные сети (27,8%), поскольку они соответствуют логике экономики внимания. Более трети опрошенных отметили ощутимый эффект от брен-*

динга: приглашения в проекты, появление новых клиентов, рекомендации в качестве профессионалов и нетворкинг.

Область применения полученных результатов – совершенствование государственной политики поддержки креативных индустрий, развитие методологической базы исследования личного брендинга и повышение эффективности профессиональной деятельности в творческой сфере. Статья демонстрирует, что личный бренд является важным ресурсом конкурентоспособности в креативной экономике и требует дальнейшего изучения и системной поддержки.

Ключевые слова: креативная экономика; креативные индустрии; регионы; государственная поддержка; конкурентоспособность; личный бренд; социальные сети

Для цитирования: *Погоревич А.В., Новиков А.С.* Личный брендинг как фактор обеспечения конкурентоспособности в креативных индустриях региональной экономики: эмпирическое исследование // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 80–105. DOI: 10.15372/REG20250304.

ВВЕДЕНИЕ

Произошедшее на законодательном уровне признание креативных индустрий¹ призвано обеспечить системную государственную поддержку креативного сектора и позволяет надеяться на его устойчивый рост в нашей стране. Положительная динамика креативной экономики – ее увеличение с 2,3 трлн руб. и доли в ВВП в размере 2,8% в 2017 г. до 7,5 трлн руб. и доли в ВВП в 4,1% в 2024 г.² говорит о развитии креативных индустрий, в том числе вследствие целена-

¹ См.: *Концепция* развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 г. № 2613-п. – URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 02.04.2025).

² См.: *Креативная экономика России в 2024 году: рост, перспективы и законодательные инициативы* // Odelax.ru. – URL: <https://odelax.ru/news/finansy/kreativnaya-ekonomika-rossii-v-2024-godu-rost-perspektivy-i-zakonodatelnye-initsiativy> (дата обращения: 06.04.2025).

правленной государственной политики. Но для успешного поступательного развития любой отрасли экономики важно также наличие здоровой конкурентной среды, стимулирующей участников совершенствовать технологии производства и продажи товаров и услуг. Так, Российский региональный индекс креативных индустрий (РРИКИ)³, разработанный ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и демонстрирующий уровень развития креативного сектора субъектов Российской Федерации по четырем тематическим разделам – «Социально-экономические условия», «Культурная среда», «Экономика креативных индустрий», «Поддержка креативных индустрий», наглядно показывает существование разрыва между лидерами из первой десятки – Москвой, Санкт-Петербургом (города федерального значения), Новосибирской, Томской, Свердловской, Ивановской, Костромской, Нижегородской, Ульяновской областями, Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой и остальными регионами нашей страны. В пользу тезиса о важности наличия благоприятных естественных рыночных условий для роста креативной экономики говорит несоответствие объема поддержки и экономических показателей креативных индустрий в некоторых регионах. В качестве примера можно привести ситуацию в Красноярском крае: находясь в рейтинге креативных индустрий на 19-й позиции среди 85 регионов при восьмой позиции в ранге по показателю «поддержка креативных индустрий», регион занимает лишь 42-е место по показателю «социально-экономические условия», 55-е место по показателю «экономика креативных индустрий» и 36-е место по показателю «культурная среда»⁴.

Для наглядной демонстрации разрыва между мерами поддержки и показателями креативной экономики в регионах авторами был проведен кластерный анализ на основе информации о РРИКИ по следующему алгоритму: 1) на первом этапе все регионы были ранжированы по показателю «поддержка креативных индустрий»; 2) на втором этапе были сформированы четыре группы регионов (А – ранг

³ См.: *Рейтинг креативных регионов России: 2024* / Л.М. Гохберг, В.О. Боос, К.Н. Боякова, Е.С. Куценко и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 200 с.

⁴ Там же.

по показателю «поддержка креативных индустрий» от 1 до 20; В – от 21 до 40; С – от 41 до 60; D – от 61 до 85); 3) на третьем этапе были рассчитаны средние показатели рангов для каждой группы (см. таблицу).

На основе полученных результатов можно сделать предварительный вывод, что уровень поддержки, существенно различающийся у регионов группы А (средний ранг – 10,5), группы В (средний ранг – 30,5) и группы С (средний ранг – 50,5), не оказывает сильного влия-

Результаты анализа взаимосвязи государственной поддержки креативных индустрий и состояния креативной экономики в регионах

Группа	Субъекты Российской Федерации	Соц.-экон. условия, ранг (сред. знач.)	Культурная среда, ранг (сред. знач.)	Экономика креатив. индустрий, ранг (сред. знач.)	Поддержка креатив. индустрий, ранг (сред. знач.)
А	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО – Югра, Свердловская обл., Нижегородская обл., Томская обл., Респ. Саха (Якутия), Красноярский край, Новгородская обл., Челябинская обл., Новосибирская обл., Тюменская обл., Ульяновская обл., Архангельская обл., Пермский край, Иркутская обл., Респ. Карелия, Респ. Мордовия, Орловская обл., Респ. Крым	33,2	44,5	36,4	10,5
В	Калининградская обл., Приморский край, Липецкая обл., Белгородская обл., Калужская обл., Краснодарский край, Пензенская обл., Рязанская обл., Респ. Бурятия, Респ. Северная Осетия – Алания, Ивановская обл., Респ. Ингушетия, Карачаево-Черкесская Респ., Тульская обл., Чувашская Респ., Оренбургская обл., Ярославская обл., Мурманская обл., Вологодская обл., Ленинградская обл.	45,6	44,8	39,8	30,5

Окончание таблицы

Группа	Субъекты Российской Федерации	Соц.-экон. условия, ранг (сред. знач.)	Культурная среда, ранг (сред. знач.)	Экономика креатив. индустрий, ранг (сред. знач.)	Поддержка креатив. индустрий, ранг (сред. знач.)
С	Омская обл., Респ. Коми, Волгоградская обл., Псковская обл., Кировская обл., Удмуртская Респ., г. Севастополь, Воронежская обл., Тамбовская обл., Респ. Татарстан, Ростовская обл., Респ. Башкортостан, Ненецкий АО, Самарская обл., Респ. Калмыкия, Астраханская обл., Курская обл., Камчатский край, Саратовская обл., Ставропольский край	35,9	38,2	39,7	50,5
Д	Брянская обл., Кемеровская обл., Владимирская обл., Респ. Хакасия, Ямало-Ненецкий АО, Алтайский край, Костромская обл., Чеченская Респ., Амурская обл., Респ. Марий Эл, Магаданская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Хабаровский край, Чукотский АО, Еврейская авт. обл., Респ. Тыва, Сахалинская обл., Респ. Адыгея, Московская обл., Респ. Алтай, Кабардино-Балкарская Респ., Курганская обл., Забайкальский край, Респ. Дагестан	54,2	44,6	54,7	73,0

ния на другие показатели. Так, средний ранг по показателю «экономика креативных индустрий» по группам выглядит так: группа А – 36,4; группа Б – 39,8; группа С – 39,7. И это может, во-первых, говорить о необходимости более тонких настроек поддержки, а во-вторых, указывать на существенное значение саморегуляции рынка креативных индустрий.

По мнению Р. Флориды, одного из ведущих исследователей в области креативных индустрий, основой креативной экономики и регионального развития является креативный класс. Его активность

и рост возможны лишь при условии признания ценности таланта, доступности современных технологий и культурной толерантности [25].

Талант, технологии и толерантность – это, безусловно, важно. Но экономика не будет сильной без естественного двигателя – конкуренции. Например, тот же Р. Флорида [21], а также М. Портер [15], Ч. Лэндри [5] и отчасти Й. Шумпетер [22], Дж. Хагел III, Дж.С. Браун и Л. Дэвисон [26] подчеркивают, что конкуренция создает условия для профессионального роста и самореализации и приводит к формированию уникальных региональных и глобальных центров креативности. Поэтому для достижения успеха в креативной экономике государству необходимо не только осуществлять адресную поддержку, что пусть пока не идеально, но делается⁵, но и способствовать формированию естественной конкурентной среды или уж точно не препятствовать этому процессу. Потому что повышая свою эффективность в целях быть успешными в конкурентной борьбе, представители креативного класса разовьют креативную экономику до желаемого планового уровня доли ВВП в 6%⁶.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И РОЛЬ ЛИЧНОГО БРЕНДИНГА В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Конкурентоспособность в креативных индустриях определяется множеством факторов, которые могут варьироваться в зависимости от конкретной области (индустрии, основанные на историко-культурном наследии; индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства; индустрии, основанные на информацион-

⁵ См.: *Погоревич А.В., Новиков А.С., Выдрыч Н.В., Андреева А.В.* Креативные индустрии как объект государственной поддержки в регионах: вопрос определения приоритетов // Региональная экономика: теория и практика. – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 4–22. DOI: 10.24891/re.22.1.4.

⁶ См.: *Концепция* развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 г. № 2613-р.

но-телекоммуникационных технологиях; индустрии, основанные на прикладном творчестве⁷). Но несмотря на разнообразие, можно выделить ряд основных параметров, которые являются общими для большинства креативных секторов:

1) *инновационность* как способность создавать новые идеи, продукты и услуги, которая может проявляться как в содержании, так и в формах представления креативных товаров и услуг [4; 18, с. 173];

2) *качество продукции* (при создании литературных произведений, дизайна, контента и т.д.), являющееся ключевым фактором для привлечения и удержания клиентов [18];

3) *маркетинговые стратегии*, включая брендинг, так как сильный узнаваемый бренд помогает создать эмоциональную связь с аудиторией и выделиться на фоне конкурентов [11; 19, с. 137];

4) *гибкость и адаптивность*, определяемые как способность быстро реагировать на изменения в потребительских предпочтениях, технологиях и рыночной среде;

5) *сетевое взаимодействие*, выражающееся в налаживании связей с другими участниками рынка креативных индустрий, включая партнеров и клиентов, что может способствовать обмену идеями и ресурсами [2; 27];

6) *доступ к финансированию* – возможность получения инвестиций и финансирования для реализации проектов и воплощения идей, что особенно важно для стартапов и малых предприятий [19, с. 136];

7) *квалификация и талант* – наличие высококвалифицированных специалистов и творческих людей, способных генерировать идеи и реализовывать их [19, с. 138; 14];

8) *устойчивость и социальная ответственность*, предполагающие учет экологических и социальных аспектов в процессе создания и продвижения продукции, что становится все более важным для потребителей [4].

⁷ См.: *Об утверждении* Официальной статистической методологии расчета показателя «Валовая добавленная стоимость креативной экономики в валовом внутреннем продукте Российской Федерации»: Приказ Минэкономразвития России (РОССТАТ) от 21.12.2023 г. № 674 // Rosstat.gov.ru. – URL: <https://legalast.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-21122023-n-674-ob-utverzhenii-ofitsialnoi> (дата обращения: 25.02.2024).

Рассматривая брендинг как один из существенных факторов обеспечения конкурентоспособности в креативных индустриях, стоит отметить, что большую роль в творческой среде играют именно личные бренды. Связано это в первую очередь с зависимостью стоимости творческих товаров и услуг от степени известности имени их создателя. Так, музыканту, актеру, дизайнеру, шеф-повару и любому другому представителю креативного класса с известным именем платят больше, чем тому, чье имя не на слуху. Кроме того, личный бренд в эпоху цифровизации превратился в обязательный инструмент продвижения, помогающий построить доверительные отношения с целевыми аудиториями в условиях лавинообразного роста объемов информации [7; 12; 13; 16; 31].

Понятие личного бренда по-разному трактуется в западной и российской культурах. За рубежом личный бренд рассматривают как способ стать популярным благодаря своим знаниям и опыту. Главное – чтобы ваш бренд отвечал ожиданиям аудитории и помогал зарабатывать. При этом важно оставаться собой: ваши настоящие качества должны проявляться не только в работе, но и в повседневной жизни [14; 17; 31]. В России личный бренд адаптирован к местным условиям, где его носитель должен не только решать коммерческие задачи, но и передавать культурные ценности и обогащать духовную среду⁸.

Несмотря на повышенный интерес к феномену личного брендинга как инструменту управления конкурентоспособностью, отечественный методологический аппарат в этой области нельзя считать развитым, а количество исследований по теме – достаточным. Среди российских авторов, изучающих личный бренд, В.П. Токарева [20] выделяет Е.С. Акопова, И.М. Алкиперова, Н. Зебра, Е.С. Нечаеву, М.С. Очковскую, А. Рябых, М.Ю. Самохину, А.К. Самохину, В.А. Туркину, В. Кириллову. К этому списку добавим У.А. Назарову и Т.Ю. Подгорную [8], определяющих персональный бренд как канал коммуникации, посредством которого выстраивается система дове-

⁸ См.: *Погоревич А.В., Выдрыч Н.В.* Формирование личного бренда в условиях цифрового маркетинга // *Маркетинг в России и за рубежом.* – 2021. – № 5 (145). – С. 73–82.

рительных отношений между предпринимателем и потребителем, С.А. Варганова и А.С. Хворостяную [3], изучающих личный бренд во взаимосвязи с рынком труда, а также И.П. Немчинову [9], рассматривающую соотношение персонального бренда и репутации. Исследования перечисленных авторов связаны преимущественно с уточнением терминологии в области личного брендинга.

Стоит отметить значимую роль личных брендов в формировании уникального имиджа региона. Так, качественное исследование, посвященное выявлению идентичности жителей г. Красноярск, проведенное в ноябре–декабре 2024 г. (метод – глубинное интервью, выборка – 322 респондента), продемонстрировало высокую значимость персон. Например, сфера культуры в исследовании полностью персонафицирована: для красноярцев важно осознание связи с такими известными представителями креативных индустрий, как певец Дмитрий Хворостовский, писатель Виктор Астафьев, художники Василий Суриков и Андрей Поздеев. Вот две точные цитаты из интервью, подтверждающие тезис: *«Недавно прочитал книгу Виктора Астафьева, цикл рассказов, и не о Красноярске, а о Красноярском крае, что здесь происходило именно в тайге, в Сибири. То есть очень приятно иногда находить очень знакомые названия рек, хребтов в книге. Как раз-таки греет внутри меня, что вот даже в книгах пишут о прекрасном Красноярском крае»; «Я очень горжусь, если на то пошло, что я прожила в одном доме с Хворостовским. Мы жили просто в одном доме, в соседних подъездах. Он ходил в эту музыкальную школу, я видела, как он ходил с папкой туда, а мы просто бегали во дворе, а он ходил. Сейчас на нашем доме просто табличка висит в память о нем. Для меня это тоже значимое место как для жителя Красноярска. Для меня это родной... Ну не то что родной, но человек, с которым я росла в одном дворе. Мы с ним практически ровесники. И для меня это место очень привлекательно. Даже просто идешь по “Красноярскому рабочему”, просто стоит лавочка, где ему сделали уголок памяти, можно просто посидеть, и мне это приятно всегда».*

Нет сомнений, что сильные личные бренды региона вызывают чувство гордости у его жителей, формируют связь с местом про-

живания и в конечном счете вносят вклад в создание имиджа территории, привлекательной для жизни и инвестиций, что согласуется с основными положениями теории человеческого капитала Г. Беккера [1; 23] и Т. Шульца [29; 30].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ОПИСАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ И ВЫБОРКА

Проблема исследования заключается в недостаточной проработанности вопросов формирования и продвижения конкурентных преимуществ представителей креативных индустрий на региональном уровне, несмотря на их растущую роль в структуре локальной экономики и в идентичности региона. В условиях неравномерной государственной поддержки и слабо развитой рыночной среды остается неясным, какие натуральные (внутренние) механизмы могут способствовать устойчивому развитию креативного сектора. Особую актуальность приобретает исследование личного брендинга как возможного рычага повышения информированности о персоне, профессионального роста и привлечения ресурсов в условиях информационной перегрузки и дефицита внимания.

С учетом важности личного брендинга для обеспечения конкурентоспособности в креативном секторе экономики и с опорой на результаты трудов других исследователей, сосредоточенных преимущественно на определении понятийного поля, был сделан вывод, что существует недостаток эмпирических исследований в области создания и продвижения личного бренда в креативных индустриях. Между тем результаты таких исследований позволили бы выявить наиболее часто используемые и предположительно эффективные стратегии, предложить их для широкого применения, а также очертить проблемное поле и, возможно, сфокусировать меры государственной поддержки.

Таким образом, объектом настоящего исследования выступают креативные индустрии Красноярского края как элемент региональной экономики, а предметом – практики создания и продвижения личных

брендов представителями креативных индустрий и их влияние на повышение конкурентоспособности как отдельных профессионалов, так и регионального креативного сектора в целом.

Авторами было проведено количественное исследование, направленное на выявление практики использования представителями креативных индустрий инструментов для продвижения и формирования личного бренда. В период с февраля по апрель 2024 г. было опрошено 384 респондента. Выборка формировалась по технологии *river-sample*, респонденты представляли основные креативные индустрии Красноярского края. Особенность технологии *river-sample* заключается в том, что при ее использовании фактически исключается вероятность заполнения опросника людьми, не относящимися к изучаемым сферам. Суть такого формирования выборки состоит в адресном подборе респондентов, работающих не только в определенных сферах, но иногда и в определенных учреждениях. Ближайшим аналогом *river-sample* в полевой социологии является процедура квотирования выборки, но в данном случае в качестве переменных для отбора респондентов выбираются не пол и возраст, а иные характеристики информанта, в том числе род занятости и принадлежность к определенному типу креативного труда.

Список креативных сфер деятельности был составлен на основе классификаций ЮНЕСКО⁹ и Концепции развития творческих (креативных) индустрий¹⁰. Гастрономия не вошла в итоговый список креативных индустрий, так как Федеральный закон № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Феде-

⁹ См.: *Creative Economy Report 2013. Special Edition: Widening Local Development Pathways* // United Nations Development Programme (UNDP), One United Nations Plaza and the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). – 2013. – 209 p. – URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/2013-creative-economy-report-widening-local-development-pathways-en_1.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁰ См.: *Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года*: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 г. № 2613-р.

рации» от 8 августа 2024 г. с обозначением полного перечня креативных индустрий в нашей стране был принят позже завершения исследования. В выборку вошли представители таких направлений, как арт-индустрия, архитектура, деятельность библиотек, архивов и музеев, дизайн, издательская деятельность, информационные технологии и компьютерные игры (видеоигры), кино и анимация, культурное наследие, литература, мода, музыка, исполнительское искусство, театр и культурно-досуговые мероприятия, народные промыслы, образование в креативных индустриях, реклама и связи с общественностью, теле- и радиовещание, фото- и видеография, ювелирное дело. Самыми многочисленными по количеству опрошенных сферами оказались арт-индустрия (20,4%), дизайн (17,6%), музыка, исполнительское искусство, театр и культурно-досуговые мероприятия (13,9%), фото- и видеография (13%), образование в креативных индустриях (12%), теле- и радиовещание (8%). Стоит отметить, что в большинстве случаев респонденты указывали несколько видов деятельности, что связано с практикой быть занятыми в нескольких сферах одновременно (например, служить в театре и преподавать актерское мастерство или работать оператором на телевидении и видеографом). Таким образом, участники исследования репрезентируют сферу креативных индустрий Красноярского края.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ответы на вопрос «Что, по вашему мнению, в первую очередь указывает на то, что у человека есть личный бренд?» приведены на рис 1. Из диаграммы видно, что респонденты связывают личный бренд в первую очередь с точным позиционированием (54,5%) и известностью среди целевой аудитории (47,2%), эти признаки можно назвать доминирующими. Далее с небольшой разницей между признаками были указаны репутация, отличия от конкурентов и уникальное торговое предложение, экспертность и ценность бренда в глазах целевой аудитории. Можно заключить, что личный бренд для

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что, по вашему мнению, в первую очередь указывает на то, что у человека есть личный бренд?», %

Примечание: можно было выбрать несколько вариантов ответов, сумма больше 100%

Источник: результаты опроса

опрошенных – это точный образ в глазах целевой аудитории вкупе с известностью.

Анализ распределения ответов на вопрос о целенаправленной работе над формированием и продвижением своего личного бренда выявил следующее: 42,6% респондентов указали, что ведут работу по созданию и продвижению личного бренда, 36,4% выбрали вариант «нет, но планирую» (сейчас не работают над личным брендом, но собираются это делать), и только 20,7% ответили, что не выполняют такую работу и не планируют. Таким образом, можно отметить осведомленность опрошенных об основных признаках личного бренда и заинтересованность в его создании.

Рассмотрение процентного распределения ответов на вопрос «Какие основные инструменты вы используете для создания и продвижения личного бренда?» интересно в совокупности с распределением ответов на вопрос «Какие инструменты, по вашему мнению, могут быть наиболее эффективны для создания и продвижения личного бренда?». На рисунке 2 представлена сравнительная диаграмма, из

Личный брендинг как фактор обеспечения конкурентоспособности
в креативных индустриях региональной экономики: эмпирическое исследование

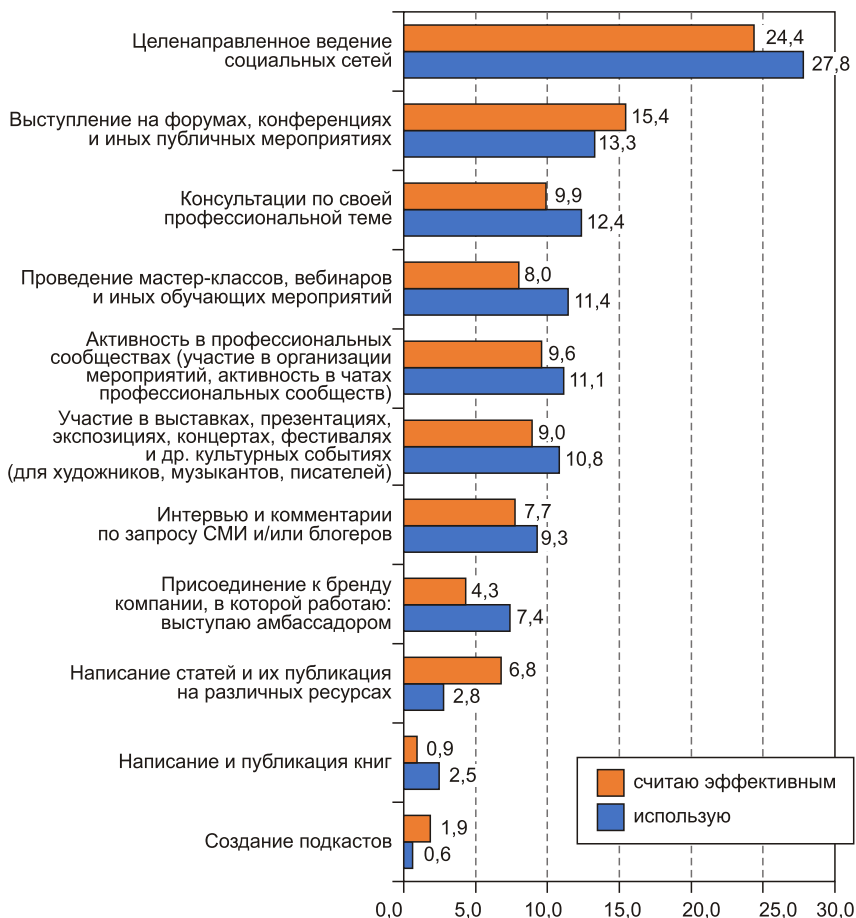

Рис. 2. Распределение ответов на вопросы «Какие основные инструменты вы используете для создания и продвижения личного бренда?» и «Какие инструменты, по вашему мнению, могут быть наиболее эффективны для создания и продвижения личного бренда?», %

Примечание: можно было выбрать несколько вариантов ответов, сумма больше 100%

Источник: результаты опроса

которой видно, что самым востребованным инструментом, а также оцениваемым как самый эффективный на сегодняшний день является

ведение социальных сетей (27,8% используют, 24,4% считают эффективным), далее в порядке убывания следуют выступления на публичных мероприятиях (13,3% используют, 15,4% считают эффективным), консультации по своей профессиональной теме (12,4% используют, 9,9% считают эффективным), проведение обучающих мероприятий (11,4% используют, 8,0% считают эффективным), активность в профессиональных сообществах (11,1% используют, 9,6% считают эффективным), участие в культурных мероприятиях (10,8% используют, 9,0% считают эффективным).

Существенный разрыв между тем, что используется, и тем, что считается эффективным, можно наблюдать в вариантах «присоединение к бренду компании» (7,4% используют, 4,3% считают эффективным), «написание статей и их публикация на различных ресурсах» (2,8% используют, 6,8% считают эффективным), «написание и публикация книг» (2,5% используют, 0,9% считают эффективным), «создание подкаста» (0,6% используют, 1,9% считают эффективным). Ситуация, когда оценка привлекательности инструмента выше оценки его применения (написание и публикация статей, а также создание подкастов) может быть связана с повышенными трудозатратами, которые необходимы для осуществления этой деятельности, что становится барьером для использования такого инструмента. Что касается книг, то превышение показателя использования над показателем оценки эффективности, вероятно, связано с тем, что среди респондентов были профессиональные писатели.

Доминирование социальных сетей в системе создания и продвижения личного бренда в креативных индустриях укладывается в концепцию экономики внимания М. Голдхабера¹¹. В эпоху информационной перегрузки внимание – один из самых ценных ресурсов, потому что человек может воспринимать одновременно только ограниченное количество информации. Согласно теории Голдхабера, экономика будущего будет основана не на производстве товаров или

¹¹ См.: Goldhaber H.M. Attention Shoppers! 1997. – URL: https://www.wired.com/1997/12/es-attention/?_sp=2952e1b2-257f-43fd-957d-825d0de9f82d.1746190243749 (дата обращения: 02.05.2025).

услуг, а на производстве и потреблении внимания, люди же будут стремиться привлечь внимание других, чтобы обменять его на социальный капитал [24; 28], власть, деньги или другие блага. Таким образом, внимание становится своего рода валютой в новой экономической системе, в то время как социальные сети являются идеальной платформой для реализации концепции экономики внимания, потому что позволяют каждому стать «производителем внимания», создавая контент. Можно сказать, что будущее, описываемое Голдхабером, уже наступило, и личный бренд в условиях экономики внимания следует рассматривать как актив: люди создают и продвигают на разных социальных платформах личные бренды в целях привлечения внимания с помощью уникального контента, экспертности и харизмы. Чем выше внимание, тем больше социальный капитал.

Отметим, что алгоритмы социальных сетей, настроенные на увеличение органического показа только востребованного аудиторией контента и, соответственно, мотивирующие пользователей создавать более интересный и увлекательный контент, выступают драйверами экономики внимания. А механизмы монетизации в социальных сетях позволяют извлекать прибыль из контента разными способами: с помощью рекламы, спонсорских сделок, партнерских программ или даже продажи товаров и услуг. Лайки, подписки, комментарии подписчиков – все взаимодействия могут быть монетизированы [6]. Поэтому ведение страниц в социальных сетях как инструмент создания и продвижения личного бренда незаменимо в наши дни, и это находит отражение на практике.

На вопрос «Чувствуете ли вы эффект от работы над личным брендом?» 35,5% респондентов дали утвердительный ответ. С учетом того, что, согласно результатам опроса, 42,6% принявших в нем участие целенаправленно работают над своим личным брендом, значение 35,5% демонстрирует ощущение людьми результатов от усилий. Для того чтобы узнать, в чем конкретно проявляется эффект от личного брендинга, был задан соответствующий вопрос, распределение ответов на который представлено на рис. 3. Из диаграммы видно, что, по мнению респондентов, самыми явными результатами от личного

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В чем сильнее всего выражается эффект от работы над личным брендом?», %

Источник: результаты опроса

брендинга являются следующие: приглашение в проекты (16,1%), полезные знакомства (15,7%), рекомендации в качестве профессионала (14,8%) и появление новых клиентов (10,8%).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Основываясь на результатах исследования, можно заключить, что осознанный подход к личному брендингу стал частью практики продвижения в креативных индустриях Красноярского края. Представители креативной экономики осведомлены о признаках личного бренда, почти 80% опрошенных или целенаправленно работают над своим брендом, или собираются начать такую работу. В качестве основного инструмента респонденты используют создание и размещение контента в социальных сетях, также выступают на форумах,

конференциях и иных публичных мероприятиях, проводят мастер-классы, консультируют, а в качестве дивидендов получают приглашения в проекты, полезный нетворкинг, рекомендации как профессионалов и новых клиентов.

Точность выводов в некоторой степени снижают ограничения, к которым относятся следующие: исследование проведено в рамках только одного региона; использован количественный метод, не позволяющий оценить глубину мотивации и стратегий создания личного бренда; некоторые инструменты используются относительно редко (например, создание подкастов или публикация статей); рассматривалась самооценка респондентов. Но несмотря на это, настоящая работа вносит определенный вклад в развитие региональной экономики. Полученные результаты дополняют методологическую базу анализом нематериальных факторов конкурентоспособности, таких как личный бренд и сетевое взаимодействие, и расширяют понимание механизмов внутреннего роста креативного сектора.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по формированию набора инструментов для стратегии личного брендинга в сфере креативных индустрий. В перечень этих инструментов однозначно должны входить создание и продвижение аккаунтов в социальных сетях, выступления на публичных мероприятиях (конференции, форумы), консультирование по профессиональной теме, проведение обучающих мероприятий, активность в профессиональных сообществах и участие в культурных мероприятиях (для представителей сферы искусства).

Кроме того, были выявлены два инструмента создания и продвижения личного бренда – написание статей и их размещение на различных ресурсах и создание подкастов, разница между оценками эффективности и использования которых существенна, что вызвало интерес.

Учитывая все изложенное, в качестве конкретных рекомендаций в области региональной экономической политики можно предложить грантовую помощь в создании подкастов, потому что это затратно, а также обеспечение доступа к бесплатному обучению у ведущих

экспертов ведению социальных сетей, копирайтингу и развитию навыков публичных выступлений через государственные программы повышения квалификации. Помимо этого, стоит обратить внимание на инструмент «выступление на форумах, конференциях и иных публичных мероприятиях», являющийся вторым по частоте использования в креативных индустриях для создания и продвижения личных брендов. Принимая во внимание значимые затраты на организацию масштабных публичных мероприятий (с учетом приглашения ведущих спикеров из Москвы и Санкт-Петербурга стоимость одного двухдневного форума в Красноярске, рассчитанного на число участников до 1 тыс. чел., по ценам 2024–2025 гг. составляет 6–8 млн руб.¹²), отметим, что активная государственная поддержка частных инициатив, таких как, например, форум коммуникаций «PR-среда»¹³ и бизнес-конференция «Охват 2.0»¹⁴, организуемых профессиональными сообществами Красноярского края, также может положительно сказаться на показателях креативной экономики региона.

Список источников

1. Беккер С.Г. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 645 с. (Избранные труды по экономической теории). – URL: <https://id.hse.ru/data/2012/05/04/1209315768/3.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).
2. Бокова А.В. Креативные индустрии как совокупность сложных сетевых структур // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 1 (21). – С. 5–12.
3. Вартанов С.А., Хворостяная А.С. Стратегирование личного бренда в условиях цифровой медиатизации: теоретико-игровой и поведенческий подходы // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 218–232. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategirovanie-lichnogo-brenda-v-usloviyah-tsifrovoy-mediatisatsii-teoretiko-igrovoy-i-povedencheskiy-podhody> (дата обращения: 16.01.2025).
4. Креативные индустрии как императив экономического роста: кросс-инновации и устойчивое развитие / Бабина Е.Н., Барашкина Е.В., Беганская И.Ю.

¹² По данным организаторов форума «PR-среда» и бизнес-конференции «Охват 2.0».

¹³ URL: <https://forum.prsreda.ru> .

¹⁴ URL: <https://ohvat-konf.ru> .

и др.; под ред. И.Ю. Беганской, О.А. Подкопаева. – Самара: ООО НИЦ «ПНК», 2024. – 214 с.

5. *Лэндри Ч.* Креативный город. – М.: ИД «Классика-XXI», 2011. – 399с.

6. *Магомедова К.А.* Управление личным брендом в социальных сетях: этапы формирования и монетизация блога // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 384–386. – URL: <https://moluch.ru/archive/307/69047/> (дата обращения: 02.05.2025).

7. *Максименко И.В.* Персональный брендинг как феномен культуры пост-индустриального общества: Дис. ... канд. культурологии. – СПб., 2018. – 194 с.

8. *Назарова У.А., Подгорная Т.Ю.* Роль персонального бренда как инструмента развития бизнеса в современной экономике // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. – 2022. – № 4 (42). – С. 64–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-personalnogo-brenda-kak-instrumenta-razvitiya-biznesa-v-sovremennoy-ekonomike> (дата обращения: 16.01.2025).

9. *Немчинова И.П.* Персональный брендинг как технология коммуникационной деятельности коммерческой организации // Молодой исследователь Дона. – 2019. – № 4 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalniy-brening-kak-tehnologiya-kommunikatsionnoy-deyatelnosti-kommercheskoi-organizatsii> (дата обращения: 16.01.2025).

10. *Новикова И.В., Хворостяная А.С.* Стратегическое развитие талантов предприятий креативной экономики // Управленческое консультирование. – 2024. – № 4. – С. 139–148.

11. *Панкратова М.И.* Брендинг как фактор конкурентоспособности киностудии «Ленфильм» // Вестник ВГИК. – 2015. – № 3 (25). – С. 120–129.

12. *Патрахина Т.Н., Вялкова К.С.* Понятие «личный бренд», области его применения: теоретические аспекты // Молодой ученый. – 2015. – № 2 (82). – С. 294–297. – URL: <https://moluch.ru/archive/82/14931/> (дата обращения: 14.04.2024).

13. *Петров Л.* Бренд имени себя. – URL: <http://www.leonidpetrov.ru/blog/articles?post=brend-imeni-sebja-sozдание-i-prodvizhenie-lichnogo-brenda> (дата обращения: 16.01.2025).

14. *Питерс Т.* Преврати себя в бренд! 50 проверенных способов перестать быть посредственностью / Пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 150 с.

15. *Портер М.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 1012 с.

16. *Ротов А.С.* Формирование и использование персонального бренда в маркетинговой системе // НЭБ. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004612914/ (дата обращения: 16.01.2025).

17. *Саленбахер Ю.* Создайте личный бренд: Как находить возможности, развиваться и выделяться / Пер. с англ. А. Семиной. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 240 с.

18. Стахов Д.Б., Нарезнева А.В., Ананьева А.Ф. и др. Теоретические аспекты конкурентоспособности и ее особенности в креативной экономике // Экономические науки. – 2024. – № 1 (230). – С. 170–175. DOI: 10.14451/1.230.170.

19. Татарова С.П., Короткова Е.С. Оценка состояния креативных индустрий и поиск инструментов по совершенствованию их функционирования // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 127–144. DOI: 10.18334/се.18.1.120269.

20. Токарева В.П. Теоретические основы формирования персонального бренда: отечественный и зарубежный подходы // Молодой ученый. – 2016. – № 22 (126). – С. 190–192. – URL: <https://moluch.ru/archive/126/35031/> (дата обращения: 16.01.2025).

21. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Strelka Press, 2014. – 36 с.

22. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

23. Becker G.S. Investment in human capital: A theoretical analysis // Journal of Political Economy. – 1962. – Suppl. Oct.

24. Bourdieu P. The Forms of Capital / Transl. by R. Nice, ch. 9 // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – Westport, CN: Greenwood Press, 1986. – P. 280–291.

25. Florida R. The Rise of the Creative Class. – Hachette, UK, 2019. – 512 p.

26. Hagel III J., Brown S.J., Davison L. The Power of Pull: How Small Moves, Smartly Made, Can Set Big Things in Motion. – Basic Books, 2010. – 288 p.

27. Komorowski M., Lupu R., Pepper S., Lewis J. Joining the dots – understanding the value generation of creative networks for sustainability in local creative ecosystems // Sustainability. – 2021. – No. 13. – 12352. DOI: 10.3390/su132212352.

28. Putnam D.R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.

29. Schultz T. Capital formation by Education // Journal of Political Economy. – 1960. – Vol. 68, iss. 6.

30. Schultz T. Investment in human capital // American Economic Review. – 1961. – No. 1.

31. Zidar P., Marič M. Personal brand // 34th International Conference on Organizational Science Development Internationalization and Cooperation. Slovenia, 2015, March. – P. 1351–1359. – URL: https://www.researchgate.net/publication/274073688_Personal_brand (дата обращения: 13.04.2024).

Информация об авторах

Погоревич Анастасия Владимировна (Россия, Красноярск) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирско-

го федерального университета (660130, Красноярск, ул. Сады, 2а-33).
E-mail: Savina1979@mail.ru.

Новиков Алексей Сергеевич (Россия, Красноярск) – кандидат философских наук, магистр психологии, директор ООО «Технологии социальных исследований». E-mail: asnovikov@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20250304

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 80–105

A.V. Pogorevich, A.S. Novikov

**PERSONAL BRANDING AND ITS ROLE
IN ENHANCING COMPETITIVENESS
IN REGIONAL CREATIVE INDUSTRIES:
AN EMPIRICAL STUDY**

The article considers the factors of competitiveness of creative industries in Russian regions with a focus on the role of personal branding as a tool for promotion and self-fulfillment of the creative class. The subject of the study embraces the practices of creating and promoting personal brands in the conditions of digital environment and high information saturation. The aim of research is to identify the key strategies of personal brand formation in the creative sector and evaluate their effectiveness to improve the competitiveness of professionals and regions as a whole. The hypothesis is analyzed that successful development of the creative economy requires not only state support, but also natural market mechanisms, including competition, networking and personal brands.

The research was conducted by a survey of 384 representatives of creative industries in Krasnoyarsk Krai (February-April 2024), the sample was formed by river-sample technology. The respondents represented such spheres as art industry, design, music, theater, cinema, education, media and others, according to the UNESCO classification and the Concept of Creative Industries Development in Russia. The results showed that 42.6% of the participants are purposefully working on their personal brand, and another 36.4% plan to do

so. Respondents consider positioning and awareness to be the main attributes of a personal brand. The most popular promotion tool was social networks (27.8%), as they correspond to the logic of the attention economy. More than a third of respondents noted a tangible effect of branding: invitations to projects, new clients, recommendations as a professional and networking.

The obtained results can be used to improve the state policy of supporting creative industries, develop the methodological basis for personal branding research and improve the efficiency of professional activity in the creative sphere. The article demonstrates that personal brand is an important resource of competitiveness in the creative economy and requires further study and system support.

Keywords: creative economy; creative industries; regions; state support; competitiveness; personal brand; social media

For citation: *Pogorevich, A.V. & A.S. Novikov. (2025). Lichnyy branding kak faktor obespecheniya konkurentosposobnosti v kreativnykh industriyakh regionalnoy ekonomiki: empiricheskoe issledovanie [Personal branding and its role in enhancing competitiveness in regional creative industries: an empirical study]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 80–105. DOI: 10.15372/REG20250304.*

References

1. *Becker, S.G. (2003). Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod [Human Behavior: An Economic Approach]. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii [Selected works on economic theory]. Moscow, State University HSE Publ., 645. Available at: <https://id.hse.ru/data/2012/05/04/1209315768/3.pdf> (date of access: 28.04.2025).*
2. *Bokova, A.V. (2016). Kreativnye industrii kak sovokupnost slozhnykh setevykh struktur [Creative industries as a set of complex network structures]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk State University. Cultural and Art History], 1 (21), 5–12.*
3. *Vartanov, S.A. & A.S. Khvorostyanaya. (2023). Strategirovanie lichnogo brenda v usloviyakh tsifrovoy mediatizatsii: teoretiko-igrovoy i povedencheskiy podkhod [Personal brand strategizing in digital mediatization: game-theoretic and behavioral approaches]. Strategirovanie: teoriya i praktika [Strategizing: Theory and Practice], 2,*

218–232. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategirovanie-lichnogo-brenda-v-usloviyah-tsifrovoy-mediatsizatsii-teoretiko-igrovoy-i-povedencheskiy-podhody> (date of access: 16.01.2025).

4. Babina, E.N., E.V. Barashkina, I.Yu. Beganskaya (Ed.) et al.; O.A. Podkopaev (Ed.). (2024). Kreativnye industrii kak imperativ ekonomicheskogo rosta: kross-innovatsii i ustoychivoe razvitie [Creative Industries as an Imperative for Economic Growth: Cross-Innovation and Sustainable Development]. Samara, LLC Research Center “Volga Region Scientific Corporation” Publ., 214.

5. Landri, Ch. (2011). Kreativnyy gorod [The Creative City]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 399.

6. Magomedova, K.A. (2020). Upravlenie lichnym brendom v sotsialnykh setyakh: etapy formirovaniya i monetizatsiya bloga [Personal brand management in social networks: stages of formation and monetization of the blog]. Molodoy uchenyy [Young Scientist], 17 (307), 384–386. Available at: <https://moluch.ru/archive/307/69047/> (date of access: 02.05.2025).

7. Maksimenko, I.V. (2018). Personalnyy branding kak fenomen kultury postindustrialnogo obshchestva [Personal Branding as a Cultural Phenomenon of Post-Industrial Society]. Thesis for the degree of Candidate of Cultural Studies]. St.-Petersburg, 194.

8. Nazarova, U.A. & T.Yu. Podgornaya. (2022). Rol personalnogo brenda kak instrumenta razvitiya biznesa v sovremennoy ekonomike [The role of personal brand as a tool for business development in modern economy]. Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika [Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy], 4 (42), 64–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-personalnogo-brenda-kak-instrumenta-razvitiya-biznesa-v-sovremennoy-ekonomike> (date of access: 16.01.2025).

9. Nemchinova, I.P. (2019). Personalnyy branding kak tekhnologiya kommunikatsionnoy deyatel'nosti kommercheskoy organizatsii [Personal branding as a technology of communication activity]. Molodoy issledovatel Dona [Young Researcher of the Don], 4 (19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalnyy-branding-kak-tehnologiya-kommunikatsionnoy-deyatelnosti-kommercheskoi-organizatsii> (date of access: 16.01.2025).

10. Novikova, I.V. & A.S. Khvorostyanaya. (2024). Strategicheskoe razvitie talantov predpriyatiy kreativnoy ekonomiki [Strategic talent development for creative economy enterprises]. Upravlencheskoe konsultirovanie [Administrative Consulting], 4, 139–148.

11. Pankratova, M.I. (2015). Branding kak faktor konkurentosposobnosti kinostudii “Lenfilm” [Branding as a factor of competitiveness of the “Lenfilm” studio]. Vestnik VGIK, 3 (25), 120–129.

12. *Patrakhina, T.N. & K.S. Vyalkova.* (2015). Ponyatie “lichnyy brend”, oblasti ego primeneniya: teoreticheskie aspekty [The notion of “personal brand” and its application: theoretical aspects]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2 (82), 294–297. Available at: <https://moluch.ru/archive/82/14931/> (date of access: 14.04.2024).

13. *Petrov, L.* Brend imeni sebya [Brand of your name]. Available at: <http://www.leonidpetrov.ru/blog/articles?post=brend-imeni-sebja-sozdanie-i-prodvizhenie-lichnogo-brenda> (date of access: 16.01.2025).

14. *Peters, T.* (2012). *Prevrati sebya v brend! 50 proverennykh sposobov perestat byt posredstvennostyu* [The Brand You: Fifty Ways to Transform Yourself from an “Employee” into a Brand That Shouts Distinction, Commitment, and Passion!]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 150.

15. *Porter, M.* (2016). *Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich vysokogo rezultata i obespechit ego ustoychivost* [How to Achieve a High Result and Ensure Its Sustainability]. Moscow, Alpina Publisher, 1012.

16. *Rotov, A.S.* Formirovanie i ispolzovanie personalnogo brenda v marketingovoy sisteme [Formation and use of personal brand in marketing]. NEB. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004612914/ (date of access: 16.01.2025).

17. *Salenbacher, J.* (2018). *Sozdayte lichnyy brend: Kak nakhodit vozmozhnosti, razvivatsya i vydelyatsya* [How to Find Opportunities, Develop and Stand Out]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 240.

18. *Stakhov, D.B., A.V. Narezhneva, A.F. Ananyeva et al.* (2024). Teoreticheskie aspekty konkurentosposobnosti i ee osobennosti v kreativnoy ekonomike [Theoretical aspects of competitiveness and its features in creative economy]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 1 (230), 170–175. DOI: 10.14451/1.230.170.

19. *Tatarova, S.P. & E.S. Korotkova.* (2024). Otsenka sostoyaniya kreativnykh industriy i poisk instrumentov po sovershenstvovaniyu ikh funktsionirovaniya [Assessment of the state of creative industries and search for tools to improve their functioning]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], Vol. 18, No. 1, 127–144. DOI: 10.18334/ce.18.1.120269.

20. *Tokareva, V.P.* (2016). Teoreticheskie osnovy formirovaniya personalnogo brenda: otechestvennyy i zarubezhnyy podkhody [Theoretical bases of personal brand formation: domestic and foreign approaches]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 22 (126), 190–192. Available at: <https://moluch.ru/archive/126/35031/> (date of access: 16.01.2025).

21. *Florida, R.* (2014). *Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitelstva* [Who’s Your City? Creative Economy and Choosing a Place to Live]. Moscow, Strelka Press, 36.

22. *Shumpeter, J.* (1995). *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika Publ., 540.

23. *Becker, G.S.* (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of Political Economy*, Suppl. Oct.
24. *Bourdieu, P.* (1986). The Forms of capital. Transl. by R. Nice, ch. 9. In: J.G. Richardson (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport, CN, Greenwood Press, 280–291.
25. *Florida, R.* (2019). *The Rise of the Creative Class*. Hachette, UK, 512.
26. *Hagel III, J., S.J. Brown & L. Davison.* (2010). *The Power of Pull: How Small Moves, Smartly Made, Can Set Big Things in Motion*. Basic Books, 288.
27. *Komorowski, M., R. Lupu, S. Pepper & J. Lewis.* (2021). Joining the dots – Understanding the value generation of creative networks for sustainability in local creative ecosystems. *Sustainability*, 13, 12352. DOI: 10.3390/su132212352.
28. *Putnam, D.R.* (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster, 544.
29. *Schultz, T.* (1960). Capital formation by education. *Journal of Political Economy*, Vol. 68, Iss. 6.
30. *Schultz, T.* (1961). Investment in human capital. *American Economic Review*, 1.
31. *Zidar, P. & M. Marič.* (2015). Personal brand. In: 34th International Conference on Organizational Science Development Internationalization and Cooperation. Slovenia, 2015, March, 1351–1359. Available at: https://www.researchgate.net/publication/274073688_Personal_brand (date of access: 13.04.2024).

About Authors

Pogorevich, Anastasia Vladimirovna (Krasnoyarsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor at the Chair of Advertising and Socio-Cultural Activity, Humanitarian Institute, Siberian Federal University (2a-33, Sady St., Krasnoyarsk, 660130, Russia). E-mail: Savina1979@mail.ru.

Novikov, Alexey Sergeevich (Krasnoyarsk, Russia) – Candidate of Sciences (Philosophy), Master of Psychology, Director of LLC “Technologies of Social Research”. E-mail: asnovikov@gmail.com.

Поступила в редколлегию 11.02.2025.

После доработки 21.05.2025.

Принята к публикации 23.05.2025.

© Погоревич А.В., Новиков А.С., 2025

Н.А. Кравченко, А.Т. Юсупова, С.Р. Халимова

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ НАУЧНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Перспективы научно-технологического и инновационного развития на уровне отдельных территорий зависят от множества региональных характеристик, в том числе от величины и сбалансированности накопленных научного и технологического потенциалов. Предлагаемый подход к оценке такой сбалансированности опирается на идеи об инновационной и абсорбционной способностях, аккумулированных на определенной территории. В рамках данного исследования предложены типология и позиционирование субъектов РФ на основе сопоставления выделенных характеристик. В качестве индикатора инновационной способности используется доля численности занятых в исследованиях и разработках в общей численности рабочей силы в регионе. Абсорбционную способность отражает коэффициент локализации высокотехнологичного бизнеса. Для 2016 и 2022 гг. определены регионы, занимающие лидирующие позиции, и регионы-последователи. В качестве эмпирической основы использованы данные Росстата и базы СПАРК-Интерфакс.

По показателям, описывающим состояние экономики региона, его исследовательский и технологический потенциалы, кадры и цифровые технологии, а также качество институтов в области инновационной политики, были выполнены факторный анализ и кластерный анализ, выделены группы схожих территорий. Выявлены характеристики, которые влияют на уровни инновационной и абсорбционной способностей на региональном уровне, содействуют их сбалансированному сочетанию, обеспечивающему социально-экономический рост и технологическую независимость. К ним относятся значительные затраты на иссле-

дования и разработки, высокий уровень развития цифровых технологий, продвинутая инновационная политика. Структура экономики должна быть относительно сбалансированной, обеспечивать внешнюю среду, благоприятную для освоения новых технологий и выпуска инновационных товаров.

Ключевые слова: технологическая независимость; инновационная способность; абсорбционная способность; региональная дифференциация; сбалансированность; высокотехнологичный бизнес; кластерный анализ

Для цитирования: *Кравченко Н.А., Юсупова А.Т., Халимова С.Р.* Позиционирование российских регионов в контексте сбалансированности научного и технологического развития // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 106–131. DOI: 10.15372/REG20250305.

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технологическое развитие основано на системном взаимодействии науки, бизнеса и государства как основных блоков инновационной системы. Ее построение было заявлено целью в Стратегии инновационного развития – 2020¹, поддерживалось многими региональными стратегиями социально-экономического развития. Однако выдвинутые цели не удалось реализовать в полной мере: сохраняются проблемы низкой инновационной активности предприятий, невостребованности бизнесом результатов научных разработок, малого вклада высокотехнологичных и наукоемких отраслей, увеличиваются региональные диспропорции за счет концентрации научного и технологического потенциалов в немногих, преимущественно крупнейших агломерациях. Поиск решения таких проблем приобрел особую важность в условиях новых вызовов – изменений геополитической обстановки, санкционных войн, СВО и т.д. Ответом на новые вызовы

¹ См.: *Распоряжение* Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/.

стало признание необходимости достижения технологического суверенитета в качестве национальной цели², включая технологическое лидерство по ряду направлений³, что предполагает поддержку реализации полного инновационного цикла от выполнения научных исследований и разработок до производства наукоемкой продукции. Ориентация на локализацию полной технологической цепочки создания ценности в настоящее время включена в повестку развития стран-лидеров, в том числе США, Китая, Германии и др.

Как показывают исследования, для взаимодействия науки и бизнеса территориальная близость имеет значение [12; 20]. Сложные виды деятельности географически более сконцентрированы и показывают меньшую распространенность. Регионы с сильной научной базой в определенной области демонстрируют также сильную технологическую базу в этой области. Это подтверждается зарубежными исследованиями [8–10; 15], показывающими, что более сложные виды деятельности сильнее концентрируются в крупных городах с высокой плотностью деятельности, что увеличивает потребность в географической близости. Это подтверждается эмпирически и в отечественных исследованиях [1; 3; 21]. Так как инновационное развитие локализовано [11; 13; 20; 22], важно определить возможности научно-технологического и инновационного развития на уровне отдельных территорий. Эти возможности зависят от многих региональных характеристик, среди которых мы фокусируем внимание на величине и сбалансированности накопленных научного и технологического потенциалов.

Предлагаемый нами подход к оценке сбалансированности научного и технологического развития опирается на идею об инновационной и абсорбционной способностях, аккумулированных на опре-

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> .

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> .

деленной территории. Эта идея развивается рядом иностранных исследователей [6; 14; 16], в России ее ввел в научный оборот академик В.М. Полтерович [4; 19]. Инновационная способность характеризует возможности страны или региона создавать инновационные товары и услуги на основе собственных исследований и разработок, а абсорбционная способность – это способность экономики осваивать и коммерчески использовать результаты научных исследований, в том числе в форме новых технологий, для производства новых товаров и услуг. Для устойчивого развития и экономического роста необходимы наличие и взаимодействие инновационной и абсорбционной способностей региона.

Эти способности зависят от множества факторов, среди которых наиболее значимыми считаются развитие науки и образования, человеческий капитал, структура производственного сектора экономики, качество институтов и др. Разрывы между предложением результатов научных исследований и разработок со стороны науки и спросом на них со стороны бизнеса отражают низкую сбалансированность и слабое взаимодействие между ними [2]. Мы рассматриваем научно-исследовательскую деятельность в качестве ядра / ключевой характеристики инновационной способности, а сектор высокотехнологичных и наукоемких предприятий – как фундамент для освоения созданных знаний и их использования в производстве новых товаров и услуг.

Целью нашего исследования являются разработка типологии и позиционирование субъектов РФ на основе сопоставления их инновационной и абсорбционной способностей, выявление ключевых факторов, определяющих положение регионов.

ОБОСНОВАНИЕ ИНДИКАТОРОВ ИННОВАЦИОННОЙ И АБСОРБЦИОННОЙ СПОСОБНОСТЕЙ

Для оценки сбалансированности мы используем две характеристики регионов: занятость в научных исследованиях и разработках и присутствие высокотехнологичных производств. Число занятых в НИР может служить некоторым индикатором сложности и широты

базы знаний, накопленных в регионе, что положительно влияет на возможности производства и освоения новых знаний как основы развития высоких технологий, что, в свою очередь, способствует достижению технологической независимости и экономическому росту. Как показано в исследованиях зарубежных ученых, сложность запаса знаний положительно связана с ростом ВРП (в европейских регионах [7; 18]), при этом наиболее сложные виды деятельности концентрируются в наиболее богатых городах (в США [9]). Связи между числом занятых в НИР, сложностью создаваемых знаний, присутствием высокотехнологичных производств и богатством территории формируют кумулятивные эффекты, так как богатые регионы могут увеличивать затраты на НИР, привлекать новых исследователей и поддерживать венчурные инвестиции в новые технологии [17].

В России численность занятых в НИР снижается на протяжении длительного периода, однако отдельные регионы не подвержены этой тенденции, в частности в наибольшей степени увеличилась численность исследователей в Республике Татарстан (прирост составил 2,0 тыс. чел.), Нижегородской (1,1 тыс. чел.), Челябинской (1,0 тыс. чел.), Тульской, Воронежской областях, Красноярском крае и еще в нескольких небольших регионах. На фоне общего снижения численности исследователей сохраняется их концентрация в крупнейших центрах: в 2016 г. в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге работали 54,9% всех российских исследователей, в 2022 г. – 54,1%. Менее всего сократилась численность исследователей в Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах, более всего пострадали Северо-Кавказский и Северо-Западный федеральные округа.

В таблице 1 представлено распределение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, по федеральным округам, которое демонстрирует значительную и устойчивую дифференциацию возможностей регионов по созданию знаний.

Воплощение создаваемых знаний в инновационные продукты и услуги предполагает создание или наличие ресурсов и компетенций для производства высокотехнологичных товаров и услуг. Технологическое развитие во многом зависит от возможностей применения

Таблица 1

**Численность персонала, занятого научными исследованиями
и разработками, чел., 2016 и 2022 гг.**

Федеральный округ	2016	2022	Темп роста 2022/2016, %
Российская Федерация из суммы субъектов РФ	722 291	669 870	92,7
Центральный ФО	372 293	340 001	91,3
Северо-Западный ФО	95 118	85 082	89,4
Южный ФО	28 011	26 376	94,2
Северо-Кавказский ФО	7 655	6 461	84,4
Приволжский ФО	104 304	101 439	97,3
Уральский ФО	46 437	45 743	98,5
Сибирский ФО	53 612	51 129	95,4
Дальневосточный ФО	14 861	13 639	91,8

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

созданных знаний, их использования в производствах, которые уже имеются в регионе. В качестве таких возможностей мы рассматриваем прежде всего присутствие в регионе высокотехнологичных и наукоемких компаний, которые выступают драйверами технологического развития.

Пока доля высокотехнологичного сектора невысока, и она практически не изменилась за рассматриваемый период (табл. 2). Наибольший вклад высокотехнологичный сектор вносит в экономику Приволжского и Центрального федеральных округов, а наименьший – в экономику Дальневосточного и Уральского федеральных округов. Мы ограничены данными за 2022 г., можно предположить, что в более позднем периоде доля высокотехнологичного сектора возросла.

Для достижения технологической независимости принципиально сочетание инновационной и абсорбционной способностей, которое

Таблица 2

Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте, %, 2016 и 2022 гг.

Федеральный округ	2016	2022	Темп роста, 2022/2016
Российская Федерация из суммы субъектов РФ	18,5	18,5	100
Центральный ФО	20,5	21,9	107
Северо-Западный ФО	21,2	18,5	87
Южный ФО	15,6	15,3	98
Северо-Кавказский ФО	17,0	18,2	107
Приволжский ФО	22,3	22,2	100
Уральский ФО	11,9	11,7	98
Сибирский ФО	16,7	16,9	101
Дальневосточный ФО	14,1	12,7	90

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

позволяет создавать и эффективно использовать результаты научных разработок.

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ И АБСОРБЦИОННОЙ СПОСОБНОСТЕЙ РЕГИОНОВ

Используя подход, предложенный в работе [8], мы проанализировали уровни инновационной и абсорбционной способностей регионов РФ. Сочетание этих характеристик, их сбалансированность позволяют оценить возможности развития территорий, направления и характер требуемой государственной поддержки.

В качестве индикатора инновационной способности мы предлагаем использовать долю численности занятых в НИР в общей численности рабочей силы в регионе. Абсорбционную способность отра-

жает коэффициент локализации высокотехнологичного бизнеса⁴. В отличие от доли продукции высокотехнологичного сектора в ВРП, этот показатель соотносит положение региона с национальным уровнем, что позволяет избежать ряда ошибочных представлений.

Сбалансированное развитие предполагает высокие значения обоих индикаторов, что характерно для регионов-лидеров. Преобладание инновационной способности характерно для научных лидеров, доминирование абсорбционной способности – для группы технологически развитых регионов. Регионы с низкими значениями обоих индикаторов выступают последователями, являются проблемными, их возможности научно-технологического развития ограничены, для них требуется разработка специальных программ поддержки.

На рисунках 1 и 2 на основе данных 2016 и 2022 гг. в предложенной системе координат представлены все субъекты Федерации. Регионы РФ характеризуются высоким уровнем дифференциации. На представленных рисунках величина каждой точки определяется уровнем ВРП на душу населения. Москва и Санкт-Петербург отличаются высоким значением этого показателя, что отражает положительное влияние масштаба, однако этот эффект проявляется не всегда. И в 2016, и в 2022 г. выделяется группа лидеров, состав которой не претерпел существенных изменений. Топ-6 регионов включает Москву, Санкт-Петербург, Московскую, Нижегородскую и Томскую области, в 2016 г. в эту группу входила также Калужская область, а в 2022 г. – Новосибирская. Большая часть субъектов Федерации характеризуются относительно низкими значениями и инновационной, и абсорбционной способности. При этом размещение конкретных регионов на условной карте довольно устойчивое: за немногими исключениями, сдвиги в позиционировании регионов незначительны, т.е. имеет место высокая зависимость от прошлого, изменения происходят медленно.

⁴ Коэффициент локализации высокотехнологичного бизнеса представляет собой отношение выручки высокотехнологичного бизнеса в регионе к его ВРП относительно соответствующего отношения для страны в целом (подробнее см.: [5]).

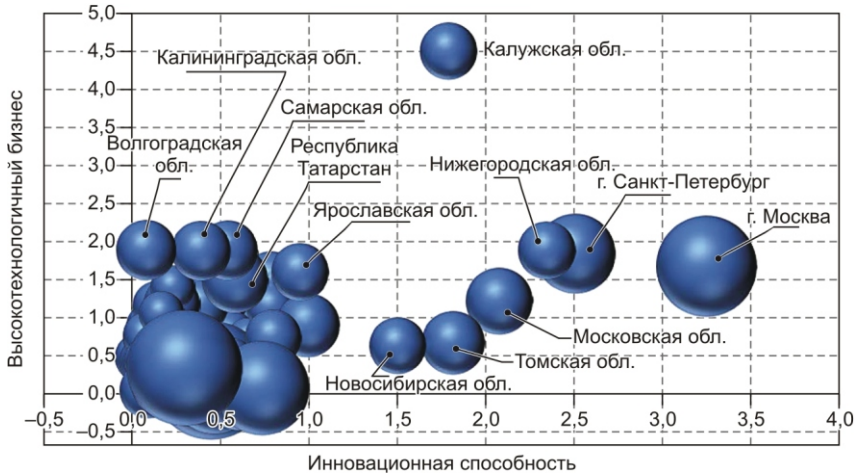

Рис. 1. Позicionирование регионов РФ, 2016 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата, СПАРК-Интерфакс

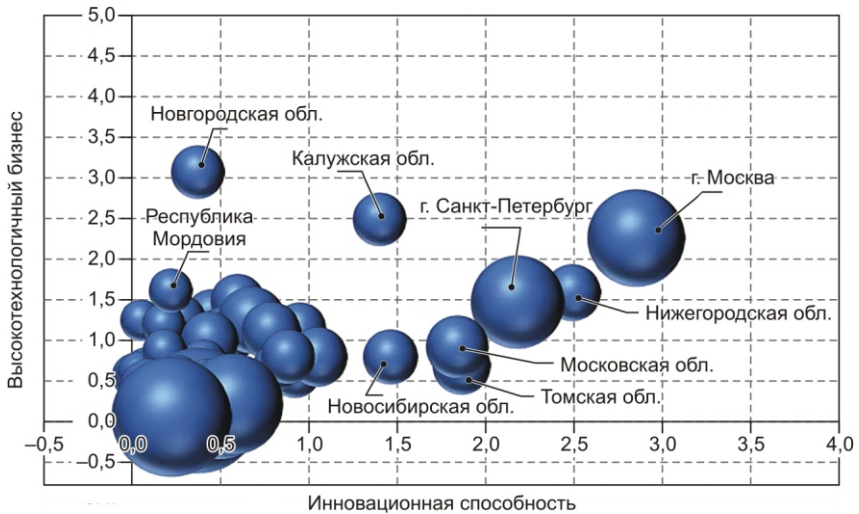

Рис. 2. Позicionирование регионов РФ, 2022 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата, СПАРК-Интерфакс

Проведенный анализ подтверждает наличие существенных региональных различий в соотношениях инновационной и абсорбционной способностей. Положение конкретного субъекта определяется многими характеристиками, как объективными, отражающими уровень его социально-экономического развития, так и конъюнктурными, зависящими от определенных событий, отражающими краткосрочный эффект от действий отдельных крупных корпораций или государства.

Выбранные индикаторы инновационной и абсорбционной способностей отражают влияние многих региональных характеристик, которые различным образом воздействуют на развитие региональной экономики. Определение схожих типов регионов было выполнено с помощью факторного и кластерного анализов.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ИННОВАЦИОННУЮ И АБСОРБЦИОННУЮ СПОСОБНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Для факторного анализа было использовано 14 показателей, описывающих состояние экономики региона, его исследовательский и технологический потенциалы, кадры и цифровые технологии, а также качество институтов в области инновационной политики. Чтобы избежать влияния размера региона на получаемые результаты, в расчетах были использованы относительные показатели. Описательная статистика используемых переменных приведена в табл. 3. Анализ проводился для 80 субъектов РФ, для которых доступны статистические данные и за 2016, и за 2022 г., при этом составные субъекты учитывались как один регион.

В результате проведенного факторного анализа исходные 14 показателей объединяются в пять компонент в 2016 г. и в четыре компоненты в 2022 г.; в основном состав компонент, несмотря на то что их количество изменилось, остался постоянным. Адекватность факторного анализа при этом удовлетворительная. Распределение показателей по компонентам приведено в табл. 4.

Далее на основе выделенных главных компонент был проведен кластерный анализ, в результате которого анализируемые регионы

Описательная статистика используемых переменных

№	Показатель	2016		2022	
		Сред. значение	Коэфф. вариации	Сред. значение	Коэфф. вариации
<i>Состояние экономики</i>					
1	ВРП на душу населения, тыс. руб./чел.	415	0,665	780	0,776
2	Доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости, %	8,51	1,584	10,58	1,613
3	Доля обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости, %	18,23	0,577	17,03	0,643
4	Индекс Херфиндаля – Хиршмана для структуры валовой добавленной стоимости (ИНН)	1 455	0,293	1472	0,483
<i>Исследовательский потенциал</i>					
5	Доля внутренних затрат на НИОКР в ВРП, %	0,718	1,229	0,597	1,237
6	Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности занятых, %	0,518	1,141	0,481	1,147
7	Число выданных патентов на изобретения и полезные модели на одного занятого научными исследованиями и разработками, шт./чел.	0,074	1,042	0,097	2,427
<i>Технологический потенциал</i>					
8	Доля затрат на инновационную деятельность организаций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	1,65	0,791	1,59	1,063
9	Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	6,07	0,973	4,56	0,966
10	Число используемых передовых производственных технологий на одного занятого, шт./чел.	0,0029	0,624	0,0036	0,626

Позиционирование российских регионов в контексте сбалансированности
научного и технологического развития

Окончание табл. 3

№	Показатель	2016		2022	
		Сред. значение	Коэфф. вариации	Сред. значение	Коэфф. вариации
11	Коэффициент локализации высокотехнологичного бизнеса	0,72	0,953	0,62	0,934
<i>Кадровый потенциал</i>					
12	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. чел. населения, чел.	265	0,353	243	0,409
<i>Цифровые технологии</i>					
13	Доля затрат на внедрение и использование цифровых технологий в ВРП, %	1,07	0,525	1,21	0,815
<i>Качество институтов</i>					
14	Индекс качества инновационной политики	0,3940	0,430	0,5390	0,342

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата, СПАРК-Интерфакс, НИУ ВШЭ.

Таблица 4

Главные компоненты по результатам факторного анализа

Компонента	2016	2022
Размер и структура региональной экономики	ВРП на душу населения; доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости; ИНН	ВРП на душу населения; доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости; ИНН
Развитие обрабатывающей промышленности	Доля обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости; число используемых передовых производственных технологий на одного занятого; коэффициент локализации высокотехнологичного бизнеса	Доля обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости; число используемых передовых производственных технологий на одного занятого; объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг

Компонента	2016	2022
Региональная инновационная система	Доля внутренних затрат на НИОКР в ВРП; доля персонала, занятого НИР, в общей численности занятых; численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. чел. населения; доля затрат на внедрение и использование цифровых технологий в ВРП	Доля внутренних затрат на НИОКР в ВРП; доля персонала, занятого НИР, в общей численности занятых; доля затрат на инновационную деятельность организаций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; коэффициент локализации высокотехнологического бизнеса; численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. чел. населения; индекс качества инновационной политики
Инновационные организации	Доля затрат на инновационную деятельность организаций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; индекс качества инновационной политики	
Патентная активность	Число выданных патентов на изобретения и полезные модели на одного занятого НИР	Число выданных патентов на изобретения и полезные модели на одного занятого НИР; доля затрат на внедрение и использование цифровых технологий в ВРП
Мера адекватности выборки Кайзера – Майера – Олкина	0,686	0,613

Источник: расчеты авторов.

и в 2016, и в 2022 г. были объединены в семь кластеров, представленных на рис. 3 и 4. Отметим, что ключевые характеристики кластеров в основном сохранились, но в составе и числе регионов, входящих в каждый из них, произошли определенные изменения.

Позиционирование российских регионов в контексте сбалансированности
научного и технологического развития

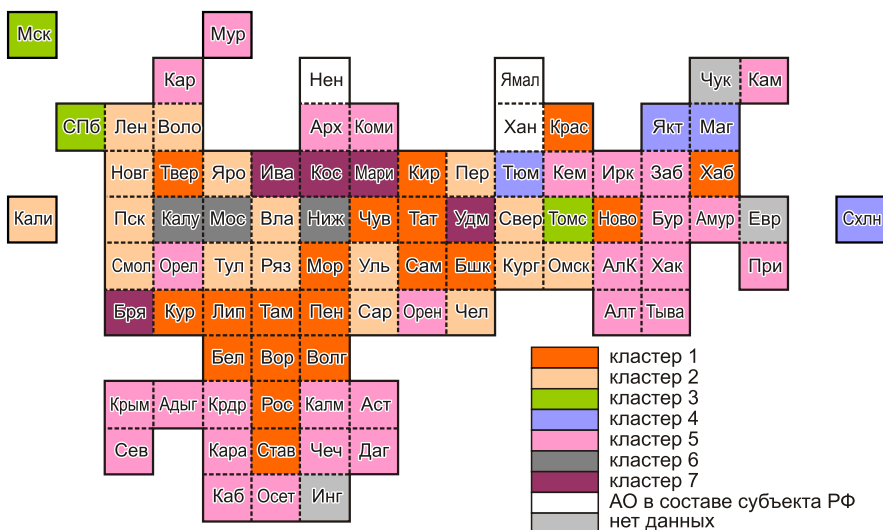

Рис. 3. Распределение регионов по кластерам в 2016 г.

Примечание: Мск – г. Москва; Кали – Калининградская обл.; СПб – г. Санкт-Петербург; Лен – Ленинградская обл.; Новг – Новгородская обл.; Пск – Псковская обл.; Смолен – Смоленская обл.; Бря – Брянская обл.; Крым – Республика Крым; Сев – г. Севастополь; Мур – Мурманская обл.; Яро – Ярославская обл.; Мос – Московская обл.; Тул – Тульская обл.; Лип – Липецкая обл.; Бел – Белгородская обл.; Крдр – Краснодарский край; Кара – Карачаево-Черкесская Республика; Каб – Кабардино-Балкарская Республика; Ива – Ивановская обл.; Вла – Владимирская обл.; Ряз – Рязанская обл.; Там – Тамбовская обл.; Воро – Воронежская обл.; Рос – Ростовская обл.; Став – Ставропольский край; Осет – Республика Северная Осетия – Алания; Нен – Ненецкий АО; Арх – Архангельская обл.; Кос – Костромская обл.; Ниж – Нижегородская обл.; Мор – Республика Мордовия; Пен – Пензенская обл.; Волг – Волгоградская обл.; Калм – Республика Калмыкия; Чеч – Чеченская Республика; Инг – Республика Ингушетия; Коми – Республика Коми; Мари – Республика Марий Эл; Чув – Чувашская Республика; Уль – Ульяновская обл.; Сар – Саратовская обл.; Аст – Астраханская обл.; Даг – Республика Дагестан; Кир – Кировская обл.; Тат – Республика Татарстан; Сам – Самарская обл.; Орен – Оренбургская обл.; Пер – Пермский край; Удм – Удмуртская Республика; Бшк – Республика Башкортостан; Чел – Челябинская обл.; Ямал – Ямало-Ненецкий АО; Хан – Ханты-Мансийский АО – Югра; Тюм – Тюменская обл.; Свер – Свердловская обл.; Кург – Курганская обл.; Крас – Красноярский край; Кем – Кемеровская обл.; Томск – Томская обл.; Омск – Омская обл.; Ирк – Иркутская обл.; Ново – Новосибирская обл.; Алк – Алтайский край; Алт – Республика Алтай; Якт – Республика Саха (Якутия); Заб – Забайкальский край; Бур – Республика Бурятия; Хак – Республика Хакасия; Тыва – Республика Тыва; Чук – Чукотский АО; Маг – Магаданская обл.; Хаб – Хабаровский край; Амур – Амурская обл.; Кам – Камчатский край; Евр – Еврейская авт. обл.; При – Приморский край; Схлн – Сахалинская обл.

Источник: составлено авторами

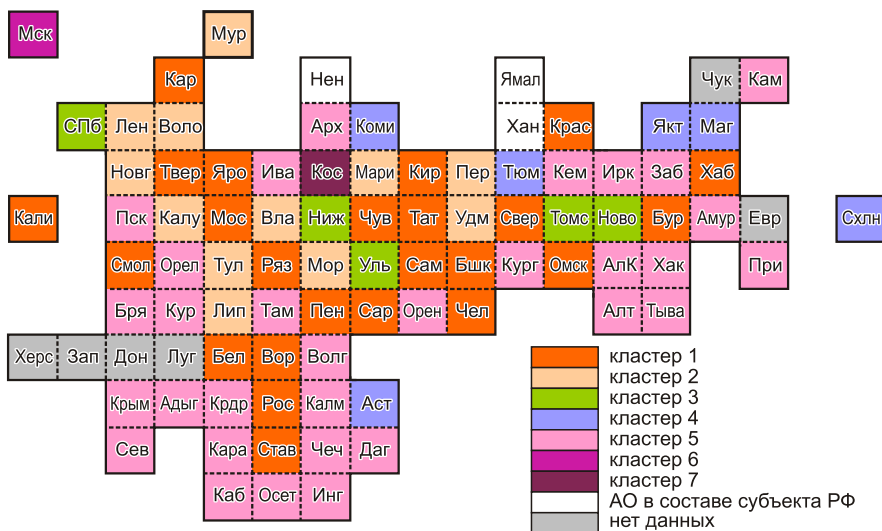

Рис. 4. Распределение регионов по кластерам в 2022 г.

Примечание: Херс – Херсонская обл.; Зап – Запорожская обл.; Дон – Донецкая Народная Республика; Луг – Луганская Народная Республика. Расшифровку названий остальных регионов см. в подписи к рис. 3

Источник: составлено авторами

В 2016 г. *шесть лидирующих по уровню инновационной и абсорбционной способностей* регионов (Москва, Санкт-Петербург, Нижегородская, Калужская, Московская и Томская области), обладающих центрами научного развития, характеризующихся также высоким качеством инновационной политики, заметной ролью высокотехнологичного бизнеса (ВТБ) в экономике, распределились между кластером 3 и кластером 6. В последний вошли территории, осуществляющие значительные затраты на исследования и разработки, на инновации и имеющие высокие уровни производства инновационных товаров и душевого ВРП. В 2022 г. распределение регионов-лидеров между кластерами изменилось. Москва выделилась в самостоятельный кластер 6, который значительно превосходит другие по затратам на информационные технологии, по численности студентов и иссле-

дователей, занимая первое место по развитию высокотехнологичного бизнеса и инновационной политике, имеет высокий уровень ВРП на душу населения. Московская и Калужская области (у них снизилась доля ВТБ и численность исследователей) перешли в кластер 1, а их место в кластере 3 заняли Новосибирская и Ульяновская области. Остальные три региона сохранили место в кластере 3, его качественные характеристики не изменились по сравнению с 2016 г. Таким образом, *третий и шестой кластеры* включают территории высоких и сбалансированных инновационных и абсорбционных способностей.

Первый кластер объединяет регионы, экономика которых диверсифицирована и характеризуется значимой долей обрабатывающей промышленности, они отличаются заметными затратами на инновации и высоким качеством инновационной политики. Это преимущественно европейские регионы, а также три региона из азиатской части России.

Во *второй кластер* входят старопромышленные регионы России, которые являются лидерами по доле обрабатывающей промышленности, имеют низкий уровень инновационной политики и невысокий душевой ВРП. В 2022 г. кластер трансформировался в более развитый, стал занимать ведущие позиции по доле инновационных товаров, работ, услуг и по использованию передовых производственных технологий, при том что в 2016 г. эти индикаторы имели очень низкие значения. В 2022 г. число регионов, входящих в кластер, сократилось за счет перемещения их части в кластер 1. Наблюдаемые изменения свидетельствуют о том, что абсорбционная способность кластера увеличилась.

Соотношение средних значений показателей в кластерах меняется по годам. Так, доля инновационных товаров в 2016 г. в первом кластере была выше, чем во втором, а в 2022 г. – наоборот. В 2016 г. душевой ВРП в кластере 1 был чуть выше, чем в кластере 2, в 2022 г. положение изменилось на противоположное.

Четвертый кластер – это богатые ресурсные регионы, экономика которых опирается на добычу полезных ископаемых, тогда как научный и инновационный потенциалы находятся на низком уровне.

В 2022 г. кластер пополнился двумя менее богатыми, но повторяющими общие характеристики территориями. Регионы этой группы устойчиво лидируют по показателю ВРП на душу населения, характеризуются слабыми инновационной и абсорбционной способностями. Они обладают значительными финансовыми ресурсами, которые могут использоваться для развития. Так, уже в настоящее время Тюменская область (без округов) имеет развитый высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности.

В *пятый кластер* входят регионы, отстающие по всем показателям, характеризующим научное и технологическое развитие. Это группа так называемых последователей, она самая многочисленная. В нее входят преимущественно субъекты Южного, Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, в основном с невысоким душевым ВРП. За прошедший период кластер расширился, в него перешли несколько регионов из кластеров 1 и 2.

Седьмой кластер в 2016 г. являлся лидером по патентной активности, регионы этого кластера характеризовались высокой долей обрабатывающей промышленности, в большей мере низкотехнологичных отраслей, так что малое число студентов и низкая доля затрат на исследования и разработки сопровождаются низкой долей инновационных товаров. Вместе с тем значительное число используемых передовых технологий и значимость патентов позволяют предположить наличие у этих регионов абсорбционной способности и их зависимость от внешнего притока технологий. В 2022 г. в составе кластера осталась только Костромская область, сохранившая лидерство по числу выданных патентов на одного из исследователя⁵.

Следует отметить, что в 2022 г. по сравнению с 2016 г. различия между регионами внутри кластеров выросли, наиболее близкими остаются ресурсные регионы. Основной вклад во внутрикластерные различия вносят показатели доли затрат на НИОКР и доли персонала, занятого исследованиями и разработками, а сильнее всего выросли

⁵ Общее число выданных патентов невелико, но исследователей тоже мало, так что полученный результат с учетом данных обстоятельств следует интерпретировать с осторожностью.

различия по патентной активности и затратам на инновационную деятельность.

Анализ динамики состава полученных кластеров показывает, что основные изменения сосредоточены в срединной группе регионов с преимущественным развитием абсорбционной способности. Они входят в первый и второй кластеры с опережающим технологическим развитием кластера 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим некоторые *общие для всех кластеров тенденции*, характеризующие динамику исследуемых индикаторов:

- общий рост ВРП на душу населения. При этом темпы роста различаются, в богатых регионах они в целом выше, что приводит к усилению дифференциации;
- снижение затрат на исследования и разработки по отношению к ВРП во всех кластерах (за исключением кластера 3, где такие затраты чуть увеличились). Мы предполагаем, что данное снижение связано с коронакризисом и изменениями геополитической обстановки, однако, безусловно, это противоречит национальной цели по увеличению затрат на исследования и разработки до 2% по отношению к ВВП (в 2022 г. по РФ в целом они составили 0,94%, постепенно снижаясь с 2020 г., в 2023 г. – 0,96%⁶);
- превышение затрат на информационно-коммуникационные технологии над величиной затрат на исследования и разработки в большинстве кластеров. При этом рост затрат на ИКТ в Москве более чем в 2 раза превышает рост вложений в ИКТ других регионов, а доля затрат на ИКТ по отношению к ВРП в Москве почти в 4 раза больше, чем в других регионах;
- неоднородность группы лидеров, в которой особое положение занимает Москва, ее позиции оказались вне конкуренции. Дру-

⁶ См.: *Россия 2024: Стат. справочник* / Росстат. – М., 2024. – 66 с.

гие регионы группы обладают высокими стартовыми возможностями для технологического развития. Одним из сдерживающих факторов для них является ограниченность финансовых ресурсов, в этих регионах ВРП на душу населения в среднем более чем в 2 раза ниже по сравнению с Москвой;

- территориальное рассредоточение лидирующих регионов. Несмотря на наличие определенной пространственной концентрированности регионов близкого типа, схожесть проблем соседних территорий, географическое размещение дают основание для позитивных прогнозов. В наиболее продвинутой группе присутствуют субъекты РФ из нескольких федеральных округов, что позволяет надеяться на уменьшение дифференциации в долгосрочном периоде;
- совершенствование инновационной политики. Во всех кластерах качество политики улучшилось, хотя и не сопровождалось ростом измеримых индикаторов (инновационная продукция, затраты на НИР и др.). Инновационная политика направлена в будущее, ее меры и инструменты имеют долгосрочные последствия, которые могут проявляться в течение длительного периода, и, возможно, пока рано судить о ее влиянии на научно-технологическое развитие регионов.

Обобщая полученные распределения, можно выделить ряд характеристик, которые влияют на уровни инновационной и абсорбционной способностей на региональном уровне, содействуют их сбалансированному сочетанию, обеспечивающему социально-экономический рост и технологическую независимость. К ним относятся значительные затраты на исследования и разработки, высокий уровень развития цифровых технологий, продвинутая инновационная политика. Структура экономики должна быть относительно сбалансированной, обеспечивать внешнюю среду, благоприятную для освоения новых технологий и выпуска инновационных товаров.

Перспективы дальнейшего научно-технологического развития на региональном уровне во многом зависят как от накопленных инновационных и абсорбционных способностей, так и от активности госу-

дарственной политики. Преимущества в создании и освоении сквозных и критических технологий сосредоточены в ограниченном круге регионов-лидеров, однако опора только на способности и возможности лидеров представляет собой тупиковый путь развития не только с позиции обретения технологической независимости и формирования целостных цепочек создания высокотехнологических товаров, но и с точки зрения сокращения межрегионального неравенства. Научно-технологическая политика должна включать в себя пространственные аспекты, иметь селективный характер, учитывающий региональные особенности развития. Снижение численности исследователей и затрат на исследования и разработки служит существенным ограничением инновационного развития, которое трудно преодолеть регионам-последователям.

Одним из важнейших направлений государственной поддержки сбалансированности развития должно быть налаживание межрегиональных взаимодействий, которое позволит объединить инновационные способности и усилить абсорбционные способности регионов. Центрами сетей таких взаимодействий могут быть регионы-лидеры, в число которых могут войти близкие по уровню научно-технологического развития и сбалансированности регионы, такие как Республика Татарстан, Свердловская область, Красноярский край и некоторые другие регионы.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН,
проект «Теория и методология исследования устойчивого развития
компаний высокотехнологического и наукоемкого сектора экономики
в контексте глобальных вызовов внешней среды, технологических,
организационных и институциональных сдвигов»,
№ 121040100260-3*

Список источников

1. Земцов С.П. Потенциал создания и внедрения технологий искусственного интеллекта в регионах России // Региональные исследования. – 2024. – № 1. – С. 34–47.

2. Кравченко Н.А., Маркова В.Д., Юсупова А.Т. Сотрудничество науки и бизнеса: региональный опыт и перспективы развития // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.
3. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России. 2020» / Под ред. С.П. Земцова. – М.: РАНХиГС; АИРР, 2020. – 100 с.
4. Полтерович В.М. Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. – 2009. – № 2. – С. 3–18.
5. Халимова С.Р., Юсупова А.Т. Влияние региональных условий на развитие высокотехнологичных компаний в России // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 3 (103). – С. 116–142. DOI: 10.15372/REG20190305.
6. Abreu M., Grinevich V., Kitson M., Savona M. Absorptive Capacity and Regional Patterns of Innovation / DIUS Research Report 08 11. – 2008. – 58 p.
7. Antonelli C., Crespi F., Quatraro F. Knowledge complexity and the mechanisms of knowledge generation and exploitation: The European evidence // Research Policy. – 2022. – Vol. 51, iss. 8.
8. Balland P.A., Boschma R. Do scientific capabilities in specific domains matter for technological diversification in European regions? // Research Policy. – 2022. – Vol. 51, iss. 10.
9. Balland P.A., Rigby D. The geography of complex knowledge // Economic Geography. – 2017. – Vol. 93, iss. 1. – P. 1–23.
10. Balle A., Oliveira M., Curado C. Knowledge sharing and absorptive capacity: interdependency and complementarity // Journal of Knowledge Management. – 2020. – Vol. 24, iss. 8.
11. Boschma R. Proximity and innovation: a critical assessment // Regional Studies. – 2005. – Vol. 39, iss. 1. – P. 61–74.
12. Capello R., Lenzi C. Knowledge, innovation and productivity gains across European regions // Regional Studies. – 2014. – Vol. 39, iss. 11. – P. 1788–1804.
13. Khalimova S.R. Importance of a region's research environment for the development of high-tech and knowledge-intensive companies // Regional Research of Russia. – 2023. – Vol. 13, suppl. 1. – P. S13–S24.
14. Lau A.K.W., Lo W. Regional innovation system, absorptive capacity and innovation performance: An empirical study // Technological Forecasting and Social Change. – 2015. – Vol. 92. – P. 99–114.
15. Mewes L., Broekel T. Technological complexity and economic growth of regions // Research Policy. – 2022. – Vol. 51, iss. 8.
16. Miguélez E., Moreno R. Knowledge flows and the absorptive capacity of regions // Research Policy. – 2015. – Vol. 44, iss. 4. – P. 833–848.
17. Pinheiro F.L., Balland P.-A., Boschma R., Hartmann D. The dark side of the geography of innovation: relatedness, complexity and regional inequality in Europe // Regional Studies. – 2025. – Vol. 59, iss. 1.

18. *Pintar N., Scherngell T.* The complex nature of regional knowledge production: Evidence on European regions // *Research Policy*. – 2022. – Vol. 51, iss. 8.
19. *Polterovich V., Tonis A.* Innovation and Imitation at Various Stages of Development: A Model with Capital / Working paper No. 2005/048. – Moscow: New Economic School, 2005.
20. *Runiewicz-Wardyn M.* The role of proximity in technology dynamics of high-tech industries: the case of biotechnology and aviation industries // *Triple Helix*. – 2022. – Vol. 9, iss. 2. – P. 138–173.
21. *Zemtsov S.* Geography of artificial intelligence technologies in Russia // *Regional Research of Russia*. – 2024. – Vol. 14, No. 4. – P. 525–536.
22. *Zemtsov S.P., Baburin V.L.* Does economic-geographical position affect innovation processes in Russian regions? // *Geography, Environment, Sustainability*. – 2016. – Vol. 9, iss. 4. – P. 14–32.

Информация об авторах

Кравченко Наталия Александровна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: natakravchenko20@mail.ru.

Юсупова Альмира Талгатовна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: yusupova_a@mail.ru.

Халимова София Раисовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); доцент

Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: sophiakh@academ.org.

DOI: 10.15372/REG20250305

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 106–131

N.A. Kravchenko, A.T. Yusupova, S.R. Khalimova

**POSITIONING OF RUSSIAN REGIONS
IN THE CONTEXT OF BALANCED SCIENTIFIC
AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT**

The prospects for scientific, technological and innovative development at the level of individual territories depend on many regional characteristics, including the size and balance of accumulated scientific and technological capabilities. The proposed approach to assessing such balance is based on the ideas of innovation and absorption capacities accumulated in a certain territory. The study proposes a typology and positioning of the RF subjects based on the comparison of the highlighted characteristics. The share of people employed in research and development in the total labor force in the region is used as an indicator of innovation capacity. Absorption capacity reflects the localization coefficient of high-tech business. Leading and follower regions are identified for 2016 and 2022. Data from Rosstat and SPARK-Interfax database were used as an empirical basis.

The authors performed factor and cluster analyses on indicators describing the state of the region's economy, its research and technological potential, human resources and digital technologies, as well as the quality of institutions in the field of innovation policy, and identified groups of similar territories. The study identified characteristics that affect the level of innovation and absorptive capacities at the regional level, contribute to their balanced combination, ensuring socio-economic growth and technological independence. These include significant expenditures on research and development, high level of digital technology development, advanced innovation policy. The structure of the economy should be relatively balanced, provide an external envi-

ronment favorable for the development of new technologies and the production of innovative goods.

Keywords: technological independence; innovation capacity; absorption capacity; regional differentiation; balance; high-tech business; cluster analysis

For citation: *Kravchenko, N.A., A.T. Yusupova & S.R. Khalimova.* (2025). Pozitsionirovanie rossiyskikh regionov v kontekste sbalansirovannosti nauchnogo i tekhnologicheskogo razvitiya [Positioning of Russian regions in the context of balanced scientific and technological development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 106–131. DOI: 10.15372/REG20250305.

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Theory and methodology of research on sustainable development of companies representing high-tech and knowledge-intensive sector of the economy in the context of global challenges arising from external environment, technological, organizational and institutional shifts”, No. 121040100260-3

References

1. *Zemtsov, S.P.* (2024). Potentsial sozdaniya i vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v regionakh Rossii [Potential of creation and implementation of artificial intelligence technologies in the Russian regions]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 1, 34–47.
2. *Kravchenko, N.A., V.D. Markova & A.T. Yusupova.* (2024). Sotrudnichestvo nauki i biznesa: regionalnyy opyt i perspektivy razvitiya [Cooperation between science and business: regional experience and development prospects]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.
3. *Zemtsov, S.P.* (Ed.) (2020). *Natsionalnyy doklad “Vysokotekhnologichnyy biznes v regionakh Rossii. 2020”* [National report “High-tech business in the regions of Russia. 2020”]. Moscow, RANEPa Publ., AIRR Publ., 100.
4. *Polterovich, V.M.* (2009). Problema formirovaniya natsionalnoy innovatsionnoy sistemy [The problem of creating a national innovation system]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2, 3–18.

5. *Khalimova, S.R. & A.T. Yusupova.* (2019). Vliyanie regionalnykh usloviy na razvitiye vysokotekhnologichnykh kompaniy v Rossii [The effect of regional conditions on the development of high-tech companies in Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (103), 116–142. DOI: 10.15372/REG20190305.
6. *Abreu, M., V. Grinevich., M. Kitson & M. Savona.* (2008). Absorptive Capacity and Regional Patterns of Innovation. DIUS Research Report. 08 11, 58.
7. *Antonelli, C., F. Crespi & F. Quatraro.* (2022). Knowledge complexity and the mechanisms of knowledge generation and exploitation: The European evidence. *Research Policy*, Vol. 51, Iss. 8.
8. *Balland, P.A. & R. Boschma.* (2022). Do scientific capabilities in specific domains matter for technological diversification in European regions? *Research Policy*, Vol. 51, Iss. 10.
9. *Balland, P.A. & D. Rigby.* (2017). The geography of complex knowledge. *Economic Geography*, Vol. 93, Iss. 1, 1–23.
10. *Balle, A., M. Oliveira & C. Curado.* (2020). Knowledge sharing and absorptive capacity: interdependency and complementarity. *Journal of Knowledge Management*, Vol. 24, Iss. 8.
11. *Boschma, R.* (2005). Proximity and innovation: a critical assessment. *Regional Studies*, Vol. 39, Iss. 1, 61–74.
12. *Capello, R. & C. Lenzi.* (2014). Knowledge, innovation and productivity gains across European regions. *Regional Studies*, Vol. 39, Iss. 11, 1788–1804.
13. *Khalimova, S.R.* (2023). Importance of a region's research environment for the development of high-tech and knowledge-intensive companies. *Regional Research of Russia*, Vol. 13, Suppl. 1, 13–24.
14. *Lau, A.K.W. & W. Lo.* (2015). Regional innovation system, absorptive capacity and innovation performance: An empirical study. *Technological Forecasting and Social Change*, 2, 99–114.
15. *Mewes, L. & T. Broekel.* (2022). Technological complexity and economic growth of regions. *Research Policy*, Vol. 51, Iss. 8.
16. *Miguélez, E. & R. Moreno.* (2015). Knowledge flows and the absorptive capacity of regions. *Research Policy*, Vol. 44, Iss. 4, 833–848.
17. *Pinheiro, F.L., P.-A. Balland, R. Boschma & D. Hartmann.* (2025). The dark side of the geography of innovation: relatedness, complexity and regional inequality in Europe. *Regional Studies*, Vol. 59, Iss. 1.
18. *Pintar, N. & T. Scherngell.* (2022). The complex nature of regional knowledge production: Evidence on European regions. *Research Policy*, Vol. 51, Iss. 8.
19. *Polterovich, V. & A. Tonis.* (2005). Innovation and Imitation at Various Stages of Development: A Model with Capital. Working paper No. 048. Moscow, New Economic School Publ.
20. *Runiewicz-Wardyn, M.* (2022). The role of proximity in technology dynamics of high-tech industries: the case of biotechnology and aviation industries. *Triple Helix*, Vol. 9, Iss. 2, 138–173.

21. *Zemtsov, S.* (2024). Geography of artificial intelligence technologies in Russia. *Regional Research of Russia*, Vol. 14, No. 4, 525–536.

22. *Zemtsov, S.P. & V.L. Baburin.* (2016). Does economic-geographical position affect innovation processes in Russian regions? *Geography, Environment, Sustainability*, Vol. 9, Iss 4, 14–32.

About Authors

Kravchenko, Natalia Alexandrovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: natakravchenko20@mail.ru.

Yusupova, Almira Talgatovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: yusupova_a@mail.ru.

Khalimova, Sophia Raisovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Associate Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: sophiakh@academ.org.

Поступила в редколлегию 12.05.2025.

После доработки 30.05.2025.

Принята к публикации 03.06.2025.

УДК 314.1+314.3+314.8+314.15+314.04+314.335.044

Регион: экономика и социология, 2025, № 3 (127), с. 132–162

О.В. Чудаева, Н.Е. Смирнова

ПРОБЛЕМА АБОРТОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье на длинных временных интервалах представлен переход, который произошел в России еще в советский период, от расширенного режима воспроизводства населения к суженному, с неизбежностью приводящий к депопуляции сначала в латентной, а потом и в открытой форме. Показано, что широко распространенная практика аборт, длительное время весьма существенно уменьшавшая количество новорожденных, стала важнейшим фактором, обуславливающим общую тенденцию падения суммарного коэффициента рождаемости ниже порогового уровня простого воспроизводства. В начале 1960-х годов наблюдался стремительный рост числа искусственных прерываний беременности, сопровождавшийся снижением рождаемости. Рекордное количество аборт, зафиксированное в 1965 г., по времени в точности совпало с началом латентной фазы депопуляции в России. В постсоветский период, несмотря на сокращение числа аборт в разы как в абсолютных, так и в относительных показателях, их количество все еще остается большим. Это существенно влияет на снижение рождаемости, хотя в последние годы официальная статистика утверждает, что на каждые два рождения приходится теперь менее одного аборт.

В статье кратко описана более чем столетняя история легализации аборт в России. Раскрывается их чрезвычайно важная роль в сокращении рождаемости и депопуляции в нашей стране. Длительное и широкое распространение абортивных практик, отражающее нежелание деторождения, систематически подрывало демографический потенциал России и наносило огромный ущерб демографической безопасности сразу по нескольким важнейшим направлениям на протяжении многих десятилетий.

В работе представлена динамика количества аборт на 100 родов по федеральным округам в постсоветский период, показана дифференциация по этому показателю на уровне субъектов Федерации. Наихудшие результаты стабильно демонстрируют восточные территории: Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. В последние годы именно Сибирский федеральный округ находился на первом месте в стране по числу аборт на 100 родов. Среди сибирских регионов особо выделяется Новосибирская область, которая в течение многих лет первенствовала в округе по этому показателю.

Сделан вывод, что профилактика и минимизация числа аборт при проведении продуманной и взвешенной демографической и социально-экономической политики, ориентированной на укрепление семьи как опоры общества и улучшение ее материального положения, могли бы стать резервом для повышения рождаемости, особенно значимым в условиях длительного сокращения численности репродуктивных контингентов женщин.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы органами федеральной и региональной власти для принятия управленческих решений, направленных на профилактику и уменьшение числа аборт, а также при разработке новых мер демографической политики и совершенствовании стратегий социально-экономического развития с целью создания в обществе моральных и материальных условий, благоприятных для рождения и воспитания детей.

Ключевые слова: воспроизводство населения; депопуляция; суммарный коэффициент рождаемости; низкая рождаемость; аборт; демографический ущерб; демографическая безопасность; демографическая политика

Для цитирования: Чудаева О.В., Смирнова Н.Е. Проблема аборт в контексте демографической безопасности России // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 132–162. DOI: 10.15372/REG20250306.

Демографическая безопасность определяется как состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды [10]. Демографическая безо-

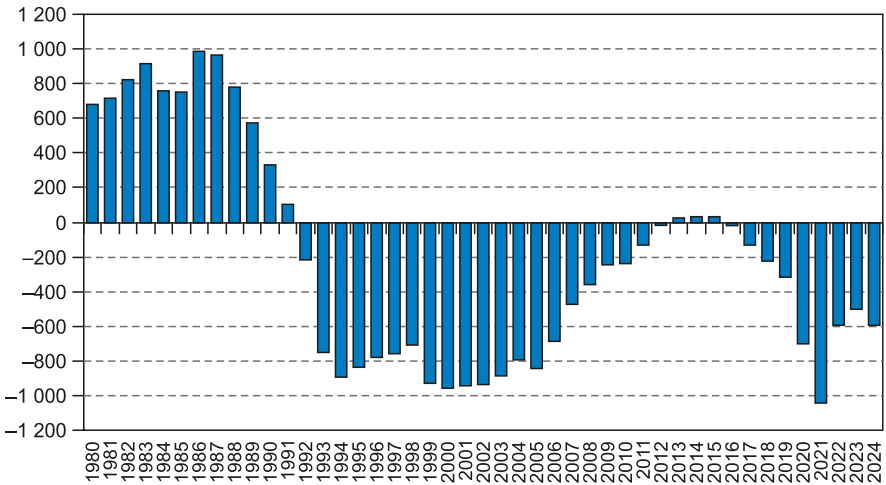

Рис. 1. Динамика естественного прироста населения России в 1980–2024 гг., тыс. чел.

Источник: построено авторами по данным Росстата

пасность является фундаментальной составляющей национальной безопасности, поскольку экономическая, политическая и военная мощь государства опирается на его демографический потенциал, а демографическое состояние страны определяет ее жизнеспособность и перспективы развития.

В 2021 г. по поручению президента В.В. Путина Совет безопасности РФ подготовил новую редакцию базового документа стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В обновленной Стратегии впервые высшим приоритетом государства было объявлено сбережение народа России¹.

Как известно, остройшей проблемой нашей страны, определяющей ее будущее, стала длительная депопуляция. Российская Феде-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> .

рация, оставаясь самой большой по территории страной в мире, с самого своего образования почти все время находится в состоянии депопуляции, т.е. вымирания (рис. 1), поэтому обеспечение демографической безопасности имеет первостепенную важность для нашего государства. С 1992 г. только в течение 2013–2015 гг. регистрировался естественный прирост населения. В остальное время существования РФ отмечалась, причем часто весьма существенная, естественная убыль населения. В некоторые годы она достигала почти 1 млн чел., а в недавнем прошлом, на пике распространения COVID-19 в 2021 г., даже превосходила эту величину. С 2020 г. страна ежегодно теряет за счет естественной убыли от 0,5 до более 1 млн чел.

ДЕПОПУЛЯЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТОЧНОЙ РОЖДАЕМОСТИ

Многочисленные публикации в СМИ, а также и некоторые научные статьи на тему демографии зачастую создают у людей, в том числе представляющих властные структуры и полномочных принимать управленческие решения, совершенно ложное впечатление, что проблема вымирания в России – временная. Стоит только пережить демографический провал, связанный с последствиями кризиса 1990-х годов, и ситуация наладится сама собой. Однако это совсем не так. Демографические проблемы России носят гораздо более долгосрочный и системный характер.

Несмотря на то что в открытой форме депопуляция в РФ впервые проявила себя с 1992 г., основа будущего вымирания была заложена в далеком советском прошлом. В 1965 г. Россия, находясь еще в составе СССР, перешла из расширенного в суженный режим воспроизводства населения. Именно тогда суммарный коэффициент рождаемости впервые в условиях мирного времени опустился ниже порогового уровня простого воспроизводства в 2,15 рождения на одну женщину за репродуктивный период, при котором на смену двум родителям приходят двое детей, с поправкой на смертность (рис. 2). То есть именно с того времени Россия перестала демографически

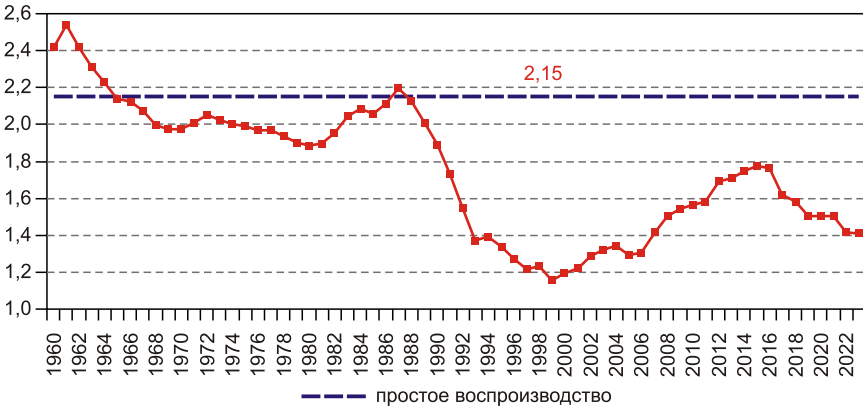

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России в 1960–2023 гг.

Источник: построено авторами по данным Росстата

воспроизводиться. В результате уже тогда, несмотря на многие последующие годы положительных естественных приростов за счет накопленного потенциала молодой возрастной структуры населения, Россия вступила в фазу латентной депопуляции, с неизбежностью приводящей к вымиранию в будущем. А резко ухудшившиеся демографическую ситуацию в России распад Советского Союза и негативные последствия шоковых политических и социально-экономических реформ ускорили переход к открытой депопуляции и значительно усилили ее проявления. В результате обвального падения чисел родившихся и стремительного взлета чисел умерших в конце 1980-х и начале 1990-х годов сформировался так называемый «русский крест», и смертность надолго стала доминировать над рождаемостью.

Таким образом, демографический кризис в России начался вовсе не с 1992 г., когда впервые в мирное время смертность превысила рождаемость. Он зародился гораздо раньше, еще в середине 1960-х годов, так как суммарный коэффициент рождаемости, характеризующий интенсивность рождений на одну женщину в течение репродуктивного периода независимо от возрастной структуры населения,

уже на протяжении почти 60 лет не обеспечивает в полном объеме замещение родительских поколений детьми.

С того времени только на короткий период 1987–1988 гг. удалось достигнуть уровня простого воспроизводства населения. Это произошло в позднем СССР 1980-х годов на пике демографического подъема, когда численность населения России увеличивалась за счет естественных приростов, которые приближались к 1 млн чел. (см. рис. 1). Такие демографические успехи стали результатом проводимой в Советском Союзе с 1981 г. пронаталистской политики², а также антиалкогольной кампании, запущенной в 1985 г.³, которые сопровождались ростом интенсивности рождаемости (см. рис. 2) и достижением в 1987 г. наивысшей за всю предыдущую историю ожидаемой продолжительности жизни – 70 лет.

Однако в последующие годы было зафиксировано чрезвычайно сильное падение суммарного коэффициента рождаемости до исторического минимума в постдефолтном 1999 г., составившего всего 1,16, что было почти вдвое меньше, чем уровень, необходимый для простого воспроизводства населения.

Сочетание рекордно низко упавшей рождаемости с резко выросшей смертностью привело к ежегодной естественной убыли, которая в течение нескольких лет на рубеже тысячелетий была близка к отметкам в 1 млн чел. Причем наибольшая величина этой убыли на первом этапе депопуляции в России была зарегистрирована в точности в 2000 г. (см. рис. 1).

На протяжении 1990-х годов в стране складывалась совершенно катастрофическая демографическая ситуация. Однако власти фактически полностью игнорировали тяжелейшие демографические проблемы. Государство не обеспечивало защиту материнства и детства. В качестве хорошей иллюстрации этого тезиса может служить под-

² См.: *Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»*. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-tsk-kpss-sovmina-sssr-ot-22011981/> .

³ См.: *Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. № 2458-XI «Об усилении борьбы с пьянством»*. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9007335> .

писанное премьер-министром В.С. Черномырдиным Постановление Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 567 «Об утверждении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности». Данный перечень расширял возможности для прерывания беременности на более поздних сроках, чем 12 недель. Так как аборт после этого срока допускались только по социальным и медицинским показаниям, во всех остальных случаях они считались криминальными. Перечисленные в постановлении показания затрагивали весьма значительную часть населения, поскольку в этот обширный список из 13 пунктов входили, помимо многодетности, доходы на члена семьи ниже прожиточного минимума, отсутствие жилья, проживание на съемной квартире или в общежитии, незамужний статус женщины, признание женщины или ее супруга официально безработными и т.д.⁴

После падения до минимума в 1999 г. суммарный коэффициент рождаемости в последующие годы продемонстрировал некоторый компенсаторный рост, поддержанный в дальнейшем новой демографической политикой, объявленной Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию в 2006 г.⁵ Взятый курс, направленный на преодоление самой острой проблемы страны – демографической, привел к быстрым позитивным изменениям как по рождаемости, так и по смертности. В результате впервые в истории РФ, более чем через 20 лет с момента ее образования, наблюдался кратковременный положительный естественный прирост населения в период 2013–2015 гг., что можно расценивать как несомненный демографический успех (см. рис. 1).

Растущая ожидаемая продолжительность жизни уже с 2012 г. превзошла исторический рекорд советского периода, зафиксированный в 1987 г. Однако успехи в рождаемости были существенно

⁴ См.: *Постановление* Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 567 «Об утверждении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности». – URL: https://base.garant.ru/106542/#block_1000 .

⁵ См.: *Послание* Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819> .

скромнее. Наибольшее за весь постсоветский период значение суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г. сравнялось с соответствующим значением 1991 г. – последнего года существования СССР накануне его распада. Так и не достигнув уровня простого воспроизводства населения, максимум этого показателя в РФ обеспечивал замещение родительских поколений детьми лишь на 85% и составил 1,78 рождения на одну женщину. В дальнейшем, даже несмотря на все новые меры по поддержке рождаемости, ее интенсивность продолжала снижаться (см. рис. 2), и с 2016 г. Россия вступила во второй этап усиливающейся депопуляции (см. рис. 1).

Таким образом, недостаточная для замещения родительских поколений детьми рождаемость, приводящая к вымиранию, является очень давней системной проблемой для России. Более того, в связи с продолжительным периодом низкой рождаемости накоплен огромный негативный потенциал, связанный с многолетним старением населения, в том числе старением женщин репродуктивного возраста, а также сокращением их численности [9], что будет сильно ухудшать возможности для обеспечения демографического роста в будущем, причем на длительное время.

ДИНАМИКА АБОРТОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СНИЖЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ

Широкое распространение абортов, отражающее массовое нежелание деторождения, в течение многих лет сильнее всего уменьшало количество новорожденных и стало важнейшей непосредственной причиной падения рождаемости ниже уровня замещения.

Именно в советский период, в 1965 г., было зарегистрировано исторически рекордное количество осуществленных в России операций по искусственному прерыванию беременности, которое составило 5,5 млн, а на каждые 100 родов было сделано 275 абортов (рис. 3). Эти показатели значительно превышали аналогичные, зафиксированные в период наибольшей естественной убыли населения в 2000 г., – соответственно 2,1 млн и 169. Рост числа абортов в расчете на 100 ро-

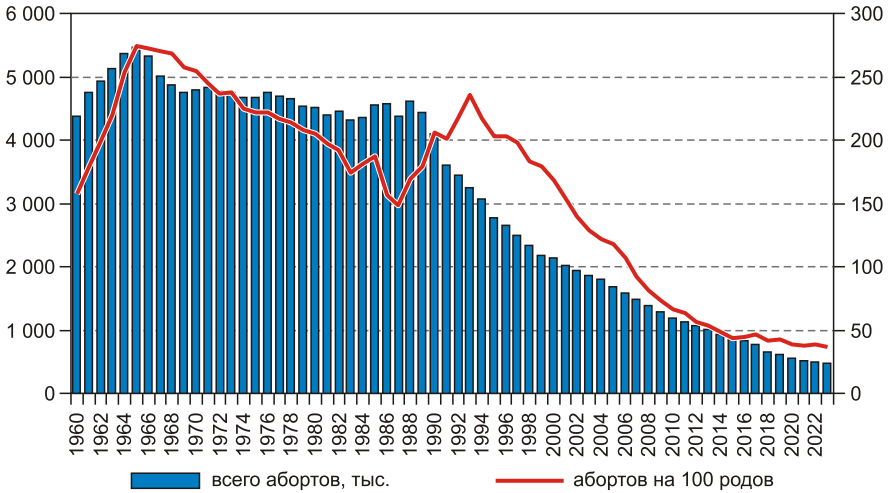

Рис. 3. Динамика числа аборт в России: абсолютного (левая шкала) и в расчете на 100 родов (правая шкала) в 1960–2023 гг.

Источник: построено авторами по данным Росстата

дов, продолжавшийся в первой половине 1960-х годов, оказался также более сильным, чем в период с конца 1980-х и в начале 1990-х годов, когда в стране наблюдался резкий демографический спад.

Очень важно отметить, что чрезвычайно быстрое нарастание количества прерванных беременностей в первой половине 1960-х годов сопровождалось снижением интенсивности рождаемости. При этом установленный в 1965 г. рекорд по произведенным аборт по времени в точности совпал с переходом в латентную фазу депопуляции (см. рис. 2).

Ежегодное число аборт в период с 1960 по 1990 г. не опускалось ниже отметки в 4 млн случаев. Более того, в интервале с 1963 по 1967 г. этот показатель превышал 5 млн. Только начиная с 2007 г. число аборт стало меньше числа родов, а до этого в течение многих десятилетий большинство беременностей завершалось прерыванием. В результате годами изо дня в день погибали многие тысячи наших потенциальных сограждан. Например, за длительный период 1960–1990 гг.

каждый день в среднем регистрировалось не менее 11 тыс. абортов, а в 1965 г. их ежедневное число приближалось к 15 тыс.

В постсоветской России официальное число абортов, как абсолютное, так и относительное, уменьшилось весьма значительно. За период 1992–2023 гг. их количество сократилось в 7,3 раза, а в расчете на 100 родов – в 5,9 раза. В настоящее время Россия имеет далеко не самый высокий уровень абортов в мире и даже среди европейских стран не является бесспорным лидером. Вместе с тем следует принять во внимание, что статистические данные о количестве абортов, предоставляемые Росстатом, могут не полностью соответствовать действительности, реальный показатель может быть занижен. Это связано с тем, что в официальной статистике не учитываются все случаи прерывания беременности, осуществленные в негосударственных медицинских учреждениях, а также безоперационные медикаментозные аборты, произведенные на ранних сроках беременности.

Количество абортов на 100 родов по федеральным округам после снижения в настоящее время стабилизируется на уровне примерно 50 случаев и ниже. Наименьшие значения этого показателя постоянно регистрируются в Северо-Кавказском федеральном округе с высокой долей в населении народов, традиционно исповедующих ислам, который запрещает проводить аборты на любых сроках беременности, кроме случаев угрозы жизни матери⁶. А наибольшие значения показателя, причем превышение над данными по Северо-Кавказскому округу было трехкратным, отмечались в восточных регионах страны: на территориях Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (рис. 4).

Среди субъектов Федерации наблюдались еще более существенные различия (см. таблицу). Так, в 2023 г. разница между наименьшим значением в Республике Ингушетии и наибольшим в Магаданской, Псковской и Сахалинской областях превысила 6 раз. Такая

⁶ См.: *Спицына А.* Муфтий Аляутдинов: ислам запрещает проводить аборты на любой стадии беременности // Российская газета. – 23.04.2024. – URL: <https://rg.ru/2024/04/23/muftij-aliautdinov-islam-zapreshchaet-provodit-aborty-na-liub-oj-stadii-beremennosti.html> .

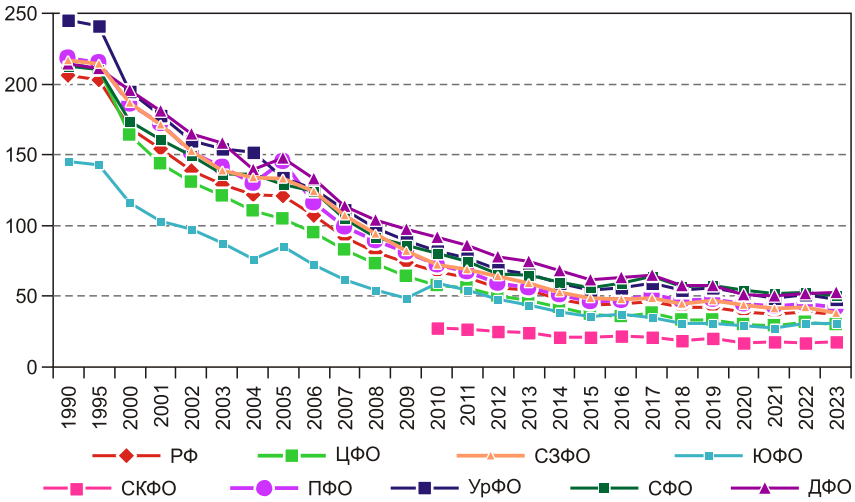

Рис. 4. Динамика числа абортсв на 100 родов по федеральным округам РФ в 1990–2023 гг.

Источник: построено авторами по данным Росстата

большая территориальная дифференциация указывает на значительные резервы сокращения количества абортсв и возможности позитивных изменений при проведении продуманных профилактических мероприятий [7; 8].

Отметим, что именно Сибирский федеральный округ с 2020 г. имел наибольшее из всех округов в стране число абортсв на 100 родов. Из трех беременностей в нем сохранялись только две. Однако в 2023 г. Дальневосточный федеральный округ вернул себе первое место по данному показателю, которое он удерживал в течение многих предшествующих лет.

Среди сибирских регионов после снижения по этому показателю степень территориальной неоднородности со временем постепенно уменьшилась (рис. 5). Особенно выделяется Новосибирская область, которая в течение многих лет отличалась самым большим в Сибирском федеральном округе количеством прерываний беременности на 100 родов. В 2002 и 2006 гг. она занимала первые места в стране, имея

Субъекты Российской Федерации с наименьшим и наибольшим числом абортов на 100 родов в 2023 г.

Наименьшие показатели		Наибольшие показатели	
Субъекты РФ	Значение показателя	Субъекты РФ	Значение показателя
Республика Ингушетия	11	Магаданская обл., Псковская обл., Сахалинская обл.	67
Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика	13	Республика Саха (Якутия)	64
Чеченская Республика	14	Республика Марий Эл	62
Республика Калмыкия	19	Курганская обл.	61
Карачаево-Черкесская Республика	24	Кемеровская обл., Свердловская обл.	60
Республика Адыгея, Республика Северная Осетия – Алания, Московская обл.	25	Еврейская авт. обл.	59
Белгородская обл., Краснодарский край	28	Томская обл.	58
Воронежская обл.	29	Хабаровский край	57

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

соответственно 201 и 172 аборт на 100 родов. В последнее время на уровне округа первенство удерживает Кемеровская область. А самые низкие показатели за период 1990–2023 гг. были зарегистрированы сначала в Республике Тыва, а затем в Омской области. Стоит также отметить рост в последние годы этого показателя, в отличие от других регионов Сибирского федерального округа, в Республике Тыва – после 2020 г. и Республике Алтай – с 2023 г. Обе республики характеризуются самой высокой рождаемостью в округе, и такие тенденции роста предпочтений отказа от рождений в ситуации репродуктивного

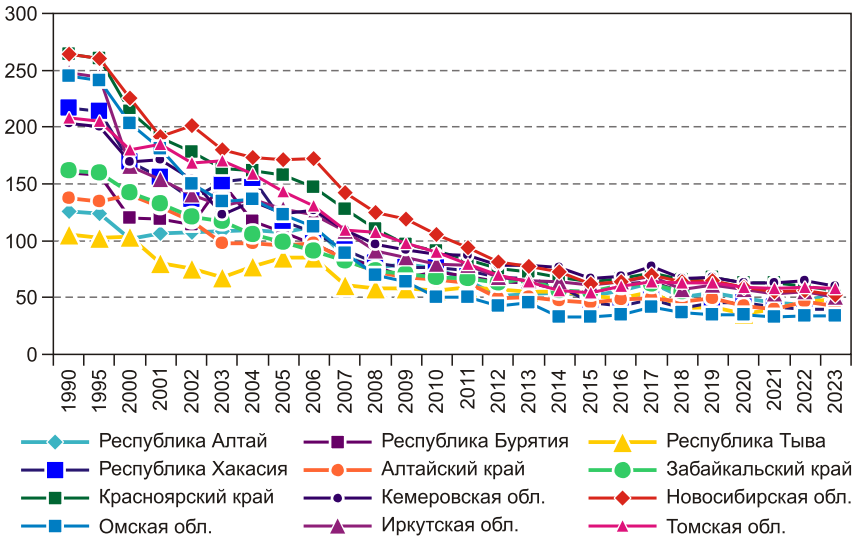

Рис. 5. Динамика числа абортсв на 100 родов по субъектам Сибирского федерального округа в 1990–2023 гг.

Источник: построено авторами по данным Росстата

выбора после наступления беременности могут свидетельствовать о нарастании неблагополучия в этих регионах.

Снижение числа абортсв связано с уменьшением общего числа беременностей, в том числе вследствие большей доступности для населения все новых разнообразных способов современной контрацепции, а также оно происходит по причине продолжающегося после 2003 г. устойчивого и существенного сокращения численности (рис. 6) и старения женщин репродуктивного возраста. На уменьшение количества беременностей оказывает влияние и общее снижение фертильности как женщин, так и мужчин. Например, в ходе исследования потерь потенциальных рождений за счет женского и мужского бесплодия, проведенного сотрудниками отдела демографии ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», выяснилось, что в России за период 2011–2021 гг. распро-

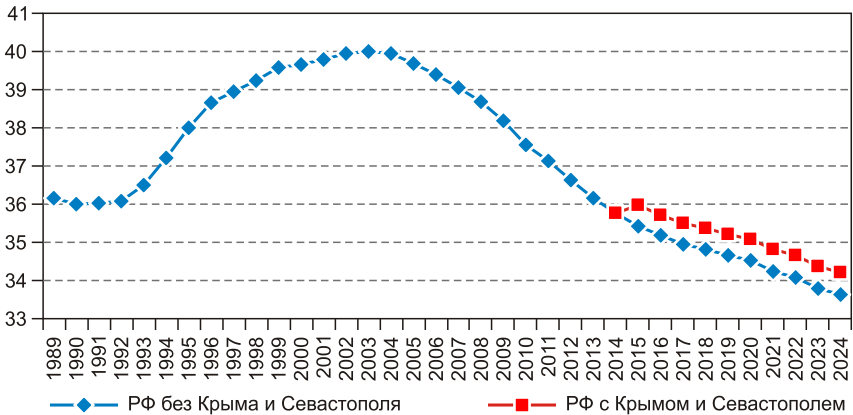

Рис. 6. Динамика численности женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в России в 1989–2024 гг., млн чел.

Источник: построено авторами по данным Росстата

страненность женского бесплодия увеличилась на треть, а мужского – почти удвоилась⁷. В ряде публикаций отмечалось, что частота бесплодия в семейных парах находится в пределах от 17 до 24% в различных регионах РФ [12].

В разные годы в рамках международной программы Всемирной организации здравоохранения «Репродукция человека» проводились эпидемиологические исследования, направленные на определение реальной распространенности и структуры причин бесплодия. В регионах Сибирского федерального округа, как было установлено по результатам этих исследований, показатели бесплодного брака составили: в Алтайском крае – 16,2%, в Томской области – 16,7%, в Иркутской области – 19,6%, в Кемеровской области – 20,3%, в Забайкальском крае – 24,9% [14].

Исследование, проведенное в Забайкальском крае, выявило весьма тревожную тенденцию ухудшения и неудовлетворительного состоя-

⁷ См.: Бескаравайная Т. Суммарные потери в рождаемости из-за бесплодия в России оценили в 17–21%. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summaryepoteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html> .

ния репродуктивного здоровья молодых россиян. Было показано, что частота женского бесплодия у молодежи в возрасте 18–25 лет составила 19,7%. Особо отмечалось, что во всех случаях вторичного бесплодия в анамнезе были хирургические медицинские аборт. Также подавляющее большинство бесплодных женщин представленной возрастной группы (85%) не проходили медицинское обследование, не получали лечение и не планировали беременность. Такое положение дел в крае, по мнению авторов исследования, говорит о низком качестве регионального демографического потенциала и в будущем может привести к негативным последствиям для формирования демографической ситуации. Тем более что снижение уровня репродуктивного здоровья населения в сочетании с устойчивой тенденцией сокращения численности женщин репродуктивного возраста и миграционными потерями региона еще больше обостряют проблему воспроизводственных ресурсов [14].

По заключению экспертов Всемирной организации здравоохранения, инфертильность представляет собой большую государственную проблему. Уровень бесплодия в 15% и более для всей популяции женщин репродуктивного возраста оказывает значительное влияние на демографическую ситуацию как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, особенно в развитых странах с низкой рождаемостью.

В связи с этим очень важно отметить, что аборт, помимо значительного снижения текущей рождаемости, еще и плохо влияют на рождаемость будущую. Широкое распространение искусственных прерываний беременности в качестве метода планирования семьи приводит к увеличению числа заболеваний репродуктивной системы у женщин, что, в свою очередь, может вызывать бесплодие и осложнения при беременности и родах. Это негативно сказывается на здоровье как будущих матерей, так и их детей [4]. В результате происходит не только количественное, но и качественное снижение репродуктивного потенциала населения.

По данным Росстата за 2023 г., общее число абортов в РФ составило 468 тыс., а в расчете на 100 родов – 37. Количество абортов и в современных условиях остается значительным и оказывает су-

щественное влияние на снижение рождаемости, даже несмотря на многократное уменьшение как абсолютных, так и относительных показателей. А всего в России только за постсоветский период 1992–2023 гг. было официально подтверждено свыше 50 млн случаев прерывания беременности. Для сравнения: такое количество потенциальных жизней составляет более трети численности современного населения РФ.

Таким образом, аборт и в настоящее время продолжают оказывать сильное влияние на демографическую ситуацию в стране, способствуя уменьшению рождаемости и усугублению проблемы депопуляции. В течение многих десятилетий они систематически подрывали демографический потенциал страны, причем как количественно, так и качественно за счет ухудшения репродуктивного здоровья населения. На протяжении XX в. потери населения России вследствие абортов в разы превосходили демографические потери, понесенные во всех войнах вместе взятых [1]⁸.

Из всего вышеизложенного следует вывод, что аборт оказывают сильнейшее долговременное негативное воздействие на воспроизводство населения, на демографическое состояние и будущее страны и представляют огромную угрозу ее демографической и национальной безопасности.

К ИСТОРИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ АБОРТОВ

До революции аборт в Российской империи строго запрещались и карались законом, при этом рождаемость была очень высокой.

В 1913 г. на последнем предвоенном XII съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова после активного обсуждения возможности легализации искусственного прерывания нежелательной беременности за отмену запрещения абортов высказались большинство его участников. По итогам съезда была принята резолюция, утверждающая необходимость декриминализации абортов – неприемле-

⁸ См. также: *Белобородов И.И.* Аборты в России: история, последствия, альтернативы. – URL: <https://textarchive.ru/c-2197719.html> .

мость уголовного преследования женщин за искусственное прерывание беременности, а также врачей, производящих такую операцию по их просьбе⁹.

Несколько дней спустя, 16 июня 1913 г., в газете «Правда» вышла статья В.И. Ленина «Рабочий класс и неомальтузианство», в которой автор поддержал требование «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т.п.». В.И. Ленин видел в этом защиту «азбучных демократических прав гражданина и гражданки» [5, с. 257].

Больше 100 лет назад послереволюционная Советская Россия стала самым первым в мире государством, легализовавшим аборт по желанию женщин. В соответствии с Постановлением Народного Комиссариата РСФСР по здравоохранению и Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин»¹⁰ разрешалось бесплатное проведение операции по искусственному прерыванию беременности при условии ее выполнения квалифицированным врачом в государственной больнице.

Сразу после отмены запретов число прерванных беременностей стало очень быстро расти, прежде всего в городах. Например, в Ленинграде уже в 1928 г. количество аборт в 1,4 раза превысило количество родов. Число аборт в нем всего только за короткий период 1926–1928 гг. лавинообразно увеличилось в 2,5 раза при сокращении чисел родившихся. Особенно широко прерывания беременности практиковались в Москве, где в 1934 г. на одно рождение приходилось три аборт [13, с. 27].

С учетом негативного влияния на снижение рождаемости дальнейшего увеличения числа аборт в 1936 г. было принято постановление «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских сад»,

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Постановление* Народного Комиссариата РСФСР по здравоохранению и Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года «Об охране здоровья женщин». – URL: <https://base.garant.ru/70486514/>.

усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹¹. Прерывание беременности допускалось только по медицинским показаниям и только в условиях больниц и родильных домов. Одновременно с запрещением абортв этим постановлением предусматривались меры по улучшению положения семей с детьми, в том числе выплаты государственных пособий многодетным матерям.

Особенно заметную роль в увеличении рождаемости запрет 1936 г. сыграл в городах. Так, например, в Москве число родившихся в 1935 г. составляло около 70 тыс. чел., в 1936 г. – 71 тыс., а в 1937 г. – 136 тыс., т.е. почти в 2 раза больше. В Ленинграде число родившихся увеличилось на 69% по сравнению с 1936 г., в Минске и Баку – на 39% и т.д. Таким образом, произошел кратковременный рост рождаемости в предвоенный период [13, с. 29].

В послевоенное время законодательство Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортв» вновь допустило проведение абортв¹². В документе было заявлено, что «снижение числа абортв может быть впредь обеспечено путем дальнейшего расширения государственных мер поощрения материнства, а также мер воспитательного и разъяснительного характера». Однако в реальности последствиями указа стали стремительный рост количества абортв до рекордного значения 5,5 млн в 1965 г. (см. рис. 3) и дальнейшее снижение рождаемости.

В современной России процедура искусственного прерывания беременности является абсолютно легальной и, более того, входит в систему обязательного медицинского страхования. Женщины могут самостоятельно решать вопрос о материнстве. В соответствии с дей-

¹¹ См.: *Постановление* Центрального Исполнительного Комитета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортв, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456020602>.

¹² См.: *Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортв». – URL: https://base.garant.ru/57499465/#block_3.

ствующим законодательством гражданки РФ имеют право на бесплатный аборт по желанию до 12 недель беременности. Сроки от 12 до 22 недель беременности предусматривают проведение аборта только по социальным показаниям. В настоящее время единственным таким показанием является наступление беременности в результате насильственных действий. Аборт по медицинским показаниям может быть проведен на любом сроке беременности¹³.

Отметим, что большая часть абортов традиционно делается по желанию женщин. Аборты по медицинским показаниям составляют лишь малую долю от их общего числа, по данным за 2022 г. – 2,86%, а по социальным показаниям – еще меньше, только 0,004% [11].

Следует подчеркнуть, что российские законодательные нормы в отношении абортов исторически были одними из самых либеральных в мире. В том числе и поэтому практика искусственного прерывания нежелательной беременности имела весьма широкое распространение, будучи основным или даже единственным способом регулирования деторождения на протяжении длительного периода времени.

В других странах полная легализация абортов по сравнению с Россией начала происходить гораздо позже, уже в послевоенное время. Первыми подобные законодательные акты приняли европейские государства социалистической ориентации: в 1956 г. – Румыния, Венгрия, Болгария и Польша, в 1957 г. – Югославия и Чехословакия. Последующая легализация абортов была проведена в государствах Западной Европы: в 1967 г. – в Великобритании, в 1973 г. – в Дании, в 1975 г. – в Австрии и Франции, в 1976 г. – в ФРГ. В Южной Европе законодательное закрепление права на аборт произошло еще позднее: в 1978 г. – в Италии, в 2007 г. – в Португалии [1].

В США аборты были легализованы по всей стране лишь в 1973 г. Причем в 2022 г. Верховный суд США отменил свое решение 1973 г., гарантирующее право на аборт на федеральном уровне, с тем чтобы каждый штат мог самостоятельно регулировать эту сферу.

¹³ См.: *Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Статья 56. Искусственное прерывание беременности.* – URL: <https://base.garant.ru/12191967/2b6ebde936316453fb0f8db9c6ad7e2c/>.

Многие консервативные штаты незамедлительно воспользовались этой возможностью и ввели запрет на аборт. Решение Верховного суда раскололо страну на республиканские и демократические штаты и привело к еще большему усугублению и без того нараставшего все последние годы противостояния в американском обществе¹⁴.

Вопрос абортов является одним из ключевых, по которым идет противоборство республиканцев и демократов. Позиции двух партий по нему кардинально расходятся: демократы – сторонники свободы репродуктивного выбора, а республиканцы придерживаются мнения, что жизнь зарождается с момента зачатия. Таким образом, между противниками и сторонниками абортов имеются фундаментальные и сильно эмоционально окрашенные моральные разногласия. Одна часть американского общества приравнивает аборт к детоубийствам, другая считает, что аборт – это базовое человеческое право, право женщин распоряжаться своим телом и самим решать, хотят ли они детей.

В самой населенной стране мира – Индии с 1960-х годов проводилась государственная политика усиленного ограничения рождаемости с целью борьбы с крайне быстрыми темпами роста населения. Индийское законодательство в отношении абортов – одно из самых либеральных, включая разрешение прерывать беременность на поздних сроках. В результате широкой доступности различных способов предотвращения рождений, в том числе контрацепции, абортов и массовой стерилизации, суммарный коэффициент рождаемости в Индии опустился ниже уровня простого воспроизводства, что в будущем приведет к депопуляции и старению населения страны.

Китай, вторая по численности населения страна в мире, также до недавнего времени характеризовался широкой распространенностью и поощрением абортов с целью сдерживания роста населения и был мировым лидером по их количеству. История абортов в современном Китае тесно связана с целями правительства в области народонаселения.

¹⁴ См.: *Мур Е.* Аборты раскололи Америку // Коммерсант. – 26.06.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5434172> .

Проводимая руководством Китая с 1979 г. очень жесткая демографическая политика под лозунгом «Одна семья – один ребенок» привела в долгосрочной перспективе к массе неблагоприятных демографических и социально-экономических последствий: не только к резкому падению рождаемости, сокращению количества работающих, ускоряющемуся старению населения, ухудшению репродуктивного здоровья и другим проблемам, осложняющим будущее страны, но и к дисбалансу полов в сторону существенного преобладания мужского населения в молодых возрастах в результате распространения селективных аборт по причине традиционного предпочтения рождения мальчиков, так как забота о престарелых родителях ложится на плечи именно сыновей. В результате в некоторых районах Китая на 100 новорожденных девочек приходилось до 134 мальчиков, что привело впоследствии к дефициту незамужних женщин брачного возраста свыше 30 млн [2, с. 90].

Стоит отметить, что такая же проблема нехватки женщин характерна также для Индии и некоторых других стран, в которых, узнав пол будущего ребенка после ультразвуковой диагностики, некоторые женщины делают аборт в случае, если это девочка. Несмотря на то что селективные аборты в обеих странах запрещены законодательно, на практике они труднодоказуемы, так как разрешены свободные аборты.

Многолетняя пропаганда строгого контроля рождаемости в Китае исказила традиционные представления о детях. Укреплялось мнение о том, что иметь двух детей ненормально, а единственный ребенок – вклад в развитие нации. Уровень рождаемости в стране стал одним из самых низких в мире, особенно в крупных городах, где суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже единицы. «По данным Министерства здравоохранения КНР за 2010 г., в ходе реализации политики ограничения рождаемости были прерваны беременности у 300 млн женщин, более 60 млн мужчин и около 114 млн женщин подверглись стерилизации...» [2, с. 90].

Постепенное смягчение с 2016 г. политики «Одна семья – один ребенок», допускающее двух детей, а затем и ее радикальное изменение на прямо противоположную – с 2021 г. разрешение семейным

парамам иметь до трех детей с реализацией мер поддержки не остановили падение чисел родившихся, что привело к началу открытой депопуляции в Китае с 2022 г., когда смертность впервые за много лет превысила рождаемость [3, с. 27]. И теперь в стране, в которой ранее действовал запрет на многодетные семьи, власти взяли курс на сокращение числа аборт. При этом эксперты считают, что объявленные меры даже несколько запоздали, и опасаются, что сокращение численности населения Китая окажется необратимым с соответствующим изменением места и роли страны в мире.

Что касается большинства стран Азии с мусульманским населением, то аборт в них разрешаются только в случаях, представляющих непосредственную угрозу для жизни беременной или для сохранения ее здоровья. Аналогичное запретительное законодательство преобладает в Латинской Америке и в Африке.

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В УСИЛЕНИИ ДЕПОПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

После 2003 г. число умерших в России имело позитивную тенденцию к уменьшению, резко прерванную в период коронакризиса (рис. 7). В 2021 г. этот показатель достиг наибольшего значения за весь постсоветский период, превзойдя максимумы 1994 и 2003 гг. Однако тенденция на снижение относительно быстро восстановилась, и уже в 2023 г. число умерших стало наименьшим за всю историю существования РФ. Одновременно ожидаемая продолжительность жизни обновила рекорд доковидного 2019 г. и составила 73,4 года.

При этом числа родившихся после максимума 2014 г. постоянно сокращались и приближались к наименьшему значению постдефолтного 1999 г., усиливая депопуляцию. По данным за 2024 г., количество умерших в стране почти в 1,5 раза превышало количество родившихся.

В последние годы уменьшение чисел родившихся, усиливающее депопуляцию, происходит под тройным давлением: устойчивого сокращения после 2003 г. численности женщин репродуктивного воз-

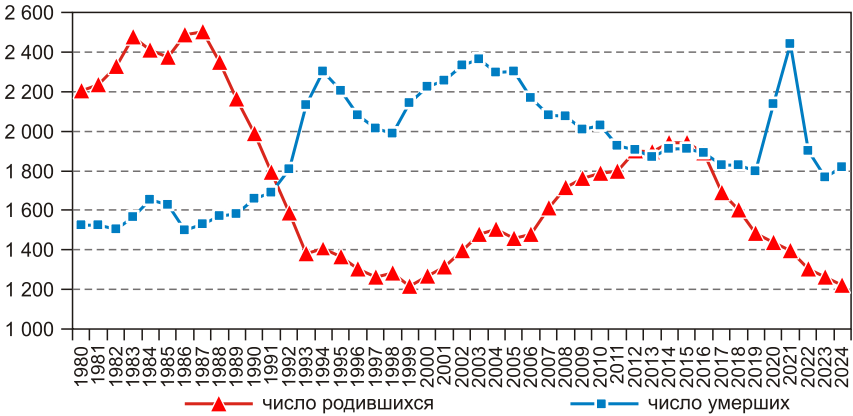

Рис. 7. Динамика рождаемости и смертности населения России в 1980–2024 гг., тыс. чел.

Источник: построено авторами по данным Росстата

раста, т.е. потенциальных матерей (см. рис. 6), и их старения по причине резкого падения рождаемости в конце XX в., а также снижения интенсивности рождаемости в расчете на одну женщину после максимума, достигнутого в 2015 г. (см. рис. 2).

В долгосрочной перспективе именно низкая интенсивность рождаемости, которая не обеспечивает нормальное воспроизводство населения в течение многих десятилетий, играет ведущую роль в процессе депопуляции в России. Недостаточная рождаемость на протяжении уже почти 60 лет является одной из самых главных проблем российского общества и ключевой проблемой демографической и национальной безопасности России, значительно ослабляющей ее позиции в мире. Поэтому проблеме низкой рождаемости следует уделять первостепенное внимание на протяжении длительного периода времени. Соответственно, важнейшим показателем результативности демографической политики должен стать суммарный коэффициент рождаемости. Очевидно, что принимаемых в последние годы мер по поддержке рождаемости в стране совершенно недостаточно для перелома негативных тенденций его снижения (см. рис. 2).

В Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» первейшей национальной целью объявлено сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, а самый первый целевой показатель – суммарный коэффициент рождаемости планируется увеличить до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г.¹⁵ Однако такой уровень рождаемости, который существенно ниже простого воспроизводства, тем более на длительную перспективу, означает, что вымирание российского населения будет продолжаться с соответствующими негативными последствиями для будущего страны, ее социально-экономического развития, геополитического статуса и национальной безопасности. Кроме того, Россия не так давно, в 2015 г., уже имела максимальное значение этого показателя – 1,78 (см. рис. 2).

Поэтому в демографической политике совершенно необходимо ориентироваться на более высокий суммарный коэффициент рождаемости, так как в принципе невозможно предотвратить вымирание и сохранить жизнеспособность и конкурентоспособность страны без увеличения этого показателя выше уровня простого воспроизводства, особенно в условиях нарастания глобальной турбулентности и обострения геополитической ситуации. Без существенного повышения рождаемости продолжится старение населения. Это при прочих равных условиях даже при отсутствии отягчающих форс-мажорных обстоятельств приведет в будущем к росту заболеваемости, увеличению количества умерших и уменьшению количества родившихся, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему усилению депопуляции и ухудшению качества населения.

Аборты, систематически на протяжении многих десятилетий весьма существенно снижающие рождаемость как напрямую, так и опосредованно через ухудшение репродуктивного здоровья женщин, подрывают демографическую безопасность страны сразу по многим важ-

¹⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=1> .

нейшим направлениям: приводят к вымиранию, старению населения и через замещающую миграцию к изменению его этнического состава в сторону сокращения доли государствообразующего народа – русских и других российских народов.

В последнее время число регистрируемых аборт – около 500 тыс. в год (см. рис. 3) – сопоставимо с величиной естественной убыли населения (см. рис. 1). Сохранение хотя бы части из числа прерванных беременностей позволило бы уменьшить потери демографического потенциала, снизить остроту депопуляции и увеличить суммарный коэффициент рождаемости.

Проблема аборт и недостаточной рождаемости в значительной степени лежит в экономической плоскости [6]. Уровень рождаемости искусственно сдерживается двумя важнейшими факторами: широко распространенными крайне низкими зарплатами, в которые не заложены затраты на детей¹⁶, и недоступностью жилья¹⁷.

Таким образом, профилактика и минимизация числа аборт при проведении продуманной и взвешенной демографической и социально-экономической политики, направленной на укрепление семьи как опоры общества и улучшение ее материального положения, могли бы стать резервом для повышения рождаемости, особенно значимым в условиях длительного сокращения численности репродуктивных контингентов женщин.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН,
проект «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений
в современном обществе: теория и эмпирика», № 121040100280-1*

Список источников

1. Белобородов И.И. Роль и последствия аборт в контексте демографической деградации // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 3. –

¹⁶ См.: Виноградова Е., Рожкова Е. Власти подготовили демографическую стратегию «семейноцентризма». – URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/11/2024/673477059a79475403f0341e>.

¹⁷ См.: Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

С. 173–198. – URL: <https://riss.ru/upload/iblock/f94/52n9zjns5c4mx5oiszeguw1lh07fin9k/1d5add71f30d418b980c4f9d325530b5.pdf> (дата обращения: 22.11.2024).

2. Ван Е. Изменение демографической политики Китая: причины, результаты, перспективы // Народонаселение. – 2018. – Т. 21, № 1. – С. 84–96. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-07.

3. Ван Е. Новая демографическая политика трехдетности в Китае // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3, № 3. – С. 26–42. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.2 EDN ZIZOCL.

4. Григорьев Ю.А., Соболева С.В. Современное состояние репродуктивного здоровья населения Сибири как фактор сокращения рождаемости в регионе // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 2 (78). – С. 215–236.

5. Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 23. – С. 255–257. – URL: https://vkpb-skb.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom23.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

6. Малыгин А.Г. Экономический механизм депопуляции в индустриальных странах и в России // Экономика и предпринимательство. – 2009. – № 6 (11). – С. 5–14. – URL: <http://malygin.mcdir.ru/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%20%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B3%D0%B8%D0%BD.pdf> (дата обращения: 16.11.2024).

7. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. Тенденции abortивного поведения россиян в контексте демографической политики // Население и экономика. – 2024. – № 8 (1). – С. 15–36. – URL: https://populationandconomics.pensoft.net/browse_journal_articles?&search_hidden=Rostovsk&search_in=1&sortby=6 (дата обращения: 15.11.2024).

8. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Сигарева Е.П., Сиволясова С.Ю. Abortы и abortивное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России // Экология человека. – 2019. – № 7. – С. 17–23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aborty-i-abortivnoe-povedenie-vkontekste-poiska-rezerov-demograficheskogo-razvitiya-v-rossii> (дата обращения: 15.11.2024).

9. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности изменений численности и возрастной структуры репродуктивных контингентов женщин в России в условиях депопуляции // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 1 (117). – С. 138–169. DOI: 10.15372/REG20230105.

10. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 3. – С. 147–167.

11. Ступак В.С., Бантьева М.Н., Маношкина Е.М. Динамика и структура abortов в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе в 2003–2022 годах // Социальные аспекты здоровья населения. – 2024. – № 1. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-1-10. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1567/30/lang.ru/> (дата обращения: 06.02.2025).

12. Суханов А.А., Дикке Г.Б., Кукарская И.И. Эпидемиология женского бесплодия и опыт восстановления репродуктивной функции у пациенток с хроническим эндометритом в Тюменском регионе // Проблемы репродукции. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 98–107.

13. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. – 138 с. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/pdf/book051.pdf (дата обращения: 16.11.2024).

14. Фролова Н.И., Белокриницкая Т.Е., Анохова Л.И., Богомазова Т.В. Эпидемиология и причины бесплодия у девушек в возрасте 18–25 лет как характеристика демографического потенциала популяции // Репродуктивное здоровье детей и подростков. – 2015. – № 3 (62). – С. 19–25. – URL: https://child-reprohealth.ru/patrn/pdf/rzdp_3_2015.pdf (дата обращения: 16.11.2024).

Информация об авторах

Чудаева Ольга Владимировна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: soboleva@ieie.nsc.ru.

Смирнова Наталья Евстафьевна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: evg_smirnov@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20250306

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 132–162

O.V. Chudaeva, N.E. Smirnova

ABORTIONS PROBLEM IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC SECURITY OF RUSSIA

The article reviews over long intervals the transition that took place during the Soviet period from an expanded to a narrowed regime of reproduction of the population in Russia, which inevitably leads to depopulation, first

latently, and then openly. It is shown that a widespread practice of abortion, which has significantly reduced the number of newborns for a long time, has become the most important factor contributing to the general decreasing trend in the total fertility rate below the threshold level of simple reproduction. In the early 1960s, there was a rapid increase in the number of artificial abortions, accompanied by a drop in fertility. The peak number of abortions recorded in 1965 coincided exactly with the start of the latent phase of depopulation in Russia. In the post-Soviet period, despite a considerable reduction in the number of abortions, both in absolute and relative terms, their number is still high. This has a significant impact on fertility decline, although in recent years the official statistics indicate that there is now less than one abortion for every two births.

The article briefly describes the century-old history of legalized abortion in Russia. Its extremely important role in reducing fertility and depopulation in our country is revealed. The long-term and widespread abortive practices, reflecting the reluctance to procreate, systematically undermined the demographic potential and caused enormous damage to demographic security in several important areas for many decades.

The authors cite the dynamics of the number of abortions per 100 births in the federal districts in the post-Soviet period, as well as the differentiation of this indicator at the level of federation subjects. The eastern territories consistently show the worst results: the Ural, Siberian and Far Eastern Federal Districts. In recent years, the Siberian Federal District has been ranked first in the country in terms of the number of abortions per 100 births. Among the Siberian regions, the Novosibirsk Oblast stands out, which for many years has been the district leader in this indicator.

It is concluded that prevention and minimization of the number of abortions while conducting a well-thought-out and balanced demographic and socio-economic policy aimed at strengthening the family as a pillar of society and improving its financial situation could become a counter-force for increasing the birth rate, especially significant in the context of a prolonged decline in the number of reproductive female populations.

The results obtained during the study can be used by federal and regional authorities to make managerial decisions aimed at preventing and reducing

the number of abortions, as well as in developing new demographic policy measures and improving socio-economic development strategies in order to create moral and material conditions in society favorable for birth and upbringing of children.

Keywords: population reproduction; depopulation; total fertility rate; low fertility; abortions; demographic damage; demographic security; demographic policy

For citation: *Chudaeva, O.V. & N.E. Smirnova. (2025). Problema abortov v kontekste demograficheskoy bezopasnosti Rossii [Abortions problem in the context of demographic security of Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 132–162. DOI: 10.15372/REG20250306.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Actors, drivers, and consequences of social change in modern society: theory and empirics”, No. 121040100280-1

References

1. *Beloborodov, I.I. (2016). Rol i posledstviya abortov v kontekste demograficheskoy degradatsii [The role and consequences of abortion in the context of demographic degradation]. Problemy natsionalnoy strategii [National Strategy Issues], 3, 173–198. Available at: <https://riss.ru/upload/iblock/f94/52n9zjns5c4mx5oiszeguw1lh07fin9k/1d5add71f30d418b980c4f9d325530b5.pdf> (date of access: 22.11.2024).*
2. *Van, E. (2018). Izmenenie demograficheskoy politiki Kitaya: prichiny, rezul'taty, perspektivy [Change of the demographic politics in China: reasons, results, prospects]. Narodonaselenie [Population], Vol. 21, No. 1, 84–96. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-07.*
3. *Wang, Ye. (2023). Novaya demograficheskaya politika trekhdetnosti v Kitae [New demographic three-child policy in China]. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [Demographic Research], Vol. 3, No. 3, 26–42. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.2 EDN ZIZOCL.*
4. *Grigoryev, Yu.A. & S.V. Soboleva. (2013). Sovremennoe sostoyanie reproduktivnogo zdorovya naseleniya Sibiri kak faktor sokrashcheniya rozhd'aemosti v regione*

[Reproductive health as a factor of the reduced birth rates in Siberia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (78), 215–236.

5. *Lenin, V.I.* (1973). Rabochiy klass i neomaltuzianstvo [The working class and neo-Malthusianism]. In: V.I. Lenin. The Complete Works. 5-th ed. Moscow, Politizdat Publ., Vol. 23, 255–257. Available at: https://vkpb-skb.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom23.pdf (date of access: 18.02.2025).

6. *Malygin, A.G.* (2009). Ekonomicheskiy mekhanizm depopulyatsii v industrialnykh stranakh i v Rossii [The economic mechanism of depopulation in industrial countries and in Russia]. Ekonomika i predprinimatelstvo [Economics and Entrepreneurship], 6 (11), 5–14. Available at: <http://malygin.mcdir.ru/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%20%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B3%D0%B8%D0%BD.pdf> (date of access: 16.11.2024).

7. *Rostovskaya, T.K., E.N. Vasilyeva & E.A. Knyazkova.* (2024). Tendentsii abortivnogo povedeniya rossiiyan v kontekste demograficheskoy politiki [Trends in abortion-related behaviour of russians in the context of demographic policy]. Naselenie i ekonomika [Population and Economics], 8 (1), 15–36. Available at: https://populationandecomonomics.pensoft.net/browse_journal_articles?&search_hidden=Rostovsk&search_in=1&sortby=6 (date of access: 15.11.2024).

8. *Ryazantsev, S.V., T.K. Rostovskaya, E.P. Sigareva & S.Yu. Sivoplyasova.* (2019). Aborty i abortivnoe povedenie v kontekste poiska rezervov demograficheskogo razvitiya v Rossii [Abortions and abortive behavior in the context of searching for demographic development reserves in Russia]. Ekologiya cheloveka [Human Ecology], 7, 17–23. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aborty-i-abortivnoe-povedenie-vkontekste-poiska-rezervov-demograficheskogo-razvitiya-v-rossii> (date of access: 15.11.2024).

9. *Soboleva, S.V., N.E. Smirnova & O.V. Chudaeva.* (2023). Osobennosti izmeneniy chislennosti i vozrastnoy struktury reproduktivnykh kontingentov zhenshchin v Rossii v usloviyakh depopulyatsii [Features of changes in the number and age structure of female reproductive cohorts in Russia under conditions of depopulation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (117), 138–169. DOI: 10.15372/REG20230105.

10. *Soboleva, S.V. & O.V. Chudaeva.* (2008). Demograficheskaya bezopasnost Rossii i ee regionov: faktory, problemy, indicatory [Demographic safety in Russia and its regions: factors, problems and indicators]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3, 147–167.

11. *Stupak, V.S., M.N. Bantyeva & E.M. Manoshkina.* (2024). Dinamika i struktura abortov v Rossiyskoy Federatsii i Dalnevostochnom federalnom okruge v 2003–2022 godakh [Dynamics and structure of abortions in the Russian Federation and the Far Eastern Federal District in 2003–2022]. Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya [Social

Aspects of Population Health], 1. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-1-10. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1567/30/lang,ru/> (date of access: 06.02.2025).

12. *Sukhanov, A.A., G.B. Dikke & I.I. Kukarskaya.* (2023). Epidemiologiya zhenskogo besplodiya i opyt vosstanovleniya reproduktivnoy funktsii u patsientok s khronicheskim endometritom v Tyumenskom regione [Epidemiology of female infertility and the experience of recovery of reproductive function in patients with chronic endometritis in the Tyumen region]. Problemy reproduksii [Russian Journal of Human Reproduction], Vol. 29, No.3, 98–107.

13. *Uralnis, B.Ts.* (1963). Rozhdaemost i prodolzhitel'nost zhizni v SSSR [Fertility and Life Expectancy in the USSR]. Moscow, State Statistical Publishing House of the Central Statistical Bureau of the USSR, 138. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/pdf/book051.pdf (date of access: 16.11.2024).

14. *Frolova, N.I., T.E. Belokrinskaya, L.I. Anokhova & T.V. Bogomazova.* (2015). Epidemiologiya i prichiny besplodiya u devushek v vozraste 18–25 let kak kharakteristika demograficheskogo potentsiala populyatsii [Epidemiology and causes of infertility in girls aged 18–25 years as a characteristic of population demographic potential]. Reproaktivnoe zdorovye detey i podrostkov [Reproductive Health of Children and Adolescents], 3 (62), 19–25. Available at: https://child-reprodhealth.ru/patrnrs/pdf/rzdp_3_2015.pdf (date of access: 16.11.2024).

About Authors

Chudaeva, Olga Vladimirovna (Novosibirsk, Russia) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: soboleva@ieie.nsc.ru.

Smirnova, Natalia Evstafyevna (Novosibirsk, Russia) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: evg_smirnov@mail.ru.

Поступила в редколлегию 09.12.2024.

После доработки 16.05.2025.

Принята к публикации 23.05.2025.

© Чудаева О.В., Смирнова Н.Е., 2025

А.Г. Каримов, С.Х. Кадыров, Е.В. Кабашова

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЖИЗНИ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИЧР-ПОДХОДА В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В настоящее время оценка уровня жизни работающих слоев населения имеет особую актуальность. Цель исследования – адаптация традиционной методики ИЧР-подхода к оценке уровня жизни работающего населения в регионах Приволжского федерального округа. Предлагаемая авторами методика расчета показателя индекса человеческого развития (ИЧР) работающего населения, названного «ИЧР-труд», включает следующие компоненты: 1) субиндекс медианной заработной платы, соотношенной со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг (индекс покупательной способности заработной платы); 2) субиндекс жизнеспособности населения трудоспособного возраста; 3) субиндекс образования, построенный на основе численности студентов средних специальных и высших учебных заведений в расчете на 10 тыс. чел. населения.

На основе проведенных расчетов нового показателя ИЧР-труд по данным за 2013, 2015, 2017, 2019 и 2021 гг. разработан рейтинг регионов Российской Федерации, согласно которому Республика Башкортостан в 2021 г. опустилась на две позиции по сравнению с 2013 г., заняв 35-е место. В статье также приводятся сравнения ИЧР-труд с ИЧР-регион в целом и по их компонентам. В 2021 г. значение ИЧР-труд в Республике Башкортостан составило 0,375, в том числе субиндекс покупательной способности медианной заработной платы – 0,359, субиндекс жизнеспособности – 0,311, субиндекс образования – 0,454.

Ценность полученных результатов состоит в дополнении методики оценки уровня жизни работающего населения на основе ИЧР-подхода. Данную методику оценки уровня жизни работающего населения на основе интегрального показателя предлагается использовать для разработки рекомендаций по повышению уровня жизни работающего населения в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: уровень жизни населения; индекс человеческого развития; труд; работающее население; трудоспособный возраст; смертность в трудоспособном возрасте; медианная заработная плата; образование

Для цитирования: Каримов А.Г., Кадыров С.Х., Кабашова Е.В. Оценка уровня жизни работающего населения на основе ИЧР-подхода в регионах Приволжского федерального округа // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 163–193. DOI: 10.15372/REG20250307.

ВВЕДЕНИЕ

Оценка уровня жизни работающих слоев населения в современном обществе имеет особую значимость. Очевидно, что качество трудовых ресурсов детерминировано целым рядом показателей, большинство из которых так или иначе связаны с категорией «уровень жизни». Также можно отметить и сопутствующий эффект, заключающийся в том, что чем выше уровень жизни работников, тем больше они потребляют, что стимулирует рост производства и услуг, способствуя экономическому развитию.

Необходимо отметить, что оценка уровня жизни работающих людей помогает выявить конкретные социальные и экономические проблемы, с которыми они сталкиваются. Низкий уровень заработной платы, отсутствие эффективной медицинской помощи, неблагоприятные условия труда – все эти и другие факторы могут серьезно влиять на уровень жизни работающих граждан и требуют вмешательства со стороны государства и общества.

Работающие являются одной из основных групп населения, причем каждый четвертый среди бедных слоев населения относится

к занятым в экономике, что во многом обуславливает выбор объекта исследования. Как представляется, актуальность проблематики оценки уровня жизни работающих очевидна. Это и значительный разрыв в оплате труда, и несовершенная шкала налогообложения, и снижение доли заработной платы в ВВП (ВРП), и проч.

Наконец, оценка уровня жизни работающих людей позволяет оценить эффективность социальных программ и мер поддержки, направленных на повышение их жизненного уровня. Результаты таких оценок могут быть использованы для корректирования социальной политики и улучшения благосостояния работающих слоев населения в российских регионах.

Актуальность данного исследования обусловлена также и тем, что уровень жизни работающего населения отражают многие показатели, в связи с чем для его адекватной характеристики необходима интегральная оценка, которую авторы проводят с помощью ИЧР-подхода.

Цель исследования – обоснование и разработка новой методики оценки уровня жизни работающего населения на основе ИЧР-подхода на материале регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: обоснование и разработка системы показателей для оценки уровня жизни работающего населения с помощью ИЧР-подхода; формирование базы данных по всем регионам РФ и расчет региональных индексов человеческого развития; формирование рейтинга регионов РФ по уровню жизни работающего населения и сопоставление полученных результатов с результатами, которые дают традиционный ИЧР-подход и авторская методика «ИЧР-регион».

Эмпирической базой исследования явились Доклады о человеческом развитии в Российской Федерации, подготовленные Аналитическим центром при Правительстве РФ, официальные данные Федеральной службы государственной статистики в разрезе регионов Российской Федерации, а также данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан за 2013, 2015, 2017, 2019 и 2021 гг., т.е. за те годы,

в которые в Росстате была рассчитана величина медианной заработной платы. При проведении исследования авторы столкнулись с проблемой ограниченности данных: не все показатели государственной статистики приводятся в расчете на работающее / занятое по сферам экономики население. В этом случае выбирались показатели, характеризующие трудоспособное население (за исключением численности студентов учебных заведений различного уровня).

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской методики оценки уровня жизни работающего населения, основанной на адаптированном ИЧР-подходе («ИЧР-труд»). Данная методика предполагает использование наиболее релевантных показателей, таких как покупательная способность медианной заработной платы, жизнеспособность населения (рассчитываемая как величина, обратная уровню смертности в трудоспособном возрасте) и уровень образования. Это позволяет получить объективную и сопоставимую информацию об уровне жизни работающего населения в региональном разрезе. Предлагаемая методика не только адаптирует международный опыт к российской специфике, но и обеспечивает более точную и релевантную оценку уровня жизни работающего населения, что представляет практическую значимость для разработки региональной социально-экономической политики в части повышения уровня жизни работающего населения.

В настоящее время для интегральной оценки уровня жизни населения широко используется индекс человеческого развития (ИЧР). Ученые предлагают авторские методики оценки уровня жизни населения, модифицируя традиционный ИЧР-подход, дополняя его различными социальными и экономическими показателями. Стоит отметить, что в практике межстрановых и межрегиональных сопоставлений не выработан единый общепринятый подход к выбору индикаторов для оценки уровня жизни населения, в том числе работающего, так как само понятие «уровень жизни» не имеет четких границ [6, с. 70]. Существуют труды, в которых авторы, подчеркивая важность оценки уровня жизни именно работающих, используют традиционные компоненты ИЧР (ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, реальный душевой ВВП) [7; 16]. По мнению

ученых, использование того или иного сформированного набора индексов зависит от целей и задач исследования и мнения экспертов по поводу объективной оценки уровня жизни [9].

А.А. Федотов дополняет традиционную методику расчета ИЧР такими показателями, как естественный прирост населения, посещение музеев и театров, распространение алкоголизма и наркомании, число убийств и др. [17, с. 191]. Е.В. Рюминой предложен подход с включением в ИЧР экологического фактора [13].

Ряд исследований посвящен построению обобщенной модели ИЧР [23], разработке индекса устойчивого человеческого развития [19], оценке взаимосвязи между компонентами ИЧР и благополучием населения [25], выявлению факторов, влияющих на ИЧР [20].

В монографии Н.С. Землянухиной, С.Г. Землянухиной и И.Д. Павловой [9] дана оценка уровня жизни, в том числе качества трудовой жизни, населения России. Рейтинговой оценке регионов России по качеству жизни занятого населения на основе расчета комплексного обобщающего показателя посвящена работа О.А. Антоновой [2].

При оценке уровня жизни занятого населения многие отечественные и западные исследователи обращаются к проблеме бедности, некоторые используют понятие «работающие бедные». Объяснение актуальности изучения феномена работающих бедных приводится в работе итальянских ученых [21]. Проблема работающих бедных рассматривается в Докладе Европейской комиссии [25]. При анализе уровня жизни занятого населения зарубежными учеными выявлено, что неустойчиво занятые зарабатывают меньше, чем в условиях устойчивой и защищенной занятости [22; 24]. По оценкам ученых, риск бедности занятых по причинам нестабильной занятости не является статистически значимым для российского общества [1]. В работах по проблемам бедности занятого в отраслях экономики населения показано, что она является результатом неравенства трудоспособного населения на рынке труда, взаимосвязана со спросом на рабочую силу и ее предложением, а также с региональными различиями в оплате труда по видам экономической деятельности [15].

Особое внимание уделяется мерам содействия занятости, обозначенным в региональных программах снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума

В России особенностью проблемы бедности работающих является ее явно выраженный гендерный характер, причем острота бедности зависит от возрастного состава и образовательного уровня занятых¹. В работе В.Н. Бобкова и Е.В. Одинцовой в составе российского трудоспособного населения выявлены группы с низким уровнем жизни на основе предложенных критериев и социальных стандартов в сфере занятости, образования, здравоохранения и имущественной обеспеченности [5]. Г.В. Леонидова и Е.А. Басова [10] разработали типологию работающего населения и выявили «социокультурный портрет наиболее бедствующей группы в контексте качества трудовой деятельности». О.И. Меньшиковой предложена экспертная оценка качества трудовой жизни, где одним из основных показателей является доля лиц трудоспособного возраста в численности бедного населения [11]. В работе Н.Н. Рябушкина и С.Д. Капелюка показано, что доля работающих среди бедного населения выше из-за несовершенства бюджетного обследования, проводимого Росстатом во всех регионах Российской Федерации [14]. С.Ш. Аслаевой, А.Ш. Гайсиным и А.Г. Каримовым проведен эконометрический анализ для выявления факторов риска бедности для занятого населения трудоспособного возраста [3].

Ученые также уделяют большое внимание основным причинам и характеристикам бедности работающего населения. Так, бедность занятого населения связана с концентрацией работников в отраслях и регионах с невысокой добавленной стоимостью и выраженной региональной дифференциацией в оплате труда [12]. Эксперты приходят к выводу, что при увеличении доли работающих в стране усиливается социальная напряженность в обществе, растут недовольство государством и предпринимательским сектором, что «в конечном счете может привести к потере государственности» [8].

¹ См.: *Работающие бедные в России и за рубежом: Социальный бюллетень*. Октябрь 2017 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 36 с. – URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/14616.pdf> (дата обращения: 21.04.2024).

Таким образом, многочисленные научные труды, посвященные оценке уровня жизни работающих слоев населения, свидетельствуют о том, что данная проблематика остается актуальной в современных условиях.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБОСНОВАНИЕ ЕЕ ВЫБОРА

Уровень жизни населения является основным показателем, характеризующим социально-экономическое развитие регионов и страны в целом. Уровень жизни представляет собой уровень благосостояния населения, уровень потребления благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей людей².

Необходимо отметить, что исследователями даются самые различные определения понятия «уровень жизни населения». Уровень жизни населения является сложной, многогранной категорией и насчитывает десятки показателей, характеризующих его в той или иной мере. Вместе с тем исследователи не оставляют многочисленных попыток разработать комплексный интегральный показатель, наиболее полно отражающий уровень жизни населения. Основная сложность состоит в том, что он должен включать в себя как социальные, так и экономические показатели: доходную обеспеченность, развитие социальной инфраструктуры, занятость, состояние систем образования и здравоохранения, демографическую ситуацию, вплоть до обеспечения детскими площадками и парковками.

Одним из наиболее обоснованных, по мнению многих исследователей, и получивших широкое применение как при межстрановых, так и при межрегиональных сравнениях является показатель ИЧР (разработанный МахБубом уль-Хаком и развитый Амартией Сеном). Данный индекс учитывает три показателя, которые, по мнению авторов данной статьи, в наибольшей мере отражают уровень соци-

² См.: *Уровень жизни населения* // Современный экономический словарь. – URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economical/fc/slovar-211.htm#zag-5442> (дата обращения: 01.06.2024).

ально-экономического развития, уровень жизни населения той или иной территории (региона):

- ВВП (ВРП) по паритету покупательной способности на душу населения (отражает доходную обеспеченность населения);
- ожидаемую продолжительность жизни для обоих полов (характеризует долголетие);
- коэффициент поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения (учитывает грамотность).

Эти показатели разрабатываются и рассчитываются практически во всех странах органами государственной статистики, и это способствует обеспечению необходимых условий для сравнения на различных территориальных уровнях.

Ежегодно в рамках ПРООН публикуются доклады по обозначенной проблематике, делающие акценты на отдельных социальных аспектах. Можно констатировать, что данный подход, который целесообразно определить как ИЧР-подход, доказал свою универсальность. В этом отношении показательно, что ИЧР рассчитывается даже на уровне регионов и подрегионов. Как известно, при расчетах ИЧР делаются акценты на тех или иных особенностях: бедности, социальном расслоении. Очевидно, что можно вполне обоснованно просчитать ИЧР и для отдельных социальных групп, в частности для городского и сельского населения. Как представляется, именно три этих показателя, характеризующих доходы, долголетие и образование, дают возможность обеспечить своеобразную основу для формирования единого методологического подхода.

Авторы настоящей статьи ранее принимали участие в разработке методики расчета показателя ИЧР на региональном уровне, названного «ИЧР-регион». Он включал следующие компоненты: индекс медианного дохода, соотношенного со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг; индекс долголетия с учетом ожидаемой продолжительности здоровой жизни; индекс образования, построенный на основе численности студентов средних специальных и высших учебных заведений [4, с. 173].

Одной из значимых проблем не только в современной России, но и в мире в целом является оценка уровня жизни работающих слоев

населения. Именно эти слои населения обеспечивают основу экономического роста. ИЧР-подход является адекватным инструментом для оценки уровня жизни работающих слоев населения, так как он охватывает ключевые аспекты, влияющие на их благополучие: доходы, здоровье и образование. По нашему мнению, данный интегральный показатель можно разработать на основе ИЧР-подхода [4].

Однако для более корректной оценки уровня жизни работающего населения, на наш взгляд, следует в определенной степени адаптировать используемые показатели. Так, вместо показателя «индекс медианного дохода, соотнесенного со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг» предлагается использовать индекс покупательной способности заработной платы. Этот показатель применяется в системе государственной статистики на основе разработанной и апробированной методологии расчетов, а именно, величина медианной заработной платы соотносится со стоимостью прожиточного минимума или, как в нашем случае, со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Таким образом, данный показатель характеризует, сколько фиксированных наборов товаров и услуг, состоящих из 30 продовольственных товаров, 41 непродовольственного товара и 12 платных услуг населению, можно купить на одну медианную заработную плату³. Указанный набор, включенный в состав потребительской корзины, отражает инфляционные процессы, затрагивающие основную часть населения, и может служить инструментом для оценки уровня жизни работающих граждан. Унифицированная для всех регионов Российской Федерации потребительская корзина позволяет исключить влияние региональных ценовых различий и обеспечить сопоставимость денежных доходов на межрегиональном уровне. Такой подход способствует более точному анализу экономического благосостояния работающего населения и выявлению диспропорций в уровне жизни между субъектами РФ.

Между регионами Российской Федерации в условиях заметных различий в их социально-экономическом развитии и бюджетных возможностях наблюдается существенная дифференциация потреби-

³ URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Opredeleniya_potreb_nabor.pdf.

тельских цен и тарифов на услуги. Ориентация на прожиточный минимум представляется нецелесообразной, поскольку в настоящее время он рассчитывается как 44,2% от медианного дохода. Как показывает сложившаяся практика, расчеты, ориентированные на распределение в условиях существенного влияния теневой экономики, не совсем корректны. В этой связи, по мнению авторов настоящего исследования, один из которых работает в системе государственной статистики, целесообразно использовать потребительскую корзину, состоящую из 83 наиболее часто используемых товаров и услуг. Данная корзина в наибольшей мере отражает влияние инфляционных процессов на малообеспеченные и средние слои населения. Также следует отметить, что при расчете прожиточного минимума до 2021 г. использовалась только продуктовая корзина, а непродовольственные товары и услуги брались в определенном процентном соотношении. В существующей практике Минтрудом России «просто» доводится до регионов величина прожиточного минимума без представления соответствующих обоснований. Заметим также, что в странах с развитой экономикой в качестве прожиточного минимума принимается, как правило, 60% от медианного дохода.

Вторым составляющим элементом ИЧР является показатель долголетия, который измеряется через соответствующий индекс с учетом ожидаемой продолжительности здоровой жизни. На наш взгляд, для оценки уровня жизни работающего населения в качестве демографического индикатора представляется целесообразным использование такого показателя, как смертность населения в трудоспособном возрасте. Данный показатель, как и ожидаемая продолжительность жизни, является достаточно определенным с точки зрения статистики, и в нем практически нет дооценок [4, с. 175].

В разработанной авторами статьи методике жизнеспособность трудоспособного населения определяется как способность человека адаптироваться к условиям жизни, что количественно выражается через показатель, обратный уровню смертности, и рассчитывается по формуле «единица минус смертность населения в трудоспособном возрасте на 100 чел.».

Индекс образования при расчетах был дополнен численностью студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих. Этот показатель видится крайне важным в условиях значительной нехватки представителей рабочих специальностей. Данная проблема становится особенно актуальной в последние годы.

В этой связи мы предлагаем использовать обобщающий показатель «численность студентов, обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях, в расчете на 10 тыс. чел. населения». Это взвешенный показатель, включающий: 1) численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих; 2) численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена; 3) численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. В качестве весов предлагается использовать примерное количество лет обучения в образовательных учреждениях различного уровня (1 год – для квалифицированных рабочих и служащих; 2,5 года – для специалистов среднего звена; 5 лет – для студентов высших учебных заведений).

Таким образом, предлагаемая нами методика расчета показателя ИЧР для работающих слоев населения, названного «ИЧР-труд», включает следующие компоненты:

- субиндекс медианной заработной платы, соотнесенной со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг (индекс покупательной способности заработной платы);
- субиндекс жизнеспособности населения трудоспособного возраста;
- субиндекс образования, построенный на основе численности студентов средних специальных и высших учебных заведений в расчете на 10 тыс. чел. населения.

Все компоненты ИЧР-труд представляют собой нормализованные показатели и находятся по формуле

$$\text{Индекс} = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}},$$

где X_i – значение показателя в регионе Российской Федерации; X_{\min} – минимальное значение показателя; X_{\max} – максимальное значение показателя [18].

Согласно авторской методике, минимальные и максимальные значения частных показателей берутся за отдельный год (2013, 2015, 2017, 2019, 2021 гг.).

Сводный индекс ИЧР-труд представляет собой среднее арифметическое трех субиндексов. Значение интегрального ИЧР находится в пределах от 0 до 1. Чем выше его значение, тем выше интегральная оценка уровня жизни работающего населения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расчеты нового показателя ИЧР-труд на основе так называемого ИЧР-подхода были проведены по данным за 2013, 2015, 2017, 2019 и 2021 гг. для всех регионов Российской Федерации и страны в целом (рис. 1). 2021 год выбран в качестве последнего расчетного года не случайно: этот период характеризуется относительной социально-экономической стабильностью, поскольку основные последствия пандемии COVID-19 еще не проявились в полной мере.

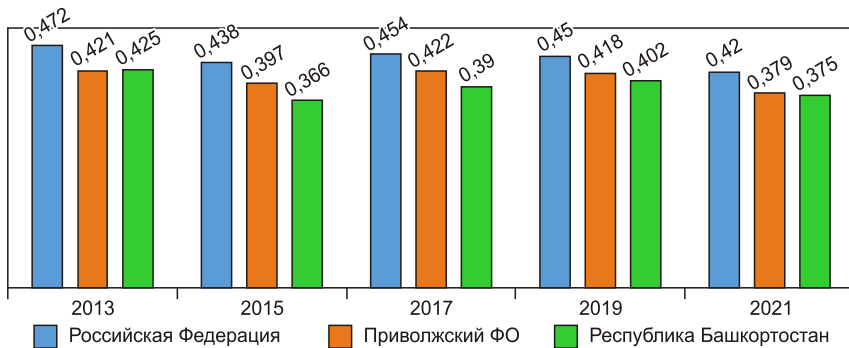

Рис. 1. Динамика показателя ИЧР-труд в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и Республике Башкортостан

Источник: построено по авторской методике оценки показателя ИЧР-труд по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023» (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf)

Ниже представлены в основном результаты анализа регионов Приволжского федерального округа, так как, по мнению авторов, эти регионы имеют высокую степень схожести по уровню социально-экономического развития и профилю экономической специализации, что позволяет провести корректный сравнительный анализ.

Из рисунка 1 наглядно видна тенденция отставания значений ИЧР-труд в Приволжском федеральном округе и Республике Башкортостан от среднероссийских. Что касается Республики Башкортостан, если в 2013 г. значение ИЧР-труд превышало средний уровень по ПФО, то в последующие годы оно стало ниже среднего по федеральному округу. Это произошло за счет снижения индексов жизнеспособности и образования. К 2021 г. значения ИЧР-труд в Республике Башкортостан и в целом по ПФО практически сравнялись, что указывает на необходимость разработки и реализации конкретных мер, направленных на улучшение условий труда, повышение уровня образования и укрепление здоровья трудоспособного населения. Это позволит не только сократить отставание от среднероссийских показателей, но и создать условия для устойчивого социально-экономического развития региона.

Значения ИЧР-труд и его компонентов в 2021 г. по выборке регионов Приволжского федерального округа приведены в табл. 1.

При расчетах по предлагаемой методике Республика Башкортостан в 2021 г. в рейтинге регионов России по уровню жизни работающего населения находилась на 35-м месте (табл. 2), что несколько выше, чем по расчетам показателя ИЧР-регион (40-е место). Если рассматривать места регионов ПФО по компонентам ИЧР-труд, то наилучшая ситуация наблюдается по индексу образования (32-е место по ИЧР-труд, 37-е место по ИЧР-регион). Это связано с относительно более благоприятной ситуацией с подготовкой квалифицированных рабочих и служащих (первое место в ПФО). Относительно сопоставимая ситуация наблюдается по индексу доходов: 31-е и 28-е места соответственно. Это обусловлено тем обстоятельством, что заработная плата имеет наибольший удельный вес в структуре формирования денежных доходов населения (более 47%). Наиболее позитивные сдвиги отмечены по долголетию (29-е и 42-е места).

Таблица 1

Значение показателя ИЧР-труд и его компонентов в регионах Приволжского федерального округа, 2021 г.

Регион	Индекс покупательной способности заработной платы	Индекс жизнеспособности	Индекс образования	ИЧР-труд	Место среди регионов РФ
<i>Российская Федерация</i>	0,395	0,366	0,499	0,420	–
<i>Приволжский ФО</i>	0,326	0,298	0,513	0,379	–
Республика Татарстан	0,433	0,481	0,650	0,521	6
Самарская обл.	0,319	0,271	0,587	0,392	25
Удмуртская Республика	0,288	0,340	0,535	0,388	27
Республика Мордовия	0,232	0,338	0,559	0,376	33
<i>Республика Башкортостан</i>	0,359	0,311	0,454	0,375	35
Саратовская обл.	0,285	0,299	0,533	0,372	37
Нижегородская обл.	0,316	0,241	0,492	0,350	45
Чувашская Республика	0,238	0,279	0,533	0,350	46
Пермский край	0,359	0,209	0,457	0,342	49
Оренбургская обл.	0,351	0,211	0,425	0,329	53
Пензенская обл.	0,237	0,295	0,435	0,322	59
Республика Марий Эл	0,175	0,260	0,478	0,304	63
Кировская обл.	0,204	0,294	0,404	0,301	64
Ульяновская обл.	0,182	0,188	0,511	0,294	66

Источник: составлено по авторской методике оценки показателя ИЧР-труд по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023» (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf, дата обращения: 10.07.2024).

**Позиции регионов Приволжского федерального округа в рейтинге регионов
России по компонентам показателя ИЧР-труд, 2021 г.**

Регион	Индекс покупательной способности заработной платы	Индекс жизнеспособности	Индекс образования	ИЧР-труд
Республика Татарстан	22	14	6	6
Удмуртская Республика	43	25	18	20
Самарская обл.	37	41	11	25
Чувашская Республика	54	39	20	46
<i>Республика Башкортостан</i>	31	29	32	35
Саратовская обл.	45	33	19	37
Республика Мордовия	56	26	15	33
Нижегородская обл.	38	48	27	45
Пермский край	30	59	31	49
Пензенская обл.	55	35	38	59
Оренбургская обл.	33	58	43	53
Республика Марий Эл	65	43	28	63
Кировская обл.	59	37	46	64
Ульяновская обл.	63	66	24	66

Источник: составлено по авторской методике оценки показателя ИЧР-труд по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023» (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf, дата обращения: 10.07.2024).

Относительно низкая позиция Республики Башкортостан по показателю ИЧР-труд, на наш взгляд, связана с совокупностью экономических, социальных и институциональных факторов: низкий уровень доходов населения во многом обуславливается преобладанием традиционных отраслей и низкой производительностью труда; накопившиеся проблемы в системе здравоохранения региона ведут к сниже-

нию индекса жизнеспособности; недостаточное качество образования в полной мере не отвечает современным требованиям рынка труда.

Вместе с тем достаточный интерес представляет сравнение результатов расчетов показателей ИЧР-труд и ИЧР-регион. Иерархия внутри ПФО приведена в табл. 3.

Таблица 3

Сравнение позиций регионов Приволжского федерального округа по показателям ИЧР-труд и ИЧР-регион

Регион	Значение ИЧР		Место среди регионов ПФО	
	ИЧР-регион	ИЧР-труд	ИЧР-регион	ИЧР-труд
	2019	2021	2019	2021
Республика Татарстан	0,758	0,521	1	1
Удмуртская Республика	0,521	0,388	4	3
Самарская обл.	0,542	0,392	2	2
Чувашская Республика	0,463	0,350	11	8
<i>Республика Башкортостан</i>	<i>0,486</i>	<i>0,375</i>	8	5
Саратовская обл.	0,500	0,372	6	6
Республика Мордовия	0,486	0,376	7	4
Нижегородская обл.	0,524	0,350	3	7
Пермский край	0,511	0,342	5	9
Пензенская обл.	0,413	0,322	13	11
Оренбургская обл.	0,468	0,329	10	10
Республика Марий Эл	0,349	0,304	14	12
Кировская обл.	0,450	0,301	12	13
Ульяновская обл.	0,466	0,294	9	14

Источник: составлено по авторской методике оценки показателя ИЧР-труд по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023» (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf, дата обращения: 10.07.2024).

Рассмотрение регионов ПФО, относительно схожих по социальным и экономическим параметрам, позволяет говорить о достаточно тесной связи этих двух иерархий: уровень жизни населения в регионах во многом определяется развитием социально-трудовой сферы. Достаточно информативно рассмотрение значений ИЧР-труд в динамике (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение позиций регионов Приволжского федерального округа по показателю ИЧР-труд в 2013 и 2021 гг.

Регион	Место среди регионов ПФО	
	2013	2021
Республика Татарстан	1	1
Саратовская обл.	2	6
<i>Республика Башкортостан</i>	3	5
Самарская обл.	4	2
Пензенская обл.	5	11
Республика Мордовия	6	4
Нижегородская обл.	7	7
Чувашская Республика	8	8
Удмуртская Республика	9	3
Пермский край	10	9
Ульяновская обл.	11	14
Оренбургская обл.	12	10
Республика Марий Эл	13	12
Кировская обл.	14	13

Источник: составлено по авторской методике оценки показателя ИЧР-труд по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023» (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf, дата обращения: 10.07.2024).

Практически все регионы ПФО, за исключением Пензенской, Ульяновской и Саратовской областей, остались на докризисном уровне (Республика Татарстан, Пермский край, Оренбургская область и др.) или заметно улучшили свое положение (Удмуртская Республика, Самарская область и др.) в этой иерархии. Республика Башкортостан в 2021 г. по сравнению с 2013 г. несколько опустилась в рейтинге регионов (с 33-го на 35-е место) в результате снижения величины всех трех компонентов ИЧР-труд. Наибольшее снижение значения ИЧР-труд произошло из-за уменьшения индекса жизнеспособности с 0,414 до 0,311 за счет роста смертности населения в трудоспособном возрасте. Рост уровня смертности связан в основном с инфекционными и паразитарными заболеваниями, а также болезнями органов пищеварения⁴. Индекс образования снизился с 0,491 до 0,454. Вместе с тем приходится также констатировать уменьшение индекса покупательной способности заработной платы с 0,370 до 0,359 (снижение было обусловлено кризисными явлениями в экономике после известных событий 2013 г.). В результате за рассматриваемый период наблюдается снижение значения ИЧР-труд с 0,425 до 0,375.

Несколько другая картина складывается при сопоставлении значений ИЧР-труд Республики Башкортостан со значениями других регионов Российской Федерации, т.е. речь идет о месте субъекта в рейтинге российских регионов. Так, по индексу жизнеспособности республика поднялась с 50-го на 29-е место, и это, безусловно, позитивный факт. По индексу образования положение республики практически не изменилось (перешла с 31-го на 32-е место). В то же время по индексу покупательной способности заработной платы республика спустилась с 23-го на 32-е место.

Причиной отставания Республики Башкортостан по индексу образования является низкий уровень развития системы высшего образования. Так, в 2021/2022 уч.г. численность студентов высших учебных заведений составила всего 239 студентов в расчете на 10 тыс. чел.

⁴ См.: *Смертность населения Республики Башкортостан*: Стат. сб. / Башкортостанстат. – Уфа, 2023. – С. 54.

Оценка уровня жизни работающего населения на основе ИЧР-подхода
в регионах Приволжского федерального округа

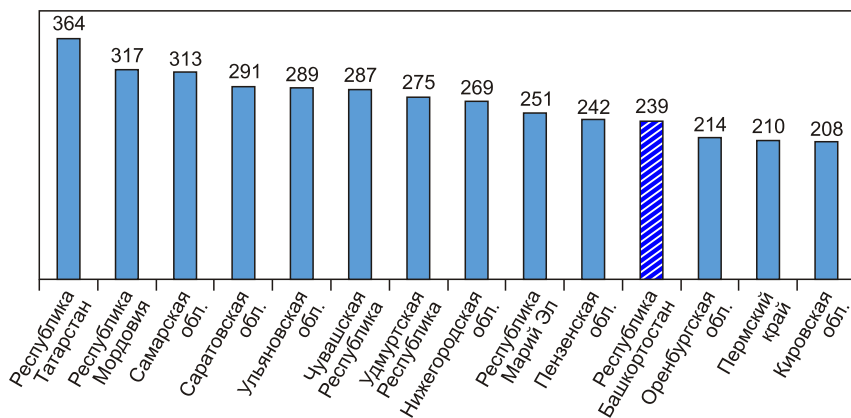

Рис. 2. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, в регионах Приволжского федерального округа на начало 2021/2022 уч.г., в расчете на 10 тыс. чел. населения, чел.

Источник: построено по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023»

(URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf)

населения (рис. 2), снизившись на 21,4% по сравнению с 2013 г. По данному показателю, несмотря на высокий экономический потенциал, Республика Башкортостан в ПФО занимает лишь 11-е место. В качестве ключевых причин сокращения численности студентов можно обозначить следующие: общее снижение численности населения в возрастной группе 17–25 лет, связанное с демографическим спадом; миграцию молодежи в другие регионы (молодежь из Башкортостана часто выбирает для получения высшего образования более престижные вузы в крупных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Казань или Екатеринбург); экономические факторы, в том числе изменение приоритетов на рынке труда.

В последние годы наблюдается рост интереса к среднему профессиональному образованию (СПО) как более быстрому и практико-ориентированному пути получения профессии. Это особенно актуально в условиях, когда работодатели все чаще требуют от сотруд-

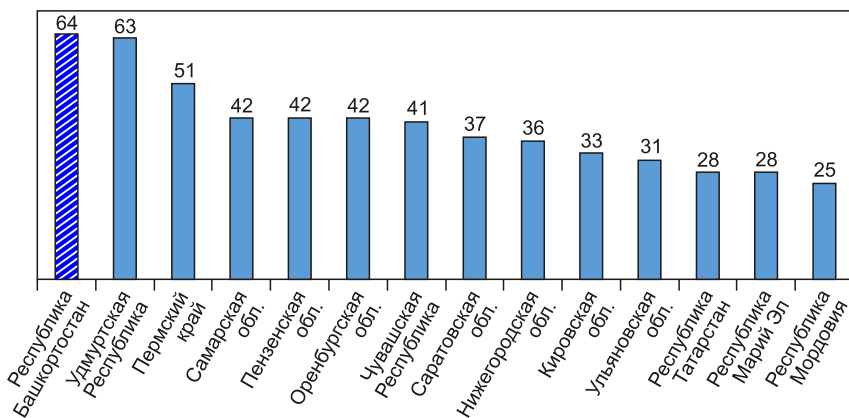

Рис. 3. Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, в регионах Приволжского федерального округа на начало 2021/2022 уч.г. в расчете на 10 тыс. чел. населения, чел.

Источник: построено по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023»
(URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf)

ников конкретных навыков, а не диплома о высшем образовании. В результате часть выпускников школ выбирает колледжи и техникумы вместо вузов.

Одним из немногих позитивных фактов в системе образования Республики Башкортостан является относительно благоприятная ситуация с подготовкой рабочих и служащих. По этому показателю республика находится на первом месте в ПФО, и он в 1,5 раза превышает средний уровень по федеральному округу (рис. 3).

До недавнего времени Республика Башкортостан была одним из лидеров по подготовке специалистов среднего звена. Однако в последние годы относительное положение региона по этому критерию ухудшилось: показатель республики уступает среднему по ПФО, и она занимает девятое место в федеральном округе (рис. 4). Для улучшения ситуации необходимо провести модернизацию системы среднего профессионального образования в республике, включая обновление

Оценка уровня жизни работающего населения на основе ИЧР-подхода
в регионах Приволжского федерального округа

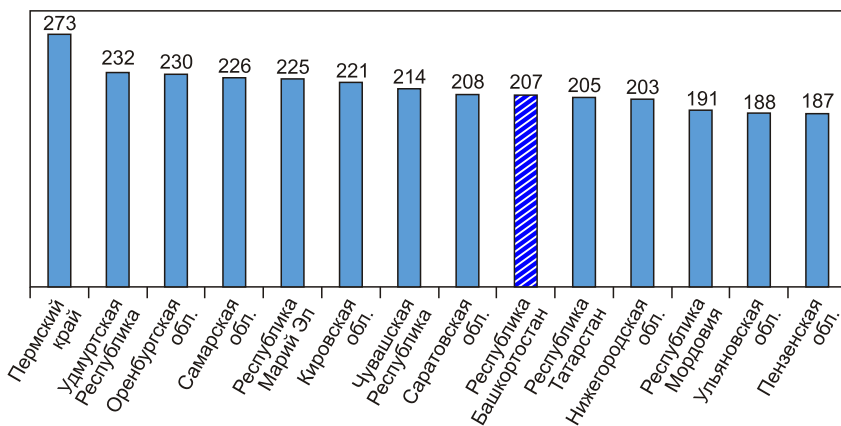

Рис. 4. Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, в регионах Приволжского федерального округа на начало 2021/2022 уч.г. в расчете на 10 тыс. чел. населения, чел.

Источник: построено по данным статистического сборника «Регионы России: Социально-экономические показатели 2023»

(URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf)

образовательных программ, усиление взаимодействия с работодателями, повышение квалификации преподавателей и улучшение материально-технической базы учреждений СПО.

О сложном положении в сфере послевузовского образования свидетельствует тот факт, что численность аспирантов с 2010 по 2023 г. снизилась более чем в 2 раза, докторантов – более чем в 4 раза. Если в 2015 г. каждый четвертый выпускался из аспирантуры с защитой диссертации, то в 2020 г. – каждый десятый. Такая ситуация говорит о кризисных явлениях в системе послевузовского образования. Данный фактор имеет важное значение для оценки уровня жизни работающего населения, так как образование является ключевым компонентом индекса человеческого развития, а послевузовское образование играет важную роль в повышении уровня жизни населения региона, способствуя экономическому росту, улучшению качества социальных услуг и развитию инноваций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интегральный показатель, характеризующий уровень жизни работающего населения, в целом является непротиворечивым индикатором в рамках так называемого ИЧР-подхода. Так, если при оценке согласно традиционному подходу Республика Башкортостан занимала 40-е место среди регионов Российской Федерации, то при оценке по предложенному методу «ИЧР-регион» – 41-е место. При оценке по разработанной авторами методике для работающих слоев населения в 2021 г. республика занимала 35-е место. Это вполне объяснимо: если ИЧР-регион характеризует уровень жизни всего населения, то ИЧР-труд – уровень жизни работающих (заметную часть от всего населения).

В рассматриваемые годы значения ИЧР-труд значительно колеблются, что сказывается и на позициях республики в рейтингах регионов ПФО и страны в целом. Если в 2013 г. значение этого показателя было выше среднего по ПФО, то в последующие годы он стал снижаться. Это произошло за счет уменьшения значений индексов жизнеспособности и образования.

Предложенная методика оценки уровня жизни работающего населения на основе интегрального показателя, включающего экономические, демографические и социальные компоненты, в дальнейшем может быть использована при разработке рекомендаций, а также при определении направлений по улучшению уровня и качества жизни работающего населения в регионах Российской Федерации.

Перспективным направлением исследования может быть анализ изменения показателя ИЧР-труд и его компонентов в динамике в регионах с высоким, средним и низким его значениями, а также выявление факторов, влияющих на изменение данного показателя.

Следует подчеркнуть, что в рамках проведенного исследования авторы не преследовали цель формирования принципиально новых показателей. Основное внимание было сосредоточено на адаптации существующего подхода к оценке уровня жизни работающего населения с опорой на три ключевых субиндекса, используемых в методологии расчета индекса человеческого развития. Это позволило сохранить преемственность с общепризнанными международными стан-

дартами, одновременно адаптируя методику к специфике российской действительности и задачам анализа уровня жизни работающего населения. Серьезным преимуществом предлагаемой методики является то, что она дает возможность проводить межрегиональные сравнения и сопоставления уровней жизни работающих слоев населения.

Представленная методика находится на начальной стадии разработки, и в дальнейшем планируются ее последовательное совершенствование и развитие. В рамках текущего исследования особое внимание уделено субиндексу «образование», что обусловлено возрастающей актуальностью проблем, связанных с различными аспектами развития образовательной системы.

Анализ остальных показателей требует дополнительных исследований, что связано с отставанием социально-экономического развития Республики Башкортостан по сравнению с другими регионами. Это отставание наглядно демонстрируется динамикой валового регионального продукта на душу населения. Если в 2012 г. данный показатель в республике превышал среднее значение по Приволжскому федеральному округу, то к 2021 г. он снизился и оказался на 11,3% ниже среднего по ПФО.

Одной из ключевых проблем региона является высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте, что, по мнению авторов, связано с неблагоприятной ситуацией в сельской местности, особенно в сфере здравоохранения. Так, ожидаемая продолжительность жизни городского населения Республики Башкортостан практически соответствует среднероссийскому уровню, тогда как для сельского населения этот показатель на 0,42 года ниже, что указывает на значительное отставание от общероссийских значений.

Экономическое неравенство между городским и сельским населением также является важным фактором, влияющим на социально-экономическое развитие региона. Доля сельских жителей составляет 37,4% от общей численности населения Республики Башкортостан, при этом их доходы, по оценкам, на 25% ниже, чем у городского населения. Уровень бедности среди занятых в экономике сельской местности достигает 9,2%, что подчеркивает необходимость разработки дополнительных мер поддержки.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд рекомендаций в части совершенствования социально-экономической политики Республики Башкортостан. Могут быть рекомендованы:

- модернизация системы образования и повышение ее конкурентоспособности, направленные на повышение привлекательности местных учебных заведений для молодежи с целью сокращения миграционного оттока абитуриентов в другие регионы;
- улучшение качества жизни в сельской местности, базирующееся на создании новых рабочих мест и поддержке сельскохозяйственного производства;
- разработка и внедрение адресных социально-экономических программ;
- укрепление системы здравоохранения и реализация программ по снижению смертности в трудоспособном возрасте, включая усиление профилактической медицины, повышение доступности и качества медицинской помощи, особенно в сфере борьбы с инфекционными и паразитарными заболеваниями, а также болезнями органов пищеварения. Дополнительно следует рассмотреть меры по улучшению экологической ситуации и условий труда, что также может способствовать снижению уровня смертности.

Для более точного учета потребностей различных групп населения рекомендуется разработать и внедрить индексы человеческого развития для городской и сельской местности. Это позволит выявить ключевые проблемы и выработать адресные меры поддержки, такие как программы повышения квалификации, стимулирования занятости и улучшения жилищных условий. Важно также обеспечить мониторинг и оценку эффективности реализуемых программ для их своевременного корректирования.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период
2026 и 2027 годов*

Список источников

1. Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 23–41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603.
2. Антонова О.А. Методологические подходы к оценке качества трудовой жизни занятого населения региона // Дискуссия. – 2023. – № 1 (116). – С. 16–34. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-1-116-16-34.
3. Аслаева С.Ш., Гайсина А.Ш., Каримов А.Г. Эконометрический анализ факторов бедности работающего населения // АНИ: экономика и управление. – 2021. – № 2 (35). – С. 65–68. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0002.
4. Баймурзина Г.Р., Кадыров С.Х., Кабашиова Е.В. Глава 2.3: Уровень и качество жизни населения // Республика Башкортостан: Демографический доклад / Под ред. В.Л. Савичева, Г.Ф. Ахметовой, Р.М. Валиахметова, Я.А. Скрыбиной, Р.Н. Комлевой, И.Б. Утяшевой. – Уфа: УУНиТ, 2023. – Вып. 5. – С. 173–183.
5. Бобков В.Н., Одицова Е.В. Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10.
6. Вартанова М.Л. К вопросу о дифференциации индексов развития человеческого потенциала // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 36 (4). – С. 68–78. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-11272.
7. Гаркуша Е.А. Показатели уровня жизни и доходов работающего населения в рыночной экономике // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2012. – № 1.
8. Журавлева Т.А., Зубанова А.Е., Сороквашина Ю.С. Проблемы бедности, включая бедность работающего населения // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – Т. 20, № 12 (519). – С. 2294–2312. DOI: 10.24891/ea.20.12.2294.
9. Землянухина Н.С., Землянухина С.Г., Павлова И.Д. Уровень и качество жизни населения России: факторы формирования и пути повышения. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2022. – 256 с. – URL: <https://books.sgu.ru/monographs/978-5-292-04796-4> (дата обращения: 21.04.2024).
10. Леонидова Г.В., Басова Е.А. Социальная политика региона и проблемы «работающих бедных» в контексте качества трудовой жизни // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3 (107). – С. 7–26. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1
11. Меньшикова О.И. Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни // Мир новой экономики. – 2020. – № 14 (3). – С. 15–26. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26.

12. *Разумов А.А., Селиванова О.В.* Основные причины и характеристики бедности работающего населения // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 52 (3). – С. 68–79. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79.

13. *Рюмина Е.В.* Экологически скорректированный индекс человеческого развития // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 1. – С. 4–12. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.1.

14. *Рябушкин Н.Н., Капелюк С.Д.* Работающие бедные в России: оценка масштабов проблемы // Экономика труда. – 2020. – № 6. – С. 489–498. DOI: 10.18334/et.7.6.110529.

15. *Селиванова О.В., Разумов А.А.* Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385.

16. *Стофарандова В.В., Абдусаламова Р.А.* Основные особенности и перспективы индекса человеческого развития в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 9А. – С. 122–130. DOI: 10.34670/AR.2022.36.10.008.

17. *Федотов А.А.* Интегральный индекс человеческого развития и классификация регионов страны по различным его аспектам // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 8 (66). – С. 190–197. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10675.

18. *Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса* / Под общ. ред. В.П. Колесова. – М.: Права человека, 2008. – 636 с.

19. *Assa J.* Less is more: The implicit sustainability content of the human development index // Ecological Economics. – 2021. – Vol. 185. – 107045. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2021.107045.

20. *Caniago M.A.I., Wibowo M.G.* Determinants of Human Development Index in Indonesia with Maqashid Sharia approach // Jurnal Ilmiah Ekonomi Islam. – 2024. – Vol. 10, No. 1. DOI: 10.29040/jiei.v10i1.12353.

21. *Filandri M., Struffolino E.* Working poor: lavoratori con basso salario o occupati che vivono in famiglie povere? Un’analisi del fenomeno in Italia prima e dopo la crisi // Sociologia del lavoro. – 2013. – Vol. 131, No. 3. – P. 190–205.

22. *It’s More than Poverty: Employment Precarity and Household Well-Being* / Lewchuk W., Lafleche M., Dyson D., Goldring L., Meisner A., Procyk S., Rosen D., Shields J., Viducis P., Vrankulj S. – Toronto: United Way of Greater Toronto; McMaster University, 2023. – 115 p.

23. *Mangaraj B.K., Aparajita U.* Constructing a generalized model of the human development index // Socio-Economic Planning Sciences. – 2020. – Vol. 70. – 100778. DOI: 10.1016/j.seps.2019.100778.

24. *Pembroke S.* Precarious Work Precarious Lives: How Policy Can Create More Security. – Dublin: TASC, 2018. – 117 p.

25. *Pena-Casas R., Ghailani D., Spasova S., Vanhercke B.* In-Work Poverty in Europe: A Study of National Policies. – Brussels: European Commission, 2019. – 171 p. (European Social Policy Network). DOI:10.2767/31835.

Информация об авторах

Каримов Айбулат Галимьянович (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, и.о. директора Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: karaigal@gmail.com.

Кадыров Салават Хисматович (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, Проспект Октября, 71). E-mail: kadyrovsh@isi-rb.ru.

Кабашова Елена Владимировна (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, Проспект Октября, 71).

DOI: 10.15372/REG20250307

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 163–193

A.G. Karimov, S.Kh. Kadyrov, E.V. Kabashova

ASSESSMENT OF THE STANDARD OF LIVING OF THE WORKING POPULATION IN THE REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT BASED ON THE HDI APPROACH

At present, the assessment of the standard of living of the working segments of the population is of particular relevance. The purpose of the study is to adapt the traditional methodology of the HDI approach to assessing the standard of living of the working population in the regions of the Volga Federal District (PFD). The methodology proposed by the authors for calculating the human development index (HDI) of the working population, called “HDI-labor”, includes the following components: 1) the index of median wages, correlated with the cost of a fixed set of consumer goods and services (salary purchasing power index); 2) the index of viability of the working-age population; 3) the in-

dex of education, based on the number of students of secondary specialized and higher educational institutions per 10 thousand people of the population.

A rating of the regions of the Russian Federation supported by calculations of the new HDI-labor indicator based on data for 2013, 2015, 2017, 2019 and 2021 indicates that the Republic of Bashkortostan in 2021 dropped two positions compared to 2013, taking 35th place. The article also provides comparisons of HDI-labor with HDI-region as a whole and by their components. In 2021, the value of HDI-labor in the Republic of Bashkortostan was 0.375, including the purchasing power index of the median wage – 0.359, the vitality index – 0.311, the education index – 0.454.

The value of obtained results is to complement the methodology for assessing the standard of living of the working population based on the HDI approach. This methodology for assessing the standard of living of the working population based on an integral indicator is suggested for use while developing recommendations for improving the standard of living of the working population in the regions of the Russian Federation.

Keywords: standard of living of the population; human development index; labor; working population; working age; mortality in working age; median salary; education

For citation: *Karimov, A.G., S.Kh. Kadyrov & E.V. Kabashova*. (2025). Otsenka urovnya zhizni rabotayushchego naseleniya na osnove IChR-podkhoda v regionakh Privolzhskogo federalnogo okruga [Assessment of the standard of living of the working population in the regions of the Volga Federal District based on the HDI approach]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 163–193. DOI: 10.15372/REG20250307.

This research was carried out as part of the state assignment UFRC RAS No. 075-00571-25-00 for 2025, 2026 and 2027 planning periods

References

1. *Anikin, V.A. & E.D. Slobodenyuk*. (2021). Bednost rabotayushchikh: kak izmenilis determinanty v Rossii za 20 let? [In-work poverty in Russia: How determinants have changed over the 20 years?]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika [Sociological Science and Social Practice], Vol. 9, No. 4, 23–41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603.

2. *Antonova, O.A.* (2023). Metodologicheskie podkhody k otsenke kachestva trudovoy zhizni zanyatogo naseleniya regiona [Methodological approaches to assessing the quality of work life of the employed population of the region]. *Diskussiya* [Discussion], 1 (116), 16–34. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-1-116-16-34.

3. *Aslaeva, S.Sh., A.Sh. Gaysina & A.G. Karimov.* (2021). Ekonometricheskii analiz faktorov bednosti rabotayushchego naseleniya [Econometric analysis of poverty factors of the working population]. *ANI: ekonomika i upravlenie* [ANI: Economics and Management], 2 (35), 65–68. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0002.

4. *Baymurzina, G.R., S.Kh. Kadyrov & E.V. Kabashova.* (2023). Glava 2.3: Uroven i kachestvo zhizni naseleniya [Chapter 2.3: The standard and quality of life of the population]. In: V.L. Savichev, G.F. Akhmetova, R.M. Valiakhmetov, Ya.A. Scryabina, R.N. Komleva & I.B. Utyasheva (Eds.). *Respublika Bashkortostan: Demograficheskiy doklad* [The Republic of Bashkortostan: Demographic report], Iss. 5. Ufa, Ufa University of Science and Technology Publ., 173–183.

5. *Bobkov, V.N. & E.V. Odintsova.* (2020). Nizkie uroven i kachestvo zhizni ekonomicheski aktivnogo naseleniya: kriterii identifikatsii i otsenka rasprostranennosti [Low level and quality of life among economically active population: identification criteria and assessment of occurrence]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 13, No. 5, 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10.

6. *Vartanova, M.L.* (2021). K voprosu o differentsiatsii indeksov razvitiya chelovecheskogo potentsiala [On the issue of differentiation of human development indices]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities Research], 36 (4), 68–78. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-11272.

7. *Garkusha, E.A.* (2012). Pokazateli urovnya zhizni i dokhodov rabotayushchego naseleniya v rynochnoy ekonomike [Indicators of living standards and income of the working population in a market economy]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 1.

8. *Zhuravleva, T.A., A.E. Zubanova & Yu.S. Sorokvashina.* (2021). Problemy bednosti, vkluchaya bednost rabotayushchego naseleniya [Poverty issues, including the working poverty in Russia]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], Vol. 20, No. 12 (519), 2294–2312. DOI: 10.24891/ea.20.12.2294.

9. *Zemlyanukhina, N.S., S.G. Zemlyanukhina & I.D. Pavlova.* (2022). Uroven i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: faktory formirovaniya i puti povysheniya [The Standard and Quality of Life of the Russian Population: Factors of Formation and Ways of Improvement]. Saratov, Saratov University Press, 256. Available at: <https://books.sgu.ru/monographs/978-5-292-04796-4> (date of access: 21.04.2024).

10. *Leonidova, G.V. & E.A. Basova.* (2020). Sotsialnaya politika regiona i problemy "rabotayushchikh bednykh" v kontekste kachestva trudovoy zhizni [The region's social policy and the "working poor's" problems in the context of the working life quality]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 3 (107), 7–26. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1.

11. *Menshikova, O.I.* (2020). Uroven blagosostoyaniya trudospobnogo naseleniya kak kontsentrirovannoe vyrazhenie kachestva trudovoy zhizni [The level of well-being of the working population as a concentrated expression of the quality of working life]. *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], 14 (3), 15–26. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26.

12. *Razumov, A.A. & O.V. Selivanova.* (2023). Osnovnye prichiny i kharakteristiki bednosti rabotayushchego naseleniya [The main causes and characteristics of working poverty]. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social & Labour Research], 52 (3), 68–79. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79.

13. *Ryumina, E.V.* (2020). Ekologicheski skorrektirovanny indeks chelovecheskogo razvitiya [The ecologically adjusted human development index]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 23, No. 1, 4–12. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.1.

14. *Ryabushkin, N.N. & S.D. Kapelyuk.* (2020). Rabotayushchie bednye v Rossii: otsenka masshtabov problemy [The working poor in Russia: assessment of the size of the problem]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labour Economics], 6, 489–498. DOI: 10.18334/et.7.6.110529.

15. *Selivanova, O.V. & A.A. Razumov.* (2023). Bednost rabotayushchego naseleniya: analiz osnovnykh tendentsiy i opyt regionov po snizheniyu ee urovnya [Working poverty: Main trends and regional experience to reduce its level]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], Vol. 10, No. 2, 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385.

16. *Stofarandova, V.V. & R.A. Abdusalomova.* (2022). Osnovnye osobennosti i perspektivy indeksa chelovecheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii [Main features and prospects of the human development index in the Russian Federation]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow], Vol. 12, No. 9A, 122–130. DOI: 10.34670/AR.2022.36.10.008.

17. *Fedotov, A.A.* (2020). Integralny indeks chelovecheskogo razvitiya i klassifikatsiya regionov strany po razlichnym ego aspektam [Integrated human development index and classification of the country's regions by different aspects]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 8 (66), 190–197. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10675.

18. *Kolesov, V.P.* (Ed.) (2008). Chelovecheskoe razvitie: novoe izmerenie sotsialno-ekonomicheskogo progressa [Human Development: A New Dimension of Socio-Economic Progress]. Moscow, Prava Cheloveka Publ., 636.

19. *Assa, J.* (2021) Less is more: The implicit sustainability content of the human development index. *Ecological Economics*, 185, 107045. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2021.107045.

20. *Caniago, M.A.I. & M.G. Wibowo.* (2024). Determinants of Human Development Index in Indonesia with Maqashid Sharia approach. *Jurnal Ilmiah Ekonomi Islam*, Vol. 10, No. 1. DOI: 10.29040/jiei.v10i1.12353.

21. *Filandri, M. & E. Struffolino.* (2013). Working poor: lavoratori con basso salario o occupati che vivono in famiglie povere? Un'analisi del fenomeno in Italia prima e dopo la crisi. *Sociologia del lavoro*, 131, 3, 190–205.

22. *Lewchuk, W., M. Lafleche, D. Dyson, L. Goldring, A. Meisner, S. Procyk, D. Rosen, J. Shields, P. Viducis & S. Vrankulj.* (2013). *It's More than Poverty: Employment Precarity and Household Well-Being.* Toronto, United Way of Greater Toronto, McMaster University, 115.

23. *Mangaraj, B.K. & U. Aparajita.* (2020). Constructing a generalized model of the human development index. *Socio-Economic Planning Sciences*, 70, 100778. DOI: 10.1016/j.seps.2019.100778.

24. *Pembroke, S.* (2018). *Precarious Work Precarious Lives: How Policy Can Create More Security.* Dublin, TASC, 117.

25. *Pena-Casas, R., D. Ghailani, S. Spasova & B. Vanhercke.* (2019). *In-Work Poverty in Europe. A Study of National Policies.* European Social Policy Network (ESPN). Brussels, European Commission, 171. DOI:10.2767/31835.

About Authors

Karimov, Aybulat Galimyanovich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Acting Director of the Institute of Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia). E-mail: karaigal@gmail.com.

Kadyrov, Salavat Khismatovich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Department of Socio-Political Research, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia). E-mail: kadyrovsh@isi-rb.ru.

Kabashova, Elena Vladimirovna (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Department of Socio-Political Research, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia).

Поступила в редколлегию 30.10.2024.

После доработки 08.04.2025.

Принята к публикации 15.04.2025.

© Каримов А.Г., Кадыров С.Х., Кабашова Е.В., 2025

И.В. Наумов, А.А. Бычкова

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РЕГИОНЕ

В статье на примере Свердловской области рассматриваются социально-экономические факторы миграции населения в муниципальных образованиях. Исследование основано на анализе концентрации пространственного распределения миграционных потоков с использованием совокупности методов автокорреляционного и регрессионного моделирования. Цель исследования состоит в определении значимых факторов, влияющих на миграционные потоки населения, с учетом пространственной взаимосвязи между муниципальными образованиями. Основные задачи анализа включают выявление и изучение статистически значимых показателей, влияющих на переселение людей. Миграционные потоки оказывают заметное влияние на демографическую структуру населения, а также на состояние местных и региональных рынков труда. За исследуемый период с 2010 по 2022 г. неравномерное распределение и повышенная концентрация мигрантов в крупных муниципальных образованиях усиливали отток жителей с малонаселенных территорий. Применение комплекса методов: оценки концентрации миграционных потоков, пространственной автокорреляции и пространственного регрессионного анализа – позволяет в полной мере определить зоны концентрации миграционных потоков и выявить факторы, влияющие на переселение в пределах Свердловской области, с дальнейшей целью использования результатов исследования для корректирования и планирования развития территории.

Ключевые слова: миграционные потоки; регион; факторы; региональное развитие; моделирование; автокорреляционный анализ; авторегрессионный анализ

Для цитирования: *Наумов И.В., Бычкова А.А.* Оценка влияния факторов на пространственное распределение миграционных потоков в регионе // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 194–224. DOI: 10.15372/REG20250308.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование миграционных потоков и факторов, влияющих на их динамику, является актуальной задачей в условиях глобализации и значительных изменений в социально-экономической и политической сферах. Перемещение населения не только оказывает непосредственное влияние на демографические процессы, но и играет важную роль в социально-экономическом развитии отдельных территорий.

Миграционные потоки в России в последние десятилетия изменяются под воздействием различных факторов. Старение населения и низкий уровень рождаемости приводят к необходимости привлечения трудовых ресурсов из других регионов и стран. По сравнению с 1990 г. (21% от численности населения страны) численность пожилых людей в России в целом выросла на 34,6%. В настоящее время в РФ в целом и в Свердловской области в частности сохраняется тенденция старения населения. В 2022 г. в Свердловской области проживало более 1,2 млн граждан старшего поколения, что составляет 28,6% от населения региона в 4,264 млн чел.¹ При этом в области родилось 36,7 тыс. чел., а скончалось почти 54 тыс. чел. Таким образом, уровень смертности на 32% превысил уровень рождаемости².

Социальные и демографические изменения влияют на концентрацию миграционных потоков, что впоследствии отражается на уровне устойчивого развития регионов и страны в целом. Актуализация ин-

¹ См.: *Численность населения* / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Предварит.числ._2022.htm?ysclid=m6fxxqwwaxt842487767 (дата обращения: 24.01.2025).

² См.: *Демография* / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698?ysclid=m6fxroq880640663429> (дата обращения: 24.01.2025).

формации и систематический мониторинг исследований, посвященных миграции, позволяют определять, какие факторы оказывают влияние на активность перемещения граждан, и понимать, как это может отразиться на дальнейшем социально-экономическом развитии регионов. Однако в России из-за больших масштабов ее территорий наблюдается недостаток мониторинга факторов, которые влияют на миграционные потоки между муниципальными образованиями. Это создает проблемы при разработке стратегических концепций территориального развития и формировании новых социально-экономических процессов.

Научная проблема заключается в недостаточной изученности факторов распределения миграционных потоков между муниципальными образованиями, что осложняет принятие обоснованных решений по развитию территорий органами государственной и муниципальной власти. Учет этих факторов особенно важен в условиях постоянных изменений в социально-экономической ситуации, когда миграционные потоки могут быть как причиной, так и следствием изменений на территории. В этом контексте важно не только выделять ключевые факторы, влияющие на миграцию, но и изучать их взаимосвязь, что позволит более эффективно планировать развитие регионов.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении факторов, оказывающих влияние на пространственное распределение миграционных потоков в России, и построении моделей, которые позволят прогнозировать изменения миграции в будущем. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) определение факторов, влияющих на миграцию; 2) исследование взаимосвязи различных факторов переселения; 3) проведение анализа полученных результатов с целью выработки рекомендаций для управления миграционными процессами на региональном уровне.

Гипотеза исследования заключается в том, что высокая миграционная привлекательность отдельных муниципальных образований может негативно сказываться на развитии соседних территорий. Концентрация населения и ресурсов в крупных центрах приводит к оттоку человеческого капитала и ослаблению социально-экономического потенциала окружающих муниципалитетов.

Научная новизна исследования состоит в предложении методического подхода к оценке и моделированию миграционных потоков на макроэкономическом уровне. Этот подход включает расчет концентрации миграционного прироста в муниципальных образованиях с использованием статистики Херфиндаля – Хиршмана, проведение пространственного автокорреляционного анализа на основе методики П. Морана с применением различных матриц пространственных весов для кластеризации территорий по миграционному приросту. Важным элементом исследования является использование пространственного авторегрессионного моделирования (SAR), что позволяет точно учитывать факторы влияния соседних территорий на динамику миграционных потоков. Эти методы дают возможность не только изучать текущие миграционные потоки, но и строить прогнозы, которые могут служить основой для разработки эффективных стратегий управления миграцией на различных уровнях.

Данное исследование направлено на углубленное изучение миграционных потоков, выявление факторов, определяющих их динамику, и на разработку рекомендаций по управлению миграцией в рамках стратегического планирования развития территорий.

АКТУАЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ ДИНАМИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Миграционные потоки представляют собой сложное социально-экономическое явление, которое оказывает глубокое влияние на экономическую структуру, демографическую динамику и социальное развитие как отдельных стран, так и регионов. Внутренняя миграция как одна из форм переселения людей имеет особое значение для социально-экономического развития на различных уровнях государства.

Исследования миграции на муниципальном уровне. В российской научной традиции значительное внимание уделяется изучению внутривосточной миграции между муниципальными образованиями. Е.С. Вакуленко, Н.В. Мкртчян и К.К. Фурманов [2] на материалах Алтайского, Пермского краев и Чувашской Республики (2001–2008 гг.) выявили ключевые экономические детерминанты миграции: уровень

безработицы, уровень заработной платы, количество предприятий и численность занятых. Эти показатели оказались значимыми для понимания миграционной привлекательности конкретных муниципалитетов [1].

Дальнейшее развитие этого направления представлено в исследованиях А.Г. Шеломенцева, К.С. Гончаровой и Л.В. Ворониной [7], где разработаны эконометрические модели миграционной динамики для арктических муниципальных образований. Особую ценность представляет предложенный авторами подход к кластеризации муниципалитетов по социально-экономическим характеристикам, позволяющий учитывать региональную специфику миграционных процессов.

Методы анализа пространственного распределения миграции.

Современные методы исследования межтерриториальных миграционных потоков развиваются в нескольких направлениях. Ю.В. Дубровская и Е.В. Козоногова [4] адаптировали гравитационную модель для анализа территориальных взаимодействий, включив в нее индексы научно-технического потенциала, качества жизни и инфраструктурного развития. Этот подход продемонстрировал значение кооперационных связей между территориями для снижения региональной дифференциации. Работа Е.Х. Тухтаровой фокусируется на анализе влияния внешней трудовой миграции на человеческий капитал и ВРП, косвенно отражающем спрос на рабочую силу в российских регионах, на основе двухуровневого подхода, включающего вычисление эконометрических показателей и анализ взаимосвязей между показателями по каждому году для 83–85 субъектов РФ [6]. Этот подход позволяет выявить закономерности, определяющие привлекательность российских регионов для иностранных работников, а также направления воздействия миграции на человеческий капитал.

Метод косвенной оценки объема миграционных потоков, предложенный Г. Абелем, включает использование модели регрессии Пуассона для оценки миграции за период с 1965 по 2015 г. [8]. Такой подход позволяет не только количественно оценить миграционные потоки, но и выделить факторы, оказывающие влияние на изменения в миграции, что имеет большое значение для прогнозирования будущих тенденций.

Значительный методологический прорыв представлен в работе Ф. Коттье [9], где традиционная гравитационная модель дополнена байесовскими иерархическими моделями со случайными перехватами. Такой подход существенно повысил точность прогнозирования миграционных потоков, особенно при учете климатических факторов и временной динамики. Глобальный контекст миграционных процессов раскрыт в исследованиях Д.Ф. Леала и Н.Л. Хардера [11], где применена стохастическая акторно-ориентированная модель сетевой динамики. Этот метод позволил проанализировать сложную структуру международных миграционных потоков за 25-летний период, выявив закономерности взаимодействия между странами с разным уровнем развития. Особого внимания заслуживает концепция Р. Скелдона [13], акцентирующая взаимосвязь между социально-экономической модернизацией и трансформацией миграционных моделей. Его пространственно-временной подход объясняет эволюцию миграционных потоков в условиях глобализации.

Исследования как российских, так и зарубежных ученых вносят значительный вклад в понимание потоков миграции, их причин и последствий для социально-экономического развития регионов и стран. Эти исследования позволяют глубже осмыслить миграционные потоки и прогнозировать их будущее развитие, что важно для формирования эффективной миграционной политики на национальном и региональном уровнях.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современных условиях миграционные потоки играют важную роль в социально-экономическом развитии регионов. Особое внимание в данном исследовании уделяется анализу факторов, определяющих миграционные потоки на уровне муниципальных образований.

Предлагаемый методический подход включает следующие этапы:

первый – выявление территориальной дифференциации миграционных потоков (расчет показателей концентрации миграционного прироста по муниципальным образованиям макрорегиона);

второй – оценка пространственных взаимосвязей миграционных потоков (проведение автокорреляционного анализа с использованием статистики Морана);

третий – определение факторов миграционной динамики с учетом пространственных эффектов (построение пространственных авторегрессионных SAR-моделей).

В дополнение к основному комплексному подходу оценки динамики миграционных потоков и влияющих на них социально-экономических факторов в данном исследовании введен *четвертый этап* – прогнозирование развития миграционных потоков (разработка сценарных прогнозов на основе ARIMA-моделирования).

Первый этап подразумевает расчет концентрации миграционного прироста. Это дает возможность оценить зоны скопления мигрантов в отдельных муниципалитетах при помощи статистики Херфиндаля – Хиршмана (формула ((1)), представляющей собой сумму квадратов значений C_i (формула (2)), и служит для оценки степени пространственной неоднородности распределения миграционных потоков [10]:

$$HHI = \sum_{i=1}^n C_i^2; \quad (1)$$

$$C_i = \frac{V_i}{V_n} \cdot 100, \quad (2)$$

где HHI – индекс концентрации миграционного прироста в макро-регионе; C_i – уровень концентрации миграционного прироста в муниципальном образовании макрорегиона, %; V_i – объем миграционного прироста в отдельном муниципальном образовании; V_n – совокупный объем миграционного прироста по всем муниципальным образованиям макрорегиона.

Высокая концентрация миграционных потоков в определенных муниципальных образованиях может свидетельствовать о наличии факторов, способствующих притоку населения, таких как высокий уровень социально-экономического развития, наличие рабочих мест, развитая инфраструктура и др. В то же время низкие значения этого показателя могут указывать на более равномерное распределение миграционных потоков по территории региона.

На втором этапе с использованием метода П. Морана исследуется уровень взаимосвязи миграционных потоков между соседними муниципальными образованиями. Локальный индекс Морана применяется для выявления кластеров, где наблюдается высокая или низкая концентрация миграционных потоков. Формулы для их расчетов приведены ниже [12]:

$$I_G = \frac{N}{\sum_{i,j} w_{ij}} \frac{\sum_{i,j} w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2}; \quad (3)$$

$$I_{Li} = N \frac{(x_i - \bar{x}) \sum_j w_{ij} (x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где I_G – глобальный индекс; I_{Li} – локальный индекс; N – общее количество регионов; x_i и x_j – значения миграционных потоков в регионах i и j ; \bar{x} – среднее значение миграционного потока; w_{ij} – весовая матрица, показывающая пространственные отношения между территориями.

Используемый в рамках данного исследования миграционных потоков метод П. Морана позволяет выявить, насколько активность перемещений потоков в одном муниципалитете связана с процессами на соседних территориях, что необходимо учитывать для принятия эффективных управленческих решений.

На третьем этапе для учета пространственных эффектов и влияющих факторов, связанных с воздействием соседних территорий, предполагается формирование пространственной регрессионной модели с пространственным лагом (SAR – spatial autoregressive model) [3], что значительно повысит точность и обоснованность выводов исследования:

$$\ln(V_{it}) = \beta_1 \ln(C_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \beta_3 \ln(WV_{it}) + \epsilon_{it}, \quad (4)$$

где V_{it} – оцениваемый признак, обладающий высоким уровнем пространственной неоднородности; $\ln(C_{it})$ – факторы пространственной неоднородности оцениваемого признака; $\beta_1, \beta_2, \beta_3$ – совокупность прочих факторов, влияющих на оцениваемый признак; $\beta_1, \beta_2, \beta_3$ – коэффициенты эластичности; WV_{it} – пространственно взвешенные значения оцени-

ваемого признака, обладающего высоким уровнем пространственной неоднородности; β – коэффициент пространственной авторегрессии; it – нормально распределенные по времени t и территориям i случайные величины.

Это дает возможность построить более точные прогнозы динамики миграционных потоков, принимая во внимание сложные пространственные взаимодействия между муниципальными образованиями. Метод пространственной авторегрессии, в сравнении с традиционными, позволяет более точно моделировать влияние миграции на социально-экономическое развитие региона, учитывая внутренние и внешние факторы.

На заключительном этапе используется один из важных методов для оценки динамики миграционных потоков и прогнозирования – авторегрессионная интегрированная модель скользящего среднего (ARIMA) [5]. Ее преимущество состоит в учете временных параметров данных, включая сезонные колебания и долгосрочные тренды, характерные для миграционных процессов.

Данный комплексный методический подход к исследованию миграционных потоков позволяет выявить их динамику, концентрацию и территориальное распределение. Это дает возможность не только определить основные закономерности и факторы миграции, но и спрогнозировать дальнейшие изменения. Особую актуальность такой подход приобретает в условиях неравномерного распределения миграционных потоков между территориями, когда одни муниципалитеты переживают отток населения, а другие – его приток. Анализ пространственных взаимосвязей помогает выявлять причины подобных диспропорций и разрабатывать меры по их устранению, способствуя тем самым сбалансированному развитию регионов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования миграционных потоков на территории Свердловской области использованы официальные данные Росстата об объеме совокупного миграционного прироста (без разделения на виды миграции и без учета гендерного признака) по 69 муниципальным

образованиям³, другие территории муниципалитетов были исключены из-за отсутствия данных по ним за исследуемый период 2012–2022 гг. Работа основывается на предложенной комплексной методике.

На *первом этапе* исследования проводится оценка уровня концентрации миграционных потоков, используемый индекс Херфиндаля – Хиршмана отражает степень равномерного распределения мигрантов между различными муниципальными образованиями области. Это позволяет определить наиболее привлекательные для миграции территории и те, которые испытывают сложности в развитии. Результаты оценки уровня концентрации миграционных потоков представлены на рис. 1 и 2. С целью повышения достоверности результатов оценки в исследовании был применен показатель миграционных потоков, отражающий сальдированный результат процесса миграции, – миграционный прирост, который был разделен на приток и отток. Это позволило построить более точную и полную картину миграционных потоков в регионе.

Анализ миграционного оттока по муниципальным образованиям Свердловской области выявил значительные различия в уровне перемещения населения между территориями региона. Наиболее высоким уровнем миграционного оттока (больше 10%) характеризуется г. Екатеринбург, согласно интегральному рейтингу социально-экономического развития (далее используется термин «ранг») муниципальных образований (г. Екатеринбург имеет высокий ранг, равный 1)⁴, однако уровень развития социальной сферы и показатель реализации национальных проектов умеренно низкие. Столица области, будучи крупным центром притяжения мигрантов, демонстрирует интенсив-

³ См.: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ См.: *Интегральный рейтинг социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области* / Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. – URL: <https://economy.midural.ru/upload/uf/fdb/h9s6b18jiw2s0o5jvkvx7951o2kqruzet/Integralnyu-reyting-MO.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).

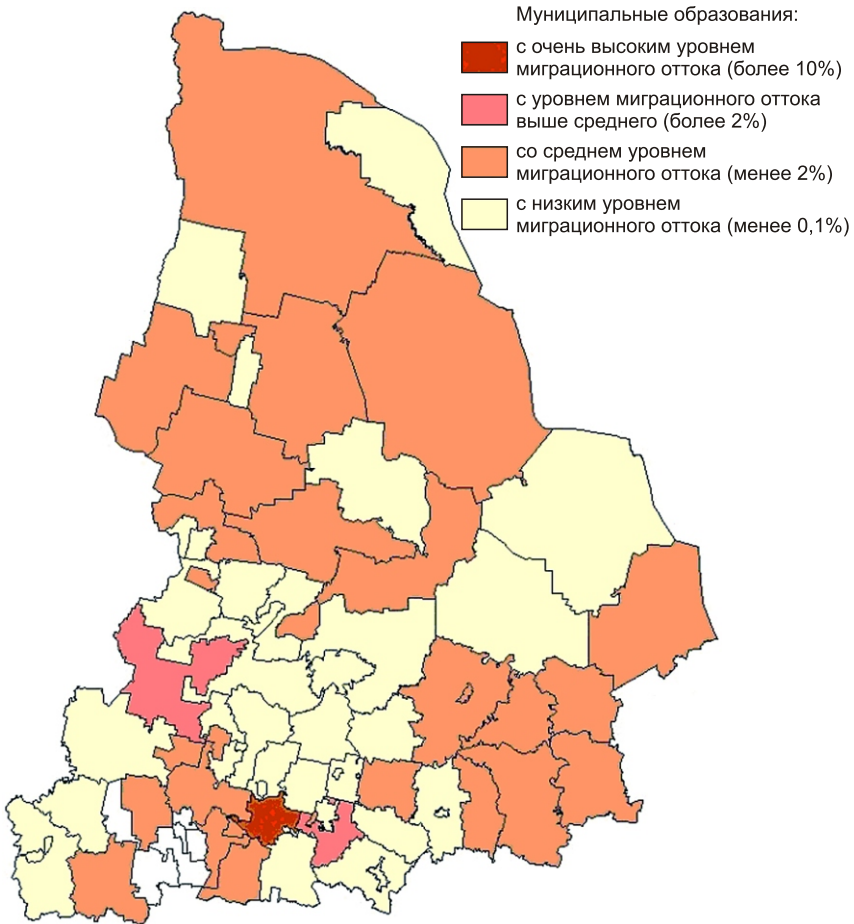

Рис. 1. Уровень концентрации миграционного оттока в муниципальных образованиях Уральского федерального округа в 2022 г.

Примечание: белым цветом отмечены закрытые административно-территориальные образования, статистические данные по которым являются конфиденциальными в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4, п. 5; ст. 9, ч. 1)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

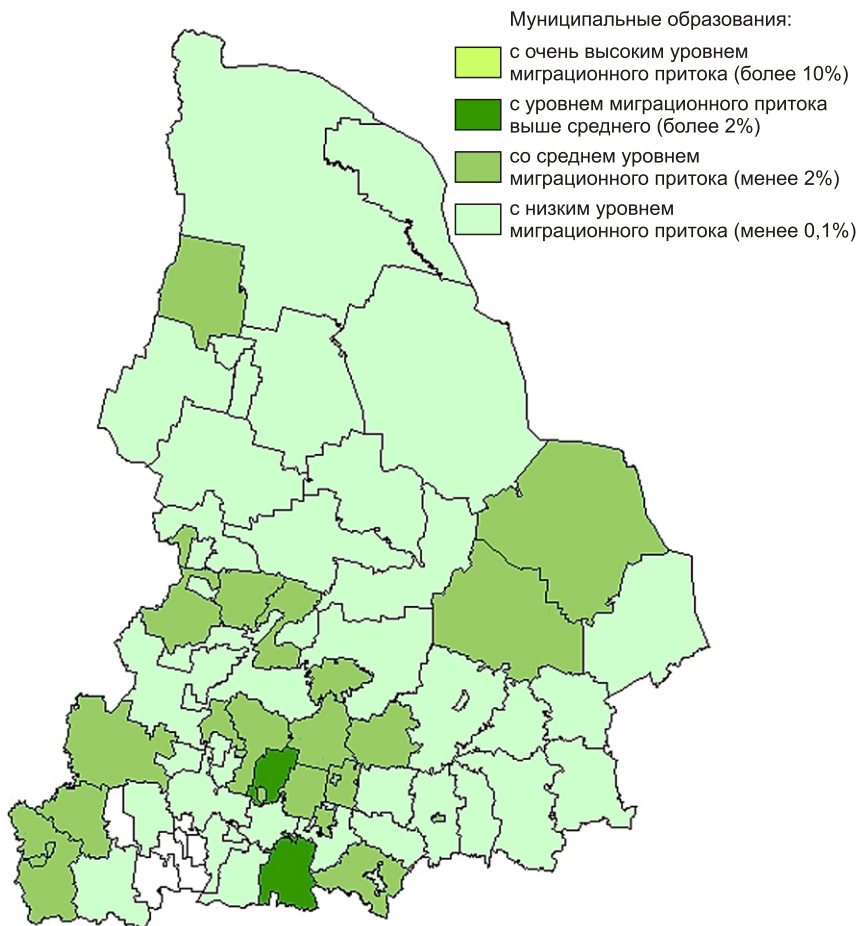

Рис. 2. Уровень концентрации миграционного притока в муниципальных образованиях Уральского федерального округа в 2022 г.

Примечание: белым цветом отмечены закрытые административно-территориальные образования, статистические данные по которым являются конфиденциальными в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4, п. 5; ст. 9, ч. 1)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

ное движение населения одновременно в обоих направлениях, что связано с высокой мобильностью населения, специфическими социально-экономическими условиями и особенностями урбанизации.

К муниципальным образованиям с уровнем миграционного оттока выше среднего (более 2%) относятся г. Нижний Тагил и Белоярский городской округ (высокий ранг – 5 и 7 соответственно)⁵. Эти территории демонстрируют значительную динамику миграционных потоков, что может быть связано с высоким уровнем концентрации производственных мощностей, с развитием экономики, определяющим высокий спрос на рабочую силу⁶.

Средний уровень миграционного оттока (менее 2%) характерен для таких муниципальных образований, как городские округа Артинский, Бисертский, Новолялинский, Первоуральск, Ревда, Полевской, Карпинск и др. (низкий ранг в диапазоне от 15 до 20)⁷. Эти муниципалитеты имеют высокие уровни инициативного бюджетирования, инвестиций в основной капитал предприятий, развития социальной сферы, характеризуются умеренным ростом рождаемости и снижением уровня развития волонтерских направлений в муниципальных образованиях, которые обеспечивают умеренную стабильность миграционных потоков.

Муниципальные образования с низким уровнем миграционного оттока (менее 0,1%) выделяются как территории с наименьшей мобильностью населения. К ним относятся, например, муниципальное образование Красноуфимский округ, городской округ Красноуфимск, Ачитский городской округ и др. Такие территории, как правило, характеризуются стабильно высоким социально-экономическим положением (имеют умеренно высокий ранг – в диапазоне от 7 до 9)⁸, обладают узкой специализацией экономики, а также имеют высокий уровень инфраструктурного обеспечения, что снижает необходимость перемещения населения.

⁵ См.: *Интегральный рейтинг социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области.*

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Исследование миграционного притока показывает, что муниципальные образования с очень высоким уровнем притока (более 10%) отсутствуют. Однако уровень миграционного притока выше среднего (более 2%) характерен для таких территорий, как г. Верхняя Пышма, Сысертский городской округ и Арамилский городской округ (высокий ранг – от 2 до 7)⁹. Эти муниципалитеты имеют высокий объем строительства жилья, высокие темпы улучшения жилищных условий, высокий уровень развития социальной сферы и экономики, что способствует привлечению новых жителей.

Средний уровень миграционного притока (менее 2%) наблюдается в таких муниципальных образованиях, как Красноуфимский округ, Ачитский городской округ, Шалинский городской округ, Кушвинский городской округ, Североуральский городской округ и др. (умеренный ранг – от 13 до 18)¹⁰. Данные территории характеризуются сниженными показателями строительства жилья и улучшения жилищных условий, низким уровнем развития социальной сферы, что обуславливает умеренный приток населения.

К муниципальным образованиям с низким уровнем миграционного притока (менее 0,1%) относятся г. Краснотурьинск, Артинский муниципальный округ, г. Нижний Тагил, Карпинский городской округ и ряд других территорий (ранг ниже среднего – в диапазоне от 11 до 20)¹¹. Эти территории с низким притоком часто характеризуются стабильно низким уровнем развития социальной сферы, низкими объемами строительства жилья, низкими темпами улучшения жилищных условий, ухудшением демографической ситуации (снижением рождаемости) и снижением темпов реализации национальных проектов.

На *втором этапе* на основе оценки уровня концентрации выполнено моделирование миграционных потоков и проведен анализ пространственных эффектов по методу П. Морана за 2022 г. Построенная модель позволила выявить пространственные закономерности распределения миграционных потоков и определить значимые кластеры

⁹ См.: *Интегральный рейтинг социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области.*

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Таблица 1

**Результаты пространственной автокорреляции миграционных потоков
в Свердловской области за 2022 г.**

Переменные	Матрица линейных расстояний	Матрица линейных расстояний (нормированная)	Матрица смежных границ	Матрица смежных границ (нормированная)
Глобальный индекс Морана	-0,0122	-0,0084	-0,0292	-0,0407
$sd(I_i)$	0,00	0,00	0,0001	0,0001
$E(I_i)$	0,00	0,00	-0,000001	-0,000001
Z-оценка	-339	-283	-296	-292
P-значение	1,0	1,0	1,0	1,0

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

территорий с разными характеристиками миграционного притока и оттока (табл. 1). Использование различных матриц – линейных расстояний, смежных границ и их нормированных вариантов дало возможность получить целостную картину распределения миграционных потоков.

Глобальный индекс Морана для миграционных потоков продемонстрировал низкие значения, колеблющиеся от $-0,0122$ до $-0,0407$ в зависимости от выбранной матрицы. Это указывает на слабую отрицательную пространственную автокорреляцию, свидетельствующую об отсутствии выраженной тенденции к кластеризации миграционных потоков на уровне всей области. Вместе с тем статистическая незначимость глобальных индексов ($p\text{-value}=1,0$) подчеркивает отсутствие систематической пространственной структуры, что говорит о гетерогенности миграционных потоков. Однако локальный индекс Морана показал наличие территорий с высоким уровнем пространственной однородности, что позволяет выделить ключевые кластеры и полюса роста (рис. 3).

Анализ, выполненный на первом и втором этапах исследования, выявил последовательную и целостную картину территориальной

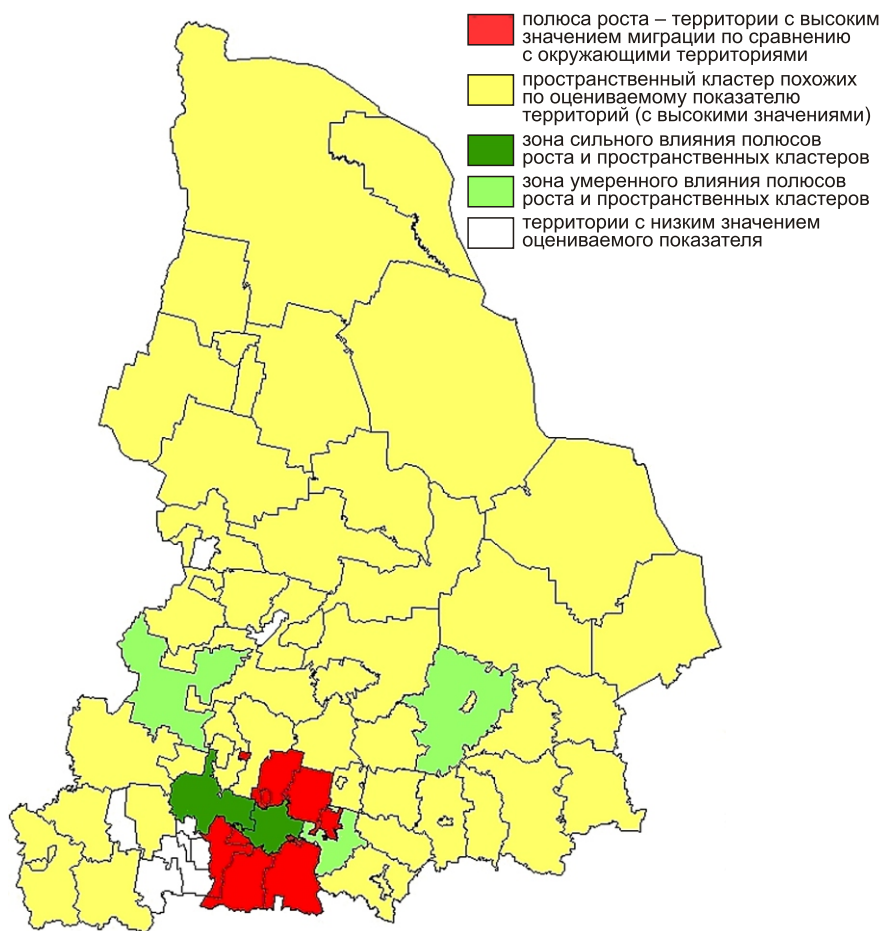

Рис. 3. Пространственная кластеризация муниципальных образований Свердловской области по распределению миграционного прироста в 2022 г.

Примечание: белым цветом отмечены закрытые административно-территориальные образования, статистические данные по которым являются конфиденциальными в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4, п. 5; ст. 9, ч. 1)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

дифференциации миграционных потоков в Свердловской области. На первом этапе применение индекса ННІ позволило оценить уровень концентрации миграционных потоков, выделив группу муниципальных образований с устойчиво высокими показателями притока населения (более 2%): городские округа Верхняя Пышма, Сысертский и Арамилский. Второй этап исследования, основанный на методе П. Морана, углубил понимание выявленных закономерностей, показав, что указанные муниципалитеты не просто являются точками притяжения мигрантов, но образуют устойчивые пространственные кластеры, выступая полюсами роста миграционного притока. Термин «полюс роста» в данном контексте означает не только текущие высокие показатели миграционного притока, но и способность этих территорий поддерживать положительную динамику за счет синергетического эффекта агломерации, создавая зону расширенного миграционного притяжения. Данный феномен может быть связан с благоприятным географическим положением, близостью к Екатеринбургу, наличием развитой инфраструктуры и широких возможностей для занятости.

Пространственный анализ подтвердил результаты первого этапа, на котором выделена группа муниципальных образований с притоком (менее 2%): Красноуфимский округ, городской округ Красноуфимск, Ачитский городской округ и ряд других территорий формируют устойчивые кластеры со стабильным уровнем миграционного притока. Эти кластеры имеют схожие характеристики экономического и социального развития, а также общие пространственные факторы, стимулирующие приток населения.

Также была выявлена взаимосвязь низкого уровня концентрации мигрантов (менее 0,1%) и кластера с умеренными значениями притока. К этому кластеру относятся, например, г. Нижний Тагил, Карпинский городской округ и ряд других территорий. Данные муниципальные образования испытывают влияние крупных экономических центров – «полюсов роста», что формирует смешанную миграционную динамику. Полученные результаты пространственного анализа позволяют утверждать, что миграционные потоки в Свердловской области характеризуются высокой степенью территориальной

дифференциации. Отсутствие значимой глобальной пространственной автокорреляции подчеркивает гетерогенность миграционной динамики на макроуровне, в то время как локальная пространственная автокорреляция выявляет ключевые территории в формировании миграционных потоков. Таким образом, наблюдается зависимость миграционных потоков от факторов социально-экономического развития муниципальных образований Свердловской области. Сопоставление результатов обоих этапов исследования подтверждает первоначальные выводы о дифференциации миграционной привлекательности территорий, одновременно добавляя важное пространственное измерение к анализу.

На *третьем этапе* исследования с целью выявления факторов, влияющих на миграционные потоки, проведен анализ пространственной авторегрессии методом SAR-моделирования. Изучение динамики миграционных потоков в макрорегионе требует учета множества социально-экономических факторов за период 2012–2022 гг., которые оказывают влияние на пространственную неоднородность переселения. Одним из наиболее эффективных инструментов для изучения таких взаимосвязей является SAR-модель, позволяющая выявить влияние на миграционные потоки как внутренних, так и внешних социально-экономических факторов (рис. 4). В качестве ключевой переменной рассматривался миграционный прирост в муниципальном образовании.

Однако при работе с таким объемом данных важно учитывать проблему мультиколлинеарности, возникающую, когда наблюдается высокая степень корреляции между переменными. Наличие мультиколлинеарных факторов может приводить к искажению оценок коэффициентов модели, снижению точности прогнозов и затруднению интерпретации полученных результатов. Для построения модели были выявлены и сформированы статистически значимые факторы с учетом требования отсутствия мультиколлинеарности: экономические показатели (X1–X6, X23, X24) характеризуют занятость, финансовую стабильность и инвестиционную активность, что напрямую влияет на решение мигрантов о переезде; состояние жилищного строительства (X7, X8) и социальной инфраструктуры (X9, X20) показывает воз-

возможности для комфортного проживания, особенно важные для семейных мигрантов; развитость коммунальной (X10–X19, X21, X22) и транспортной (X25–X28) инфраструктуры определяет качество жизни и доступность территории, выступая значимым критерием при выборе места жительства; обновление инфраструктуры (X17–X19) дает возможность оценить динамику развития территорий, что крайне значимо для прогнозирования будущих миграционных тенденций. В совокупности эти показатели позволяют выявить не только текущий уровень развития муниципалитетов, но и их потенциал для привлечения новых жителей, объясняя пространственные различия в миграционной привлекательности.

В процессе моделирования были исключены незначимые факторы, не оказывающие статистически значимого влияния на миграционные потоки. В результате на основе матрицы пространственных взаимодействий, построенной по линейным расстояниям между муниципальными образованиями, была сформирована окончательная SAR-модель, включающая только значимые переменные (табл. 2).

Результаты SAR-моделирования позволили выявить влияние значимых факторов на миграционный прирост в муниципальных образованиях Свердловской области. На основе проведенного анализа было установлено, что пространственные эффекты играют существенную роль в динамике миграционных потоков, что подтверждается значимостью пространственного лага. Отрицательный коэффициент ($-1\ 148,71$) при данном факторе свидетельствует о том, что миграционный прирост в одном муниципальном образовании оказывает сдерживающее влияние на соседние территории.

Информационные критерии SAR-модели – Акаике (3,77), Шварца (3,66), Дарбина – Уотсона (206) подтверждают свою оптимальность для данного исследования. Модель построена на основе матрицы по линейным расстояниям между муниципальными образованиями, что позволило учесть влияние пространственной близости территорий.

Ряд факторов, оказывающих влияние на миграционный прирост, демонстрируют разные направления влияния. Такой фактор, как инвестиции в основной капитал за счет бюджета муниципального образования, имеет отрицательный коэффициент ($-0,36$), и это указывает

Таблица 2

**Результаты пространственного авторегрессионного моделирования (SAR)
зависимости миграционного прироста от значимых
социально-экономических факторов в муниципальных
образованиях Свердловской области**

Переменные		Матрица линейных расстояний
Константа		0,05 (4,59)***
Пространственный лаг миграционного прироста		-1148,71 (265,74)***
Логарифм инвестиций в основной капитал за счет бюджета муниципального образования, тыс. руб.		-0,36 (-2,20)*
Логарифм протяженности тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, м		3,7 (1,16)**
Логарифм протяженности замененных тепловых и паровых сетей, м		-0,59 (0,11)***
Логарифм протяженности железнодорожных путей общего пользования, ед.		-4,37 (-2,29)**
Логарифм протяженности автодорог общего пользования местного значения с усовершенствованным покрытием, км		0,58 (7,18)***
Период	2012	-71,02 (-4,98)***
	2013	-7,08 (-4,83)***
	2014	-7,49 (-4,13)***
	2015	3,29 (4,89)***
	2016	3,25 (3,66)***
	2017	1,33 (3,17)**
	2018	1,50 (3,18)**
	2019	4,35 (4,55)***
	2020	0,67 (2,91) **
	2021	0,39 (1,45)
	2022	2,87 (3,88)***

Окончание табл. 2

Переменные		Матрица линейных расстояний
<i>Стандартная ошибка регрессии</i>		6
<i>Остаточная сумма квадратов регрессии</i>		26676,02
<i>P-значение теста (J-статистики)</i>		0,69
<i>Тест</i>	<i>Жарка-Бера</i>	6069,73
	<i>Арельяно – Бонда: AR (1)</i>	-5,46***
	<i>AR (2)</i>	2,13
<i>Критерий</i>	<i>Шварца</i>	3,66
	<i>Акаике</i>	3,77
	<i>Дарбина – Уотсона</i>	206

Примечание: уровень значимости коэффициентов, при котором отвергается нулевая гипотеза теста об отсутствии причинности: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: составлено авторами.

на то, что увеличение данных инвестиций в краткосрочной перспективе может ассоциироваться со снижением миграционного прироста. Аналогичная отрицательная зависимость наблюдается у фактора протяженности железнодорожных путей, коэффициент которого составляет $-4,37$. Это может быть связано с особенностями инфраструктуры и структурой занятости, которая формируется на данных территориях.

В то же время положительное влияние на миграционный прирост оказывает увеличение протяженности тепловых и паровых сетей (коэффициент этого фактора составляет $3,7$), а также увеличение протяженности автодорог общего пользования местного значения с усовершенствованным покрытием (коэффициент фактора – $0,58$). Данные результаты свидетельствуют о важности транспортной и коммунальной инфраструктуры в формировании благоприятных условий для привлечения населения.

Дополнительное влияние на миграционные потоки оказывают временные эффекты. Так, значимость временных фиктивных пере-

менных подтверждает наличие динамики миграционного прироста в зависимости от года (отрицательное влияние с 2012 по 2014 г.).

Таким образом, результаты исследования указывают на необходимость учета пространственных эффектов при анализе миграционных потоков. Выявленные значимые факторы могут быть учтены при разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, направленных на создание благоприятных условий для привлечения и удержания населения.

На завершающем этапе оценки динамики миграционных потоков для прогнозирования возможных сценариев их развития для будущих периодов была построена ARIMA-модель. Для более точного прогноза будущих изменений в миграционных потоках необходимо учитывать как текущие, так и потенциальные изменения этих значимых факторов.

Для анализа миграционных потоков в Свердловской области была построена ARIMA-модель, использующая данные с 2012 по 2022 г. ($T=11$) (табл. 3). Модель была выбрана, поскольку она способна учитывать авторегрессионные зависимости и компоненты скользящего среднего, что делает ее подходящей для прогнозирования миграции как временного процесса.

В результате ARIMA-моделирования была получена модель скользящего среднего, так как она эффективно описывает связи между ошибками прогноза и наилучшим образом учитывает краткосрочные колебания и случайные элементы в миграционных потоках. Выбор данной модели был дополнительно подтвержден высокими значениями информационных критериев: Шварца (249), Акаике (245), R^2 (0,97) и скорректированного R^2 (0,88), что указывает на ее высокую прогностическую способность и оптимальность для анализа этих данных.

По результатам моделирования спрогнозированы значения по трем видам сценариев на 2023–2024 гг., поскольку этот период является наиболее достоверным для 95%-х доверительных интервалов, $Z(0,025) = 1,96$, (табл. 4).

Результаты сценарного прогнозирования миграционных процессов демонстрируют три возможных варианта развития ситуации.

Таблица 3

ARIMA-модель прироста миграции в Свердловской области

Модель 5: ARIMA, использованы наблюдения 2012–2022 (T=11). Зависимая переменная: (1-L) migration. Стандартные ошибки рассчитаны на основе гессииана.						
Переменные		Коэффициент	Ст. ошибка	Z-оценка	P-значение	Уровень значимости
Константа		-1324,96	40,30	-32,88	<0,0001	***
Theta	1	-3,54	0,75	-4,74	<0,0001	***
	2	4,14	2,23	1,86	0,06	*
	3	-0,35	2,36	-0,15	0,88	
	4	-2,40	1,71	-1,40	0,16	
	5	-0,60	2,66	-0,22	0,82	
	6	4,25	1,94	2,19	0,03	**
	7	-3,40	1,71	-1,98	0,05	**
	8	0,86	1,50	0,567	0,57	
	9	0,039	0,62	0,06	0,95	
Среднее зависимых переменных		-1307,64	Ст. отклонение зависимых переменных		16140,64	
Среднее инноваций		576,29	Ст. отклонение инноваций		2061,45	
R-квадрат		0,97	Испр. R-квадрат		0,88	
Лог. правдоподобие		-111,81	Крит. Акаике		245,62	
Крит. Шварца		249,99	Крит. Хеннана – Куинна		242,86	
		Действительная часть	Мнимая часть	Модуль	Частота	
<i>MA</i>						
Корень	1	0,99	-0,14	1,00	-0,02	

Окончание табл. 3

		Действительная часть	Мнимая часть	Модуль	Частота
Корень	2	0,99	0,14	1,00	0,02
	3	0,90	0,42	1,00	0,07
	4	0,90	-0,42	1,00	-0,07
	5	-0,84	0,53	1,00	0,41
	6	-0,84	-0,53	1,00	-0,41
	7	0,74	-0,67	1,00	-0,11
	8	0,74	0,67	1,00	0,11
	9	-25,20	0,00	25,20	0,50

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Прогнозные сценарии прироста миграции в Свердловской области, чел.

Год	Инерционный сценарий	Пессимистичный сценарий	Оптимистичный сценарий
2023	-3 285	-7 326	754
2024	-7 215	-18 239	3 808
2025	-11 145	-29 152	6 862
2026	-15 075	-40 065	9 916

Источник: составлено авторами.

В инерционном сценарии, предполагающем сохранение существующих тенденций, прогнозируется постепенное нарастание оттока населения: в 2023 г. показатель составит -3 285 чел., к 2024 г. отток усилится до -7 215 чел., а в 2025 и 2026 гг. продолжится отрицательная динамика с показателями -11 145 и -15 075 чел. соответственно. Этот сценарий отражает сохранение текущих проблем в регионе без существенных изменений.

Пессимистичный вариант развития событий предполагает резкое ухудшение ситуации. В 2023 г. прогнозируется отток –7 326 чел., который к 2024 г. увеличится до –18 239 чел. В последующие годы негативная тенденция усиливается: в 2025 г. показатель достигает –29 152 чел., а в 2026 увеличивается до –40 065 чел. Такой сценарий может реализоваться при ухудшении социально-экономических условий, снижении инвестиционной привлекательности региона и других неблагоприятных факторах.

Оптимистичный сценарий, напротив, предполагает постепенное улучшение миграционной ситуации. В 2023 г. прогнозируется небольшой прирост населения – на 754 чел., который к 2024 г. увеличится до 3 808 чел. В 2025 и 2026 гг. положительная динамика сохранится с показателями 6 862 и 9 916 чел. соответственно. Такой вариант возможен при улучшении экономической ситуации, реализации эффективной социальной политики и повышении качества жизни в регионе.

Результаты прогнозирования по трем сценариям показывают различные траектории развития миграционных потоков в Свердловской области в ближайшие годы. Эти прогнозы могут быть использованы при принятии решений по стратегическому пространственному развитию территорий, по корректированию политики в области миграции, при разработке мероприятий, направленных на улучшение условий для привлечения населения и стабилизацию миграционного прироста.

ВЫВОДЫ

В рамках исследования была проанализирована динамика миграционных потоков на территории Свердловской области с использованием методов пространственного анализа и эконометрического моделирования. По результатам анализа была подтверждена гипотеза о том, что высокая миграционная привлекательность отдельных муниципальных образований может негативно сказываться на развитии соседних территорий.

Основной целью исследования стало выявление ключевых факторов, оказывающих влияние на пространственное распределение миграции. Результаты показали, что одним из решающих факторов является уровень социально-экономического развития муниципаль-

ных образований. Муниципалитеты с развитой инфраструктурой, значительными инвестициями и благоприятной экономической ситуацией привлекают большее количество мигрантов. Напротив, территории с ограниченными ресурсами и низкой доступностью инфраструктуры сталкиваются с оттоком населения, что еще больше углубляет территориальные диспропорции.

Методология, включающая расчет индекса концентрации миграционных потоков, анализ автокорреляции по методу П. Морана и применение пространственного авторегрессионного моделирования (SAR), позволила детализировать понимание миграционной динамики. Выявлено, что на макроуровне пространственные кластеры, такие как муниципалитеты вокруг Екатеринбурга, играют ключевую роль в перераспределении населения. Пространственная авторегрессия подтвердила влияние на миграционные потоки таких факторов, как протяженность автодорог с усовершенствованным покрытием и инвестиции в инфраструктуру, протяженность железнодорожных путей, протяженность тепловых и паровых сетей и замененных тепловых и паровых сетей. Кроме того, построенная модель ARIMA позволила спрогнозировать изменения миграционных потоков в зависимости от различных сценариев. Прогнозы на ближайшие два года показали, что при отсутствии изменений текущих условий возможен значительный отток населения. В случае реализации оптимистичного сценария предполагается улучшение инфраструктуры и социальной политики, в перспективе наблюдается увеличение миграционного прироста.

Таким образом, апробация комплексного подхода к анализу и прогнозированию миграционных потоков подтвердила необходимость применения совокупности методов для всестороннего исследования в разрезе экономических и пространственных аспектов. Результаты проведенного исследования отражают значимость территориальных векторов стратегий, направленных на корректирование условий жизни, развитие инфраструктуры и экономики в менее привлекательных для мигрантов муниципальных образованиях. Это не только позволит повысить социально-экономическую устойчивость региона, но и будет способствовать более равномерному территориальному развитию.

*Статья подготовлена в соответствии
с планом НИР ИЭ УрО РАН на 2025 г.*

Список источников

1. Вакуленко Е.С. Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. – 2012. – № 1 (25). – С. 25–50.
2. Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2011. – № 1. – С. 431–450.
3. Гафарова Е.А. Эмпирические модели регионального экономического роста с пространственными эффектами: результаты сравнительного анализа // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. – 2017. – Т. 12, № 4. – Р. 561–574.
4. Дубровская Ю.В., Козоногова Е.В. Оценка влияния интенсивности межрегионального взаимодействия на пространственное развитие национальной экономики // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2019. – № 3 (91). – С. 25–39.
5. Павловский Е.В. Модели ARIMA в краткосрочном прогнозировании внутренней миграции в России // Вопросы статистики: научно-информационный журнал. – 2017. – № 10. – С. 53–63.
6. Тухтарова Е.Х. Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВРП регионов России // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 4. – С. 163–177.
7. Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С., Воронина Л.В. Модели миграционной динамики населения на территории Арктической зоны Российской Федерации // Управление в современных системах. – 2020. – № 4 (28). – С. 52–64.
8. Abel J. Estimates of global bilateral migration flows by gender between 1960 and 2015 // International Migration Review. – 2018. – No. 52. – P. 809–852.
9. Cottier F. Projecting future migration with Bayesian hierarchical gravity models of migration: an application to Africa // Climate Mobility Modeling: Methodological Advances and Future Prospects. – 2024. – Vol. 6.
10. Hirschman A. The paternity of an index // The American Economic Review. – 1964. – Vol. 54, No. 5. – P. 745–761.
11. Leal D.F., Harder N.L. Global dynamics of international migration systems across South–South, North–North, and North–South flows, 1990–2015 // Applied Network Science. – 2021. – Vol. 6 (1). – Art. 8.
12. Moran P. The interpretation of statistical maps // Journal of the Royal Statistical Society. – 1948. – Vol. 10. – P. 243–251.
13. Skeldon R. Migration transitions revisited: Their continued relevance for the development of migration theory // Population, Space and Place. – 2012. – Vol. 18 (2). – P. 154–166.

Информация об авторах

Наумов Илья Викторович (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29). E-mail: naumov.iv@uiec.ru.

Бычкова Анна Андреевна (Россия, Екатеринбург) – младший научный сотрудник лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29). E-mail: bychkova.aa@uiec.ru.

DOI: 10.15372/REG20250308

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 194–224

I.V. Naumov, A.A. Bychkova

ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF FACTORS ON THE SPATIAL DISTRIBUTION OF MIGRATION FLOWS IN THE REGION

The article considers socio-economic factors of population migration in municipalities on the example of the Sverdlovsk Oblast. The study is based on the concentration analysis of the spatial distribution of migration flows using a combination of autocorrelation and regression modeling methods. The purpose of the study is to identify the significant factors affecting migration flows of population, taking into account the spatial relationship between municipalities. The main objectives of the analysis include the study and identification of statistically significant indicators affecting the resettlement of people. Migration flows have a noticeable impact on the demographic structure of the population, as well as on the state of local and regional labor markets. During the study period from 2010 to 2022, uneven distribution and increased concentration of migrants in large municipalities increased the outflow of population from sparsely populated areas. The use of a set of methods – assessment of migration flows concentration, spatial autocorrelation and spatial regression analysis – allows us to fully determine the zones of concent-

ration of migration flows and identify factors affecting resettlement within the Sverdlovsk Oblast with the further purpose of using the study to adjust and plan the development of the territory.

Keywords: migration flows; region; factors; regional development; modeling; autocorrelation analysis; autoregressive analysis

For citation: *Naumov, I.V. & A.A. Bychkova. (2025). Otsenka vliyaniya faktorov na prostranstvennoe raspredelenie migratsionnykh potokov v regione [Assessment of the influence of factors on the spatial distribution of migration flows in the region]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 194–224. DOI: 10.15372/REG20250308.*

The article was prepared in accordance with the Plan of Research and Development of the Institute of Economics UB RAS for 2025

References

1. *Vakulenko, E.S. (2012). Migratsionnye protsessy v gorodakh Rossii: ekonometricheskii analiz [Migration processes in Russian cities: econometric analysis]. Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics], 1 (25), 25–50.*
2. *Vakulenko, E.S., N.V. Mkrtchyan & K.K. Furmanov. (2011). Opyt modelirovaniya migratsionnykh potokov na urovne regionov i munitsipalnykh obrazovaniy RF [Modeling of migration flows between RF regions and municipalities]. Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS], 1, 431–450.*
3. *Gafarova, E.A. (2017). Empiricheskie modeli regionalnogo ekonomicheskogo rosta s prostranstvennymi effektami: rezultaty sravnitel'nogo analiza [Empirical models of regional economic growth with spatial effects: comparative analysis results]. Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Ekonomika [Perm University Herald. Series: Economy], Vol. 12, No. 4, 561–574.*
4. *Dubrovskaya, Yu.V. & E.V. Kozonogova. (2019). Otsenka vliyaniya intensivnosti mezhregionalnogo vzaimodeystviya na prostranstvennoe razvitie natsionalnoy ekonomiki [Evaluation of the interregional cooperation influence on the spatial development of the national economy]. Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie [Bulletin of Far Eastern Federal University. Economics and Management], 3 (91), 25–39.*
5. *Pavlovsky, E.V. (2017). Modeli ARIMA v kratkosrochnom prognozirovanii vnutrenney migratsii v Rossii [ARIMA models in the short-term forecasting of internal migration in Russia]. Voprosy statistiki [Issues of Statistics], 10, 53–63.*

6. *Tukhtarova, E.Kh.* (2022). Vliyanie trudovoy migratsii na chelovecheskiy kapital i VRP regionov Rossii [Impact of labour migration on human capital and GRP of Russian regions]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 25, No. 4, 163–177.
7. *Shelomentsev, A.G., K.S. Goncharova & L.V. Voronina.* (2020). Modeli migratsionnoy dinamiki naseleniya na territorii Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Models of migration dynamics of population in the territory of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* [Management in Modern Systems], 4 (28), 52–64.
8. *Abel, J.* (2018). Estimates of global bilateral migration flows by gender between 1960 and 2015. *International Migration Review*, 52, 809–852.
9. *Cottier, F.* (2024). Projecting future migration with Bayesian hierarchical gravity models of migration: an application to Africa. *Climate Mobility Modeling: Methodological Advances and Future Prospects*, 6.
10. *Hirschman, A.* (1964). The paternity of an index. *The American Economic Review*, Vol. 54, No. 5, 745–761.
11. *Leal, D.F. & N.L. Harder.* (2021). Global dynamics of international migration systems across South–South, North–North, and North–South flows, 1990–2015. *Applied Network Science*, 6 (1), Art. 8.
12. *Moran, P.* (1948). The interpretation of statistical maps. *Journal of the Royal Statistical Society*, 10, 243–251.
13. *Skeldon, R.* (2012). Migration transitions revisited: Their continued relevance for the development of migration theory. *Population, Space and Place*, 18 (2), 154–166.

About Authors

Naumov, Ilya Viktorovich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Laboratory of Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences RAS (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia). E-mail: naumov.iv@uieec.ru.

Bychkova, Anna Andreevna (Yekaterinburg, Russia) – Junior Researcher at the Laboratory of Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences RAS (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia). E-mail: bychkova.aa@uieec.ru.

Поступила в редколлегию 28.01.2025.

После доработки 28.04.2025.

Принята к публикации 05.05.2025.

© Наумов И.В., Бычкова А.А., 2025

М.А. Питухина, А.Д. Белых, В.А. Волох

ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

С 2023 г., согласно постановлению Правительства РФ, Березовский и Белоярский районы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры являются районами Арктической зоны Российской Федерации. Именно в этих двух районах преимущественно проживают коренные малочисленные народы региона – ханты и манси. Цель статьи – проанализировать положение коренных малочисленных народов на муниципальном рынке труда и выявить особенности их укорененности.

Гипотеза исследования: в арктических районах ХМАО представители коренных малочисленных народов Севера (ханты и манси) демонстрируют более низкий уровень занятости в сравнении с остальным населением региона, что указывает на их недостаточную интеграцию на муниципальном рынке труда и низкий уровень укорененности, связанные с отсутствием профессионального образования (у 65,2% хантов и манси) и недостаточной квалификацией.

Методология исследования связана со сравнением данных из открытых источников по обозначенной тематике. Она включает также формулирование рекомендаций по улучшению ситуации на рынке труда в арктических районах ХМАО, например рекомендаций по разработке специальных образовательных программ, по развитию традиционных промыслов и др.

Проведенный анализ показал соответствие размещения трудовых ресурсов географическому размещению производств. В трех районах, наименее сбалансированных с точки зрения рынка труда (Березовском, Белоярском, Кондинском), проживают ханты и манси. Проанализиро-

ванные данные за 2023 г. свидетельствует об ухудшении ситуации на муниципальном рынке труда для хантов и манси и указывают на необходимость принятия новых мер.

Ключевые слова: муниципальный рынок труда; коренные малочисленные народы Севера; Ханты-Мансийский автономный округ; занятость; напряженность; укорененность

Для цитирования: Питухина М.А., Белых А.Д., Волох В.А. Положение коренных малочисленных народов на муниципальном рынке труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 225–248. DOI: 10.15372/REG20250309.

ВВЕДЕНИЕ

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в 2022 г. вошел в топ-5 регионов России по социально-экономическому положению¹. Его высокие позиции обеспечены прежде всего такими показателями, как объемы добычи нефти (535 млн т в 2022 г.), валовой региональный продукт на душу населения (3 334 556,9 руб. в 2021 г.), инвестиции в основной капитал (1 329 382 млн руб. в 2022 г.), поступление налогов и сборов в бюджетную систему России (4 628 286,4 млн руб. в 2022 г.)². Эти достижения свидетельствует об эффективности реализации Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2050 года (далее – Стратегия-2050)³. В Стратегии-2050 выделяются следующие четыре приоритета: здоровьесбережение, «интеллектуальная» эконо-

¹ См.: Югра вошла в пятерку лидеров по социально-экономическому развитию в России // Российская газета. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/05/19/reg-urfo/ugra-voshla-v-piaterku-liderov-po-socialno-ekonomicheskomu-razvitiuu-v-ros-sii.html> (дата обращения: 24.04.2025).

² См.: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – 2023. – 1126 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

³ См.: Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2050 года. – URL: <https://ugra2030.myopenugra.ru/> (дата обращения: 24.04.2025).

мика, человеческий капитал, качество жизни. В связи с этим подчеркнем, что в 2023 г. Сургут признан «Лучшим городом российского Севера»⁴. Прибыль крупных и средних компаний Сургута выросла в 2023 г. почти на 68% в сравнении с 2022 г.; численность населения достигла почти 420 тыс. чел.

Вопросам рынка труда посвящен отдельный раздел Стратегии-2050. В нем определено, что целью кадрового развития автономного округа должно стать увеличение абсолютных показателей занятого экономической деятельностью населения. Плановые показатели создания рабочих мест за счет реализации крупных инвестиционных проектов к 2050 г. – 25,5 тыс. чел. в год.

Отметим, что показатели рынка труда ХМАО выше общероссийских: по уровню безработицы автономный округ занимает третье место в России, по уровню занятости – седьмое. Примечательно, что высокая доля работающих женщин составляет одну из важнейших особенностей занятости населения региона. При этом в последние 10 лет занятость женщин стабильно увеличивается (с 46,7 до 48,6%), а доля работающих мужчин, наоборот, снижается (с 53,3 до 51,4%). В структуре безработных по уровням образования в указанный период доминируют соискатели с высшим образованием⁵.

Однако в составе ХМАО находятся районы традиционного образа жизни хантов и манси, отличающиеся высоким коэффициентом напряженности на рынке труда. Это Березовский и Белоярский районы, которые в январе 2024 г. были одобрены Правительством РФ для включения в Арктическую зону Российской Федерации.

Цель статьи – проанализировать положение коренных малочисленных народов на муниципальном рынке труда в Березовском и Белоярском районах ХМАО и выявить особенности их укорененности.

⁴ См.: *Где на севере жить хорошо?* // Сургутские ведомости. – 2023. – № 46. – URL: https://newspaper.admsurgut.ru/files/materials/ved_%D0%A1%D0%92_46_1134_25.11.2023.pdf. (дата обращения: 24.04.2025).

⁵ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат.* – 2023. – 1126 с.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Коренные малочисленные народы Севера (КМНС) давно находятся в фокусе внимания российских [3–5; 8] и зарубежных [17; 18; 23; 24] исследователей.

Канадский антрополог Д. Нэтчер в рамках проекта «Достижение регионально-специфических и культурно-релевантных целей устойчивого развития для Арктики после 2030 года» изучает, как цели устойчивого развития (ЦУР) могут помочь в решении проблем, с которыми сталкиваются жители Арктики, включая бедность, ограниченный доступ к базовым услугам, отсутствие продовольственной безопасности, уязвимость к последствиям изменения климата и ограниченное участие в процессах принятия политических решений. Параллельно Д. Нэтчер исследует более частные аспекты взаимодействия коренных народов с современными вызовами, среди которых проблемы экологического мониторинга и оценки воздействия (указывается ошибочность восприятия коренных общин как интеллектуально однородных групп, что ведет к игнорированию внутрикультурных различий в экологических знаниях) [22], анализ культурного консенсуса [21], проблемы аборигенных общин, чьи традиционно используемые земли подвергаются промышленному освоению [20]. Как утверждает Д. Нэтчер, в настоящее время ни одно арктическое государство не достигло свыше 65% успеха в реализации ЦУР, а некоторые государства (например, Канада и Исландия) реализовали их даже менее чем на 50%.

Шведские исследователи Б. Крамвиг и Д. Аванго отмечают, что перспективы освоения минерально-сырьевых ресурсов ведут к возникновению онтологических конфликтов, связанных с землепользованием, способами осмысления ландшафта (промышленный ресурс, сакральная территория) и принципиально разным видением будущего этих земель [19].

Важным аспектом изучения коренных малочисленных народов Севера является анализ их положения на муниципальном рынке труда, особенно в таких ресурсных регионах, как Ханты-Мансийский автономный округ. В статье сотрудников Сургутского государствен-

ного университета О.Л. Чулановой, М.А. Колтунович и К.И. Яворской [15] рассмотрены основные тенденции, складывающиеся в топливно-энергетическом комплексе ХМАО. Сделан акцент на том, что развитие территории связывают не только с нефтегазовым комплексом, но и с другими секторами экономики. С каждым годом вопросы диверсификации экономики региона на основе инновационного развития становятся все более актуальными. Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры рассматривает варианты развития экономики по различным направлениям: развитие лесного и агропромышленного комплексов, медицины, строительства, малого и среднего предпринимательства. В структуре занятости населения ХМАО доминирует добыча полезных ископаемых. В целом для округа характерна краткосрочная безработица: уровень безработицы не превышает соответствующие показатели в целом по России и по Уральскому федеральному округу. На протяжении нескольких лет на рынке труда ХМАО сохраняется несоответствие между спросом на специалистов и их предложением. По мнению авторов указанной статьи, неудовлетворенный спрос работодателей на рынке труда при невозможности использовать российские трудовые ресурсы из-за несоответствия спроса и предложения рабочей силы (несоответствие профессиональной структуры безработных граждан и имеющихся вакансий) побуждал и побуждает работодателей использовать для работы иностранных граждан [15].

Статья исследователей из Югорского государственного университета Д.О. Тея, Вит.М. Татьянкина и Вл.М. Татьянкина [10] фокусируется на социально-экономической системе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, которая рассматривается как взаимосвязанная система «рынка труда региона» и «демографии региона». Авторы анализируют эволюцию экономики ХМАО, учитывая особенности институциональной среды и опыт развития. Рынок труда региона характеризуется низким уровнем безработицы, низким средним возрастом занятого населения, высоким процентом экономически активного населения. Рынок труда ХМАО зависит от внешних источников: международная миграция в округе имеет тенденцию к увеличению и составляет до 50% от естественного прироста насе-

ления. Авторы статьи отмечают, что одной из особенностей региона является сильная зависимость от внешних трудовых ресурсов: более 20% занятого населения составляют иностранные граждане и специалисты, работающие вахтовым методом. В результате исследования получен аналитический массив данных, включающий сравнительные данные о социально-экономических системах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Уральского федерального округа и Российской Федерации. Ключевой вывод исследования состоит в том, что ХМАО располагает благоприятными условиями для стремительного развития рынка труда, направленного на цифровую трансформацию. Это подтверждается высоким уровнем образования жителей округа вкупе с доминированием городского населения. Все это обеспечивает хорошие перспективы в плане внедрения цифровой экономики в ближайшем будущем. Уровень безграмотности составляет всего 0,2% от всего населения в возрасте старше 15 лет [10].

В статье заместителя директора Департамента образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры И.В. Святченко [9] исследуется взаимосвязь между сохранением национальной идентичности коренных малочисленных народов Севера и их конкурентоспособностью на рынке труда ХМАО. Автор отмечает, что специфика регионального рынка труда определяется потребностями в высококвалифицированных кадрах в учреждениях дополнительного образования, культуры, управления, в СМИ, музеях и т.п. Фиксируется недостаточное количество преподавателей, а также учебных материалов на языках коренных народов Югры. Технологический прогресс и миграционные потоки приводят к изменениям традиционного образа жизни в среде КМНС. В целях развития регионального рынка труда важно создавать рабочие места для представителей КМНС в традиционных отраслях – охоте, оленеводстве, рыболовстве, а также в сферах туризма и культуры [9].

Статья Л.Б. Осиповой, Е.А. Колесник и О.М. Горевой [7] исследует специфику функционирования молодежного сегмента рынка труда в Тюменской области, выявляя ключевые тенденции и проблемы. Экономическая направленность области формируется под воздействием развития ТЭК Ханты-Мансийского автономного округа –

Югры. Авторы отмечают, что малоэффективным каналом в плане трудоустройства, по оценкам молодежи, являются службы занятости населения (лишь 8% опрошенных считают обращение в них эффективным). Авторы также подчеркивают, что в ХМАО большинство мужчин с высшим образованием, занятых в промышленном секторе, находятся в возрасте 26–30 лет, а женщин – в возрасте 26–28 лет, что свидетельствует о преобладании молодых возрастов в структуре занятых в экономике региона. В статье также представлен в динамике прогноз кадровой потребности по отраслевой занятости в ХМАО. Исследование показывает, что выявленные проблемы препятствуют развитию молодежного сегмента рынка труда. Авторы предполагают, что развитие инфраструктурной поддержки способно создать благоприятные условия для профессиональной реализации молодых граждан, обеспечивая их успешное включение в систему социально-трудовых отношений. Развитие промышленного потенциала региона предъявляет определенные требования к количественному и качественному составу рабочей силы, которые сложно удовлетворить с помощью существующих механизмов регулирования и без должного внимания со стороны институтов рынка труда к его молодежному сегменту [7].

Многие исследователи выявляют различные факторы, определяющие экономическую активность лиц из числа КМНС [2; 3; 6; 16]⁶. В статье М.А. Питухиной и А.Д. Белых⁷ при помощи социологических измерений выявлены проблемы общин коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа в двух сферах: в образовании и на рынке труда. В работе рассматриваются региональные меры поддержки, такие как упрощение оформления документов для занятия традиционными промыслами, социальные пенсии, обеспечение

⁶ См. также: *Питухина М.А., Радиков И.В., Волох В.А.* Обсерватория коренных финно-угорских народов Республики Карелии // Арктика и Север. – 2020. – № 40. – С. 291–309. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.291.

⁷ См.: *Питухина М.А., Белых А.Д.* Меры поддержки коренных малочисленных народов в местах их традиционного проживания: опыт Ямало-Ненецкого автономного округа // Арктика: экология и экономика. – 2023. – № 13 (1). – С. 119–126. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-1-119-126.

бесплатными лекарствами, предоставление возможности альтернативной службы в тундре, выплаты «чумного капитала» и «кочевые» выплаты. Приводятся рекомендации, которые позволят более качественно обеспечить долгосрочное благополучие народов Севера.

ЗАНЯТОСТЬ ГРАЖДАН ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТНОМНОГО ОКРУГА

С 2023 г., согласно постановлению Правительства РФ, Березовский и Белоярский районы ХМАО являются районами Арктической зоны Российской Федерации⁸. Именно в этих районах преимущественно проживают коренные малочисленные народы региона – ханты и манси.

Территории проживания коренных малочисленных народов Севера отличаются более высокими показателями напряженности на рынке труда. Для этих территорий характерны невысокое количество рабочих мест и меньшие, по сравнению с другими территориями, возможности для трудоустройства.

Развитие традиционных отраслей, где преимущественно занято коренное население, в современных экономических условиях требует постоянной бюджетной поддержки, тем более что на них оказывается отрицательное воздействие со стороны промышленного производства [1]. Ведущие отрасли традиционного хозяйствования хантов и манси – рыболовство и оленеводство. Основные рабочие места дает рыбный промысел, им занимаются национальные предприятия и общины, индивидуальные лица. Самой этнически сберегающей отраслью для КМНС остается оленеводство. Согласно Реестру организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском ав-

⁸ См.: *Путин* одобрил включение западных районов Югры в Арктическую зону // РИА Новости. – 2023. – URL: <https://ria.ru/20230904/yugra-1894012867.html> (дата обращения: 24.04.2025).

Таблица 1

**Численность коренных малочисленных народов Севера (хантов и манси)
в 2020 г., чел.**

Показатель	Ханты	Манси
Всего	31 467	12 228
Всего в ХМАО	19 568	11 065
Из них трудоспособных	10 779	6 677

Источник: данные Росстата (URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacional_nuj_sostav_i_vladienie_yazykami ; https://rosstat.gov.ru/labour_force).

номном округе – Югре⁹, в 2024 г. насчитывается 96 таких организаций КМНС в различных форматах: закрытых акционерных обществ, национальных общин КМНС, некоммерческих организаций, обществ с ограниченной ответственностью.

Согласно Всероссийской переписи населения 2021 г., численность в ХМАО хантов составляет 19 568 чел., манси – 11 065 чел., из них трудоспособных хантов – 10 779 чел., трудоспособных манси – 6 677 чел. (табл. 1).

Доля безработных, не имеющих профессионального образования, из числа КМНС высокая и составляет 65,2%. Данная категория безработных оказывается неконкурентоспособной на рынке труда, и их трудоустройство практически невозможно без предварительной профессиональной подготовки.

Как уже отмечалось, именно в муниципальных образованиях Березовского района значительный удельный вес имеют коренные малочисленные народы Севера (37,8%), представленные титульными национальностями региона: хантами и манси. Вместе с крупным народом Севера – коми они составляют более половины населения западной части Березовского района.

⁹ См.: *Ресурсы* организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / Департамент недропользования и природных ресурсов. – 2024. – URL: <https://depprirod.admhmao.ru/deyatelnost/traditsionnoe-khozyaystvovanie-kmns/114048/spisok-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-traditsionnoe-khozyaystvovanie-i-zanimayushchikhsya-prom/> (дата обращения: 24.04.2025).

По состоянию на 2023 г. численность населения Березовского района – 22 690 чел., занятых в экономике – 12 620 чел., зарегистрированных безработных – 233 чел. (по данным на 1 июля 2019 г. этот показатель был равен 406 чел.). Уровень регистрируемой безработицы в Березовском районе составлял на начало года: 2010 г. – 4,3%, 2012 г. – 3,2%, 2019 г. – 3,3%, 2020 г. – 3,0%, 2021 г. – 3,9%, 2023 г. – 1,8%. Коэффициент напряженности на регистрируемом рынке труда – 1,1 пункта. В целом по рынку труда Березовского района коэффициент напряженности в 2019–2020 гг. составлял 3,7 пункта. Таким образом, можем наблюдать положительную динамику показателей рынка труда в сфере занятости граждан из числа КМНС (табл. 2).

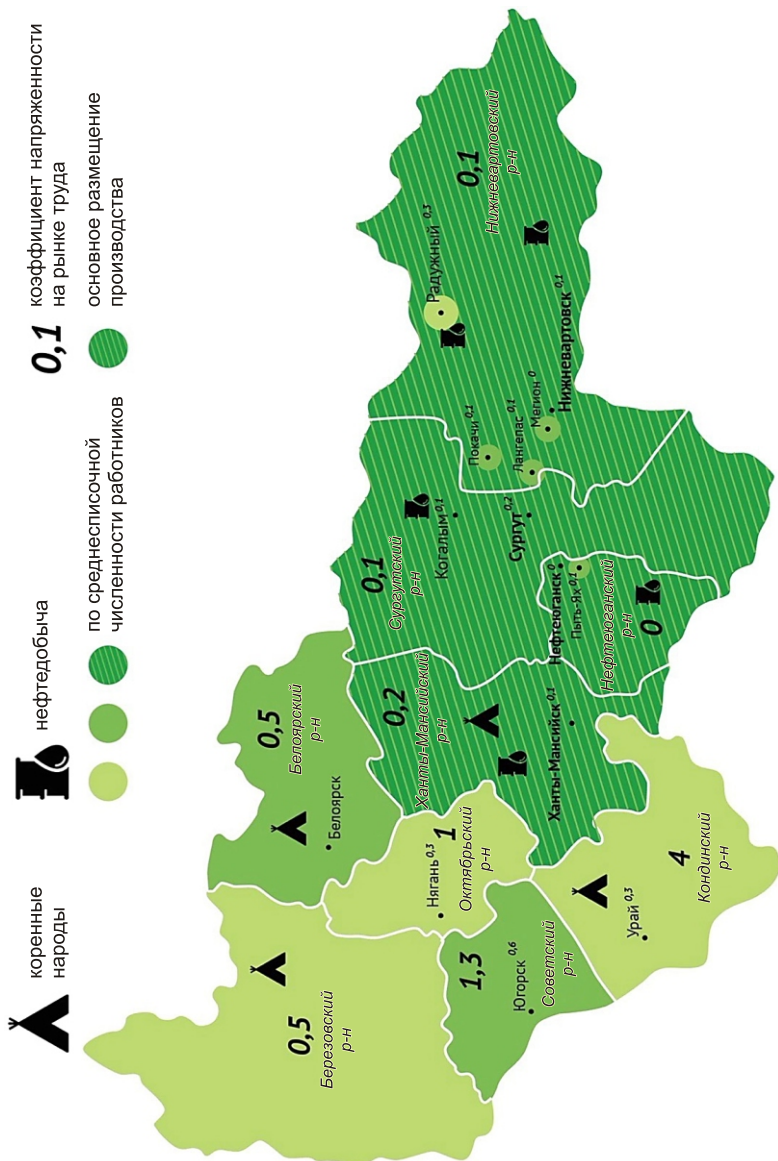
На рисунке представлены муниципальные образования с цветовой дифференциацией по среднесписочной численности работников,

Таблица 2

Данные по гражданам из числа коренных малочисленных народов Севера, обратившимся в органы службы занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в арктических муниципальных образованиях, 2023 г.

Центр занятости населения	Число организаций, осуществляющих традицион. хоз. деятельность КМНС	Численность граждан из числа КМНС, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы	Из них численность незанятых граждан	Численность граждан из числа КМНС, признанных безработными	Нашли работу (доходное занятие)
Белоярский ЦЗН	10	164	142	31	97
Березовский ЦЗН	14	370	352	172	197

Источник: составлено авторами по: *Информация* по вопросу содействия трудоустройству граждан из числа коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в январе–декабре 2023 года / Департамент труда и занятости населения. – 2024. – URL: <https://deptrud.admhmao.ru/monitoring-situatsii-na-registriremom-rynke-truda/svedeniya-o-sodeystvii-zanyatosti-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/informatsiya-ob-okazanii-gosudarstvennykh-uslug-v-oblasti-sodeystviya-zanya-tosti-naseleniya/2023-god/9897387/yanvar-dekabr-2023-goda/> (дата обращения: 24.04.2025).

Размещение населения и производственных мощностей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по муниципальным образованиям; уровень напряженности на рынке труда по данным на 2023 г.

Источник: составлено авторами

основному размещению производства и коэффициенту напряженности на рынке труда. По этим критериям наиболее сбалансированными видятся Ханты-Мансийский муниципальный район и г. Ханты-Мансийск, Нефтеюганский муниципальный район и г. Нефтеюганск, Сургутский муниципальный район и г. Сургут, Нижневартовский муниципальный район и г. Нижневартовск.

С точки зрения географического размещения производства большинство (31,9%) организаций-работодателей сосредоточено в Сургуте, четверть (23,7%) – в Нижневартовске, всего 8,1% – в Ханты-Мансийске и 6,7% – в Нефтеюганске. В целом анализ показывает соответствие размещения трудовых ресурсов географическому размещению производств. В трех районах, наименее сбалансированных с точки зрения рынка труда, проживают КМНС – в Березовском, Белоярском и Кондинском.

В таблице 3 приводятся данные о вакансиях по востребованным работодателями профессиям в муниципальном разрезе – для Бере-

Таблица 3

Топ-5 вакансий в Березовском и Белоярском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2023 г.

Наименование вакансии	Кол-во вакансий, заявленных работодателями, ед.	Число граждан, обратившихся в органы службы занятости за содействием в поиске работы, чел.
Рабочий по благоустройству населенных пунктов	134	196
Уборщик территорий	111	77
Подсобный рабочий	65	108
Уборщик производственных и служебных помещений	31	36
Водитель автомобиля	35	20

Источник: данные Департамента труда и занятости ХМАО-Югры (2023 г.).

зовского и Белоярского районов ХМАО. Из таблицы видно, что перечень предлагаемых вакансий, а также количество человек, откликнувшихся на предложения, соответствуют перечню наименований профессий рабочих / должностей служащих, которые не требуют высоких квалификации и уровня образования.

Таким образом, данные муниципальной статистики верифицируют данные региональной статистики ХМАО, отражающие отсутствие у безработных жителей региона профессионального образования (у 65,2% хантов и манси) и недостаточную их квалификацию.

Кроме того, согласно полученным данным муниципальной статистики по Белоярскому и Березовскому районам, перечень инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, является сравнительно небольшим и не включает высокотехнологичные производства, требующие подготовки квалифицированных кадров из числа местного населения. Согласно данным Департамента экономики ХМАО-Югры, среди инвестиционных проектов, планируемых на 2024–2027 гг. в Березовском районе, – «Комплексный межмуниципальный полигон твердых коммунальных отходов для пгт. Игрим, поселений Березовского и Октябрьского районов», в Белоярском районе – «Белоярский межпоселенческий полигон».

Социологические опросы населения Белоярского и Березовского районов, где преимущественно проживают коренные малочисленные народы Севера, проводятся на базе Сургутского государственного университета Центром научного сопровождения социально-экономического развития ХМАО-Югры¹⁰. Главным направлением деятельности центра стало формирование направлений социально-экономического развития территорий Березовского и Белоярского районов автономного округа, связанных с включением этих районов в состав Арктической зоны Российской Федерации.

¹⁰ URL: <https://www.surgu.ru/Instituty/institut-ekonomiki-i-upravleniya/nauchno-obrazovatelnye-tsentry/tsentr-nauchnogo-soprovozhdeniya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-hanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/napravleniya-raboty> (дата обращения: 24.04.2025).

Проведенные центром опросы продемонстрировали, что развитие туризма и формирование бренда арктических муниципалитетов Югры являются одним из главных направлений для развития Белоярского и Березовского районов. На территории этих районов уже сейчас действует этнографическая деревня «Сорни Сэй» и осуществляется этнографическая экскурсионная программа «Горными тропами Священного Урала» (Березовский район), а также реализуются туры «Живая этнография», «Северный экстрим», «Самолеты – хорошо, а олени лучше!», спортивно-оздоровительный тур и двухдневный тур для школьников 5–9-х классов «Эксклюзивный Белоярский», создан Ресурсный центр креативных и этнографических кластеров (Белоярский район).

Результаты проведенных опросов также выявили существенные недостатки, которые мешают развитию новых арктических районов: низкий уровень осведомленности о туристических объектах Березовского и Белоярского районов; удаленность районов от административного центра округа – Ханты-Мансийска; значительный износ парка транспортных средств, объектов транспортной инфраструктуры. Результаты социологических опросов были представлены Сургутским государственным университетом на совместном с Петропавловским государственным университетом круглом столе в виде презентации на тему «Формирование направлений социально-экономического развития территорий Березовского и Белоярского районов автономного округа в связи с перспективой включения в состав Арктической зоны Российской Федерации».

Большую работу по проведению опросов жителей региона из числа КМНС выполняет отдел этносоциологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок¹¹. Отдел проводит ежегодные полевые исследования, организует выезды в места компактного проживания обско-угорских народов для сбора материалов по проблемам социально-экономического развития коренных народов ХМАО [11–14]. Так, например, исследование Н.В. Ткачук выявило снижение интереса к учебе у детей КМНС, недовольство некоторыми

¹¹ URL: <https://oupiir.ru/departments/social-economic-development> (дата обращения: 24.04.2025).

бытовыми условиями проживания, что характерно в основном для старших возрастных групп, наличие внеурочных форм реализации этнокультурного компонента в образовательно-воспитательном процессе [11]. Результаты другого социологического опроса, посвященного внедрению цифровых образовательных ресурсов в местах традиционного уклада жизни коренных народов Югры, показали, что только 51,3% опрошенных лиц из числа КМНС знакомы с цифровыми образовательными технологиями, которые используются для обучения детей, а 48,7% незнакомы [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра имеет статус ведущего стратегического и энергетического региона России, обеспечивающего энергетическую безопасность страны и являющегося крупнейшим нефтегазоносным регионом России и мира. Он входит в топ-5 российских регионов – лидеров по социально-экономическому положению в 2022 г.

В то же время анализ данных за 2023 г. показывает рост числа представителей коренных малочисленных народов Севера (хантов и манси), обращающихся в органы службы занятости Югры за содействием в трудоустройстве (их количество достигло 909 чел., что в 1,6 раза больше по сравнению с 2022 г.). При этом число признанных безработными также увеличилось (326 чел. против 162 чел. в 2022 г.). Это свидетельствует об ухудшении ситуации на рынке труда для хантов и манси и указывает на необходимость принятия новых мер.

Значительная часть безработных среди КМНС (65,2%) не имеют профессионального образования, что делает их неконкурентоспособными на рынке труда. Необходимость профессиональной подготовки для трудоустройства данной категории граждан очевидна, требуются разработка и реализация целенаправленных программ переобучения и повышения квалификации, учитывающих специфику традиционного образа жизни и культурные особенности хантов и манси. Наиболее востребованными направлениями подготовки и специальностями для КМНС считаются 43.00.00 «Сервис и туризм», 23.00.00

«Техника и технологии наземного транспорта», 44.00.00 «Образование и педагогические науки», 15.00.00 «Машиностроение», 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния», 34.00.00 «Сестринское дело». В перспективе целесообразна разработка программ повышения квалификации по направлениям «Бизнес-администрирование для народов Арктики», «Северное хозяйство» с двойной квалификацией «бухгалтер/ветеринар», «Этнографический туризм».

Представленные выше направления выбраны не случайно: они сочетают традиционные знания с современными профессиями, позволяют создавать рабочие места без отрыва от исконной среды обитания, помогают сохранить культуру и при этом интегрироваться в экономику. Предложенные направления подготовки и специальности отражают ключевые потребности коренных малочисленных народов Севера отдаленных районов ХМАО – Березовского и Белоярского. Чтобы не утратить культурное наследие, нужны педагоги, владеющие языками КМНС и знакомые с их традициями. Подготовка ветеринаров из числа местных жителей повысит качество ветеринарного обслуживания в отдаленных районах.

Для закрепления и укоренения коренных малочисленных народов Севера на территории Березовского и Белоярского районов предлагаются

- развитие туристской индустрии в местах традиционной хозяйственной деятельности КМНС: создание этнодеревень, этноотстойбищ, проведение мастер-классов по традиционным ремеслам и гастрономии, организация туристических маршрутов по примеру Республики Карелии¹² и Ямало-Ненецкого автономного округа¹³;
- популяризация предпринимательской деятельности среди КМНС: создание рыбных ферм и промышленное культивирование ди-

¹² Резиденция карельского Деда Мороза «Талви Укко», этнокомплекс «Карьяла Парк» с национальной карельской кухней, этнографический музей вепсов в п. Шелтозеро и т.п.

¹³ Природно-этнографический комплекс в поселке Горнокаязевск – филиал ГБУК ЯНАО «Окружной Дом ремесел» (URL: <https://depcul.yanao.ru/about/suborg/217/>, дата обращения: 24.04.2025).

коросов по примеру Республики Карелии¹⁴; развитие корального оленеводства по примеру Чукотского АО¹⁵, Республики Саха (Якутия)¹⁶, Ямало-Ненецкого АО¹⁷;

- реализация проектов по сохранению языков хантов и манси: создание онлайн-переводчиков с использованием ИИ по аналогии с уже созданными переводчиками для языков коми¹⁸ и якутского¹⁹.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00019 «Интегральное исследование социально-культурной динамики коренного населения Карелии: стратегия благоприятного социального климата в мультикультурном обществе»

Список источников

1. *Актуальные проблемы экономики и управления*: Сб. ст. Восьмой всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Екатеринбург, 20–21 октября 2020 года) / Отв. ред. М.Н. Игнатьева, Л.А. Мочалова. – Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2020. – 223 с.
2. *Деттер Г.Ф.* Детерминанты и особенности экономического поведения коренных малочисленных народов Севера России // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2020. – № 2 (107). – С. 28–35. DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.107.2.003.
3. *Концева Н.П., Нагаева О.С.* Традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в Красноярском крае: проблемы и перспективы развития //

¹⁴ «Ягоды Карелии» – крупнейший переработчик ягод и грибов в России (URL: <https://yagody.ru/>, дата обращения: 24.04.2025).

¹⁵ См.: *С февраля* на Чукотке повысят зарплаты оленеводам и морзверобоям. – URL: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/s_fevralya_na_chukotke_povy_syat_zarplaty_olenevodam_i_morzveroboyam/; <https://translate.majbyr.com/ru> (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁶ В Якутии реализуется региональная программа «Молодой оленевод», ключевой преференцией которой является выплата 1 млн руб. оленеводам в возрасте до 35 лет, занимающимся оленеводством не менее четырех лет.

¹⁷ См.: *Чумовой капитал* на Ямале с 2025 года уже на второго ребенка. – URL: <https://yanao.ru/press-tsentr/novosti/na-yamale-vydan-pervyy-chumovoy-kapital-za-vtorogo-rebenka/> (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁸ URL: <https://translate.majbyr.com/ru> (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁹ URL: <https://www.webtran.ru/translate/yakut/> (дата обращения: 24.04.2025).

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 16 (7). – С. 1222–1239.

4. *Леонов С.Н., Шеварева Я.С.* Проблемы и перспективы развития традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока // Регионалистика. – 2017. – № 4 (2). – С. 26–45. DOI: 10.14530/reg.2017.2.

5. *Логинов В.Г., Игнатъева М.Н., Балащенко В.В.* Этносоциоэкологический подход к оценке жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера // Экономика региона. – 2018. – № 14 (3). – С. 896–913. DOI: 10.17059/2018-3-15.

6. *Мельников А.В., Рудакова Л.В.* Развитие находящихся под воздействием промышленного освоения территорий традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС // Экологическая и техносферная безопасность горно-промышленных регионов: Тр. VIII Междунар. конф. (Екатеринбург, 07 апреля 2020 года). – Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2020. – С. 170–176.

7. *Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М.* Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – № 11 (2). – С. 175–191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12.

8. *Потраевый И.М., Питухина М.А., Белых А.Д.* Этнотуризм в оценках экономического и социального благополучия населения в Арктике // Арктика: экология и экономика. – 2025. – Т. 15, № 1 (57). – С. 143–155. DOI: 10.25283/2223-4594-2025-1-143-155.

9. *Святченко И.В.* Разработка мероприятий по сохранению национальной идентичности коренных этносов, как фактор повышения их конкурентоспособности на региональном рынке труда // Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность: Сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 31 января 2024 года). – Челябинск: УралГУФК, 2024. – С. 178–183.

10. *Тей Д.О., Татьянакин Вит.М., Татьянкин Вл.М.* Исследование рынка труда и демографии в ХМАО-Югре // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2017. – № 10 (84). – С. 69–79.

11. *Ткачук Н.В.* Запросы родителей школьников из числа коренных малочисленных народов Севера к организации учебно-воспитательного процесса в школах-интернатах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (социологический опрос) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2024. – № 2 (89). – С. 41–52. DOI: 10.69571/SSPU.2024.89.2.014.

12. *Ткачук Н.В.* Этнические автостереотипы коренных малочисленных народов Севера (социологический опрос в Югре) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2 (77). – С. 81–88. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.007.

13. *Хакназаров С.Х.* Государственная поддержка как фактор улучшения качества жизни молодежи из числа коренных народов Севера – Югры: о некоторых

результатах социологического опроса // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: Мат. XII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Республики Бурятия (Улан-Удэ, 28–29 сентября 2023 года). – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2023. – С. 267–268.

14. *Хакназаров С.Х.* Социальные проблемы коренных жителей Севера Белоярского района Югры в контексте социологических исследований // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 2-1 (65). – С. 66–69. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-66-69.

15. *Чуланова О.Л., Колтунович М.А., Яворская К.И.* Анализ рынка труда и сферы занятости населения ХМАО-Югры: проблемы, задачи, перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 5-3. – С. 97–108.

16. *Шушигина А.Н.* Образование как фактор развития экономической активности коренных малочисленных народов Севера // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2021. – № 3 (7). – С. 81–88. DOI: 10.51823/74670_2021_3_81.

17. *Barker A.J.* Already occupied: Indigenous peoples, settler colonialism and the occupy movements in North America // Social Movement Studies. – 2012. – No. 11 (3-4). – P. 327–334. DOI: 10.1080/14742837.2012.708922.

18. *Farrell J., Burow P.B., McConnell K., Bayham J., Whyte K., Koss G.* Effects of land dispossession and forced migration on indigenous peoples in North America // Science. – 2021. – No. 374 (6567). DOI: 10.1126/science.abe4943.

19. *Kramvig B., Avango D.* The multiple landscapes of Biedjovággi: Ontological conflicts on indigenous land // Polar Record. – 2021. – No. 57. DOI: 10.1017/S0032247421000139.

20. *Natcher D.C.* Land use research and the duty to consult: a misrepresentation of the aboriginal landscape // Land Use Policy. – 2001. – No. 18 (2). – P. 113–122. DOI: 10.1016/S0264-8377(01)00011-4.

21. *Natcher D., Brunet N., Bogdan A.M., Tchir D.* Seeking indigenous consensus on the impacts of oil sands development in Alberta, Canada // The Extractive Industries and Society. – 2020. – No. 7 (4). – P. 1330–1337. DOI: 10.1016/j.exis.2020.06.013.

22. *Natcher D., Ingram S., Brunet N.D., Bogdan A.M.* Accounting for intracultural variability in first nation environmental knowledge: A requisite for environmental monitoring and impact assessments // Environmental Impact Assessment Review. – 2020. – No. 85. DOI: 10.1016/j.eiar.2020.106465.

23. *Redvers N., Aubrey P., Celidwen Y., Hill K.* Indigenous peoples: Traditional knowledges, climate change, and health // PLOS Global Public Health. – 2023. – No. 3 (10). DOI: 10.1371/journal.pgph.0002474.

24. *Sjölander P.* What is known about the health and living conditions of the indigenous people of northern Scandinavia, the Sami? // Global Health Action. – 2011. – No. 4 (1). DOI: 10.3402/gha.v4i0.8457.

Информация об авторах

Питухина Мария Александровна (Россия, Петрозаводск) – доктор политических наук, профессор Петрозаводского государственного университета, (185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33). E-mail: maria.pitukhina@gmail.com.

Бelyх Анастасия Дмитриевна (Россия, Петрозаводск) – специалист Управления научных исследований Петрозаводского государственного университета, (185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33). E-mail: anastasiya.belykh098@gmail.com.

Волох Владимир Александрович (Россия, Москва) – доктор политических наук, профессор Государственного университета управления (109542, Москва, Рязанский просп., 99, стр. 8); профессор Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. E-mail: v.volokh@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250309

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 225–248

М.А. Pitukhina, A.D. Belykh, V.A. Volokh

INDIGENOUS MINORITIES AT MUNICIPAL LABOUR MARKET OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG–YUGRA

Since 2023, according to the decree of the Government of the Russian Federation, Berezovsky and Beloyarsky municipal districts of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra are the districts of the Arctic Zone of the Russian Federation. These are the two districts where indigenous small-numbered peoples of the region – Khanty and Mansi – predominantly live. The goal of the article is to analyze the situation with indigenous minorities at municipal labor market and to identify peculiarities of their embeddedness.

Research hypothesis: In Arctic regions of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, representatives of Khanty and Mansi demonstrate a lower level of employment rate comparing to the rest of the region's population, which indicates insufficient integration at municipal labor market and a lower level of embeddedness associated with lack of vocational education (65.2% of Khanty and Mansi) and insufficient qualification.

The methodology of the research is associated with a comparison of data from open sources. It also includes recommendations for improving the situation at the labor market in the Arctic regions of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, for example, recommendations for of special educational programs, development of traditional crafts, etc.

The analysis has shown the correspondence of labor resources with geographic location of enterprises. Khanty and Mansi live in three municipal districts which are considered to be the least balanced in terms of labor market – Berezovsky, Beloyarsky, Kondinsky. The analyzed data for 2023 indicates the aggravation of the situation at municipal labor market for Khanty and Mansi and indicates an acute need for new measures to be taken.

Keywords: municipal labour market; indigenous minorities of the North; Khanty-Mansi Autonomous Okrug; labour employment; tensions; embeddedness

For citation: Pitukhina, M.A., A.D. Belykh & V.A. Volokh. (2025). Polo-zhenie korennykh malochislennykh narodov na munitsipalnom rynke truda Khanty-Mansiyskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry [Indigenous minorities at municipal labor market of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 225–248. DOI: 10.15372/REG20250309.

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00019 “Integral study of the socio-cultural dynamics of the indigenous population of Karelia: a strategy for a favorable social climate in a multicultural society”

References

1. Ignatyeva, M.N. & L.A. Mochalova (Eds.). (2020). Aktualnye problemy ekonomiki i upravleniya: Sb. st. Vosmoy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (g. Yekaterinburg, 20–21 oktyabrya 2020 goda) [Actual Problems of Economics and Management: Collection of articles of the Eighth All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Yekaterinburg, October 20–21, 2020)]. Yekaterinburg, Ural State Mining University Publ., 223.
2. Detter, G.F. (2020). Determinanty i osobennosti ekonomicheskogo povedeniya korennykh malochislennykh narodov Severa Rossii [Determinants and features of the economic behavior of the indigenous peoples of the Russian North]. Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District], 2 (107), 28–35. DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.107.2.003.

3. *Koptseva, N.P. & O.S. Nagaeva.* (2023). Traditsionnoe khozyaystvo korennykh malochislennykh narodov Severa v Krasnoyarskom krae: problemy i perspektivy razvitiya [Traditional economy of the indigenous peoples of the North in the Krasnoyarsk Krai: problems and opportunities of development]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 16 (7), 1222–1239.

4. *Leonov, S.N. & Ya.S. Shevareva.* (2017). Problemy i perspektivy razvitiya traditsionnykh vidov khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa Dalnego Vostoka [Problems and prospects of development of traditional economic activities of indigenous peoples of Russian Far Eastern North]. *Regionalistika* [Regionalistics], 4 (2), 26–45. DOI: 10.14530/reg.2017.2.

5. *Loginov, V.G., M.N. Ignatyeva & V.V. Balashenko.* (2018). Etnosotsioekosistemnyy podkhod k otsenke zhiznedeyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa [Ethnic social and ecosystem approach to the evaluation of the livelihoods of small indigenous peoples of the North]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 14 (3), 896–913. DOI: 10.17059/2018-3-15.

6. *Melnikov, A.V. & L.V. Rudakova.* (2020). Razvitie nakhodyashchikhsya pod vozdeystviem promyshlennogo osvoeniya territoriy traditsionnogo prozhivaniya i khozyaystvennoy deyatel'nosti KMNS [Development of the territories of traditional residence and economic activity of the indigenous peoples under the influence of industrial development]. In: *Ekologicheskaya i tekhnosfernaya bezopasnost' gornopromyshlennykh regionov: Tr. VIII Mezhdunar. konf., 07 aprelya 2020 goda* [Environmental and Technosphere Safety of Mining Regions: Proceedings of the VIII International Conference (Yekaterinburg, April 07, 2020)]. Yekaterinburg, Ural State Mining University Publ., 170–176.

7. *Osipova, L.B., E.A. Kolesnik & O.M. Goreva.* (2018). Infrastrukturnaya podderzhka razvitiya molodezhnogo segmenta regionalnogo rynka truda [The infrastructure support for the development of the youth sector in the regional labor market]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 11 (2), 175–191. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.12.

8. *Potravnyy, I.M., M.A. Pitukhina & A.D. Belykh.* (2025). Etnoturizm v otsenkakh ekonomicheskogo i sotsialnogo blagopoluchiya naseleniya v Arktike [Ethno-tourism in assessment of economic and social well-being of the Arctic population], Vol. 15, No. 1 (57), 143–155. DOI: 10.25283/2223-4594-2025-1-143-155.

9. *Svyatchenko, I.V.* (2024). Razrabotka meropriyatiy po sokhraneniyu natsionalnoy identichnosti korennykh etnosov, kak faktor povysheniya ikh konkurentosposobnosti na regionalnom rynke truda [Developing measures to preserve the national identity of indigenous ethnic groups as a factor in increasing their competitiveness in the regional labor market]. In: *Sistema menedzhmenta kachestva v vuze: zdorovye, obrazovannost', konkurentosposobnost': Sb. nauch. tr. XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Chelyabinsk, 31 yanvarya 2024 goda)* [The Quality Management System in Higher Education Institutions: Health, Education, Competitiveness: Collection of scientific papers of the XIII International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, January 31, 2024)]. Chelyabinsk, Ural State University of Physical Culture Publ., 178–183.

10. *Tey, D.O., Vit.M. Tatyankin & Vl.M. Tatyankin.* (2017). Issledovanie rynka truda i demografii v KhMAO-Yugre [The study of the labor market and demographics in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Ugra]. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation], 10 (84), 69–79.

11. *Tkachuk, N.V.* (2024). Zaprosy roditel'ey shkolnikov iz chisla korennykh malochislennykh narodov Severa k organizatsii uchebno-vospitatelnogo protsessa v shkolkakh-internatakh Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry (sotsiologicheskii opros) [Requests from parents of schoolchildren from among the indigenous minorities of the North to organize the educational process in boarding schools of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra (sociological survey)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2 (89), 41–52. DOI: 10.69571/SSPU.2024.89.2.014.

12. *Tkachuk, N.V.* (2022). Etnicheskie avtostereotipy korennykh malochislennykh narodov Severa (sotsiologicheskii opros v Yugre) [Ethnic autostereotypes of indigenous peoples of the North (sociological survey in Yugra)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2 (77), 81–88. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.007.

13. *Khaknazarov, S.Kh.* (2023). Gosudarstvennaya podderzhka kak faktor uluchsheniya kachestva zhizni molodezhi iz chisla korennykh narodov Severa – Yugry: o nekotorykh rezultatakh sotsiologicheskogo oprosa [State support as a form of quality of life improvement of representatives of indigenous peoples of the North of Ugra: Sociological aspect]. In: *Formy i metody sotsialnoy raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatelnosti: Mat. XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Buryatiya (Ulan-Ude, 28–29 sentyabrya 2023 goda)* [Forms and Methods of Social Work in Various Spheres of Life: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude, September 28–29, 2023)]. Ulan-Ude, East Siberian State University of Technology and Management Publ., 267–268.

14. *Khaknazarov, S.Kh.* (2022). Sotsialnye problemy korennykh zhiteley Severa Beloyarskogo rayona Yugry v kontekste sotsiologicheskikh issledovaniy [Social problems of indigenous residents of the North of Beloyarsk district of Yugra in the context of sociological research]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2-1 (65), 66–69. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-66-69.

15. *Chulanova, O.L., M.A. Koltunovich & K.I. Yavorskaya.* (2016). Analiz rynka truda i sfery zanyatosti naseleniya KhMAO-Yugry: problemy, zadachi, perspektivy [Assessment of the labor market and employment of the Khanty-Mansiysk autonomous okrug: problems, tasks, prospects]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of Humanities and Natural Sciences], 5-3, 97–108.

16. *Shishigina, A.N.* (2021). Obrazovanie kak faktor razvitiya ekonomicheskoy aktivnosti korennykh malochislennykh narodov Severa [Education as a factor in the development of the labor market]. *Arktika 2035: aktualnye voprosy, problemy, resheniya* [Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions], 3 (7), 81–88. DOI: 10.51823/74670_2021_3_81.

17. *Barker, A.J.* (2012). Already occupied: Indigenous peoples, settler colonialism and the occupy movements in North America. *Social Movement Studies*, 11 (3-4), 327–334. DOI: 10.1080/14742837.2012.708922.

18. *Farrell, J., P.B. Burow, K. McConnell, J. Bayham, K. Whyte & G. Koss.* (2021). Effects of land dispossession and forced migration on indigenous peoples in North America. *Science*, 374 (6567). DOI: 10.1126/science.abe4943.

19. *Kramvig, B. & D. Avango.* (2021). The multiple landscapes of Biedjovággi: Ontological conflicts on indigenous land. *Polar Record*, 57. DOI: 10.1017/S0032247421000139.

20. *Natcher, D.C.* (2001). Land use research and the duty to consult: a misrepresentation of the aboriginal landscape. *Land Use Policy*, 18 (2), 113–122. DOI: 10.1016/S0264-8377(01)00011-4.

21. *Natcher, D., N. Brunet, A.M. Bogdan & D. Tchir.* (2020). Seeking indigenous consensus on the impacts of oil sands development in Alberta, Canada. *The Extractive Industries and Society*, 7 (4), 1330–1337. DOI: 10.1016/j.exis.2020.06.013.

22. *Natcher, D., S. Ingram, N.D. Brunet & A.M. Bogdan.* (2020). Accounting for intracultural variability in first nation environmental knowledge: A requisite for environmental monitoring and impact assessments. *Environmental Impact Assessment Review*, 85. DOI: 10.1016/j.eiar.2020.106465.

23. *Redvers, N., P. Aubrey, Y. Celidwen & K. Hill.* (2023). Indigenous peoples: Traditional knowledges, climate change, and health. *PLOS Global Public Health*, 3 (10). DOI: 10.1371/journal.pgph.0002474.

24. *Sjölander P.* (2011). What is known about the health and living conditions of the indigenous people of northern Scandinavia, the Sami? *Global Health Action*, 4 (1). DOI: 10.3402/gha.v4i0.8457.

About Authors

Pitukhina, Maria Alexandrovna (Petrozavodsk, Russia) – Doctor of Political Science, Professor at Petrozavodsk State University (33, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia). E-mail: maria.pitukhina@gmail.com.

Belykh, Anastasia Dmitrievna (Petrozavodsk, Russia) – analyst at Scientific Research Directorate, Petrozavodsk State University (33, Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia). E-mail: anastasiya.belykh098@gmail.com.

Volokh, Vladimir Aleksandrovich (Moscow, Russia) – Doctor of Political Science, Professor at the State University of Management (99, Bldg. 8, Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia); Professor at V.V. Zhirnovsky University of World Civilizations. E-mail: v.volokh@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 09.01.2025.

После доработки 28.04.2025.

Принята к публикации 05.05.2025.

© Питухина М.А., Белых А.Д., Волох В.А., 2025

УДК 332.14+353.2

Регион: экономика и социология, 2025, № 3 (127), с. 249–277

В.В. Климанов

ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ: ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Статья посвящена анализу эффективности мер государственной поддержки социально-экономического развития регионов России на основе оценок, данных государственными служащими в субъектах РФ. Предметом исследования является восприятие региональными органами власти различных инструментов федеральной поддержки. Цель работы – выявить проблемы, возникающие при реализации мер поддержки, и разработать предложения по их совершенствованию. Методологической основой исследования стали анализ и обобщение результатов опроса, проведенного Центром региональной политики РАНХиГС совместно с комиссией Государственного Совета РФ по направлению «Экономика и финансы» в сентябре–октябре 2024 г. Опрос охватил государственных служащих различных субъектов Российской Федерации.

Результаты анализа показали существенные различия в оценках эффективности мер поддержки в зависимости от группы регионов. Выявлены проблемные зоны, в частности низкие оценки получило кураторство вице-премьеров по федеральным округам. Оценка высвобождения средств в рамках реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам оказалась неоднозначной. Инструменты «инфраструктурного меню» и преференциальные территории в целом получили положительные отзывы.

Выводы исследования вносят вклад в понимание отношения региональных органов власти к федеральной поддержке и определяют направления для повышения ее эффективности. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования механизмов государственной

поддержки регионального развития, для оптимизации распределения ресурсов и повышения эффективности реализации федеральных программ. Они представляют интерес для органов государственной власти, исследователей региональной экономики и экспертов в области управления.

Ключевые слова: региональное развитие; регионы России; межбюджетные трансферты; программы развития регионов; особые экономические зоны; бюджетные кредиты

Для цитирования: *Климанов В.В.* Инструменты стимулирования регионального развития в России: оценка государственных служащих // *Регион: экономика и социология.* – 2025. – № 3 (127). – С. 249–277. DOI: 10.15372/REG20250310.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важных направлений в системе государственного управления является работа с отдельными территориями, входящими в состав данного государства, что проявляется в формировании специальной региональной политики [31]. Такая политика может иметь формально закреплённый характер, однако на практике она выражается в совокупности действий, предпринимаемых центральным правительством по отношению к регионам в соответствии с нормативно закреплёнными правилами и процедурами, но может быть и менее формализованной [21].

В новейшей истории России было несколько попыток формирования региональной направленности экономической политики, нормативно-правового закрепления и содержательной систематизации инструментов и механизмов стимулирования социально-экономического развития регионов, под которыми чаще всего подразумевались субъекты Федерации [5; 7; 9; 16]. В настоящее время формально принципы, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной региональной политики в России закреплёны положениями Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», определяющего и конкретизирующего приоритетные задачи такого регу-

лирования, в число которых входят инфраструктурное обеспечение, привлечение частных инвестиций, регулирование внутренней и внешней миграции, стимулирование регионов к наращиванию собственного экономического потенциала, дальнейшее разграничение полномочий органов государственной и муниципальной власти и др.

В развитие данного указа Правительством Российской Федерации первоначально в феврале 2019 г., а затем в конце декабря 2024 г. были утверждены Стратегии пространственного развития Российской Федерации, первоначально на период до 2025 г., а затем – на период до 2030 г. и с прогнозом до 2036 г.¹ Часть инструментов и механизмов работы федерального центра с регионами, хотя и не все, были обозначены в этих документах. Так, в Стратегии до 2030 г. пространственное развитие рассматривается как ключевой элемент социально-экономического развития страны, а для достижения обозначенных в ней целей предлагается направить инструменты и ресурсы государственной политики на поддержку сети опорных населенных пунктов различных численности и специализации. Предполагается, что эти центры возьмут на себя роль поставщиков услуг для окружающих территорий. О.В. Кузнецова отмечает, что «несмотря на привлекательность такой концепции, существуют значительные препятствия и ограничения для ее успешной реализации. Это требует дальнейших углубленных, в том числе междисциплинарных, научных исследований» [6, с. 14].

Необходимость обновления Стратегии пространственного развития была обозначена в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором, помимо прочего, одним из установленных целевых показателей и одной из задач, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика», является «снижение к 2036 году не более чем до двух раз разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными субъектами Российской Фе-

¹ Соответственно распоряжениям от 13 февраля 2019 г. № 207-р и от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

дерации (с учетом оказания финансовой поддержки из федерального бюджета в форме целевых межбюджетных трансфертов)». Достижение такого целевого показателя, как представляется, возможно при сочетании формализованных и индивидуальных мер поддержки регионов.

Все это предопределяет необходимость активного использования широкого спектра инструментов в рамках мер федеральной поддержки регионального развития. Восприятие же действительного эффекта таких мер со стороны субъектов Российской Федерации, точнее региональных чиновников, может отличаться от того, что исходно планировалось. Именно это и является предметом настоящей статьи.

ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В последние годы субъекты Российской Федерации сталкиваются с масштабными проблемами и событиями, требующими мобилизации внутренних финансовых, человеческих, технологических и иных ресурсов и принятия новых решений для нивелирования влияния внешних вызовов и преодоления их последствий. Опыт прохождения кризисов 1998, 2008–2010, середины 2010-х и 2020 гг. (последний был вызван распространением коронавирусной инфекции) показал, что успешность государственного управления [18] зависит не только от характера кризисной ситуации или сложившихся структурных характеристик экономики, но и в неменьшей степени от эффективности и адекватности мер, направленных на преодоление возникших негативных тенденций и скорейший выход на траекторию устойчивого развития.

Сокращение бюджетных поступлений на региональном и местном уровнях, нехватка рабочей силы, последствия пандемии COVID-19 [14; 30], введенные недружественными странами экономические ограничения и другие обстоятельства, оказывающие существенное воздействие на регионы и их развитие, диктуют необходимость оперативного принятия управленческих решений. Одним из способов обеспечения эффективности этих решений может стать активное использование цифровых технологий в развитии территорий [2].

При этом история кризисных явлений, с которыми сталкивалась отечественная система государственного управления в новейшее время, при всех своих негативных последствиях для практики государственного управления, предлагает своеобразный стресс-тест сложившимся институтам, экономической и социальной системам региона.

Уникальные условия каждого кризиса при отсутствии сформированных шаблонов поведения провоцируют выработку нестандартных решений [26], которые в будущем могут быть масштабированы и перейти в разряд традиционных инструментов государственного управления. Обращение к универсальным подходам в управлении в условиях, приближенных к кризису, нередко демонстрирует низкую эффективность, ведет к обострению проблем социально-экономического развития и приостанавливает процессы, направленные на развитие регионов [19; 27]. Напротив, резко повышается востребованность нестандартных способов реагирования в сложнопредсказуемой и резко изменяющейся внешней среде [20]. Опыт Российской Федерации в преодолении экономических кризисов последних десятилетий свидетельствует о неоднородном характере применяемых мер по стабилизации ситуации, в том числе в части оказания финансовой поддержки субъектам Федерации [17, с. 180].

Политика регулирования регионального развития не статична, а изменяется во времени в зависимости от уровня социально-экономического развития, хода проводимых экономических и политических преобразований, влияния внешних для страны факторов [13; 22]. Кроме того, следует принимать во внимание, что субъективные (институциональные) факторы в развитии регионов, так же как и стран, играют все большую роль по отношению к факторам объективным, связанным с естественными причинами [25]. Это отчасти предопределяет то, что, наряду с традиционными формами поддержки регионов, идет поиск и новых инструментов регулирования регионального развития.

К традиционным инструментам поддержки регионального развития в России относятся прежде всего межбюджетные трансферты: дотации и целевые межбюджетные трансферты (субсидии, субвен-

ции, иные межбюджетные трансферты) из федерального бюджета [11, с. 95; 12, с. 120]. Процедурные требования к предоставлению трансфертов регионам закреплены в Бюджетном кодексе Российской Федерации и ряде нормативных правовых актов правительства, в том числе утверждающих методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и правила предоставления субсидий².

К группе широко известных и давно используемых мер по стимулированию социально-экономического развития регионов также можно отнести поддержку особых экономических зон [3, с. 46], территорий опережающего развития [15, с. 101], моногородов [29, с. 14], проектов комплексного развития территорий [23].

В последнее время спектр форм возвратного финансирования регионов стал весьма широким [1]. Таким механизмом со стороны федерального центра являются бюджетные кредиты [8, с. 114]. Среди них выделяются инфраструктурные бюджетные кредиты, направленные на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, специальные казначейские кредиты, предоставляемые на цели финансового обеспечения реализации мероприятий, закрепленных в Постановлении Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 1190, тоже в основном касающемся развития инфраструктуры. При этом условия предоставления таких заемных средств весьма лояльны.

Куратором программ инфраструктурных бюджетных и специальных казначейских кредитов выступает Минстрой России, оператором – публично-правовая компания «Фонд развития территорий». Механизмы инфраструктурных бюджетных и специальных казначейских кредитов входят в социально-экономическую инициативу правительства «Инфраструктурное меню», которая, в свою очередь, является федеральным проектом, входящим в государственную программу Российской Федерации «Развитие федеративных отношений

² Соответственно Постановлениям Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2004 г. № 670 и от 30 сентября 2014 г. № 999.

и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами».

Начиная с 2025 г., в России вводится в действие полноценный механизм аннулирования задолженности по бюджетным займам, предусматривающий целевое использование высвобождаемых ресурсов для финансирования инвестиционных проектов. Предварительно, в 2021 г., правительство расширило список отраслей и типов проектов, на которые регионы могли направлять средства, сэкономленные благодаря реструктуризации долгов по бюджетным кредитам. Данная мера была нацелена на дальнейшую активизацию инвестиционной деятельности в регионах, предоставляя им возможность одновременно сокращать долговое бремя и стимулировать экономический рост³. Однако этот механизм, хотя и заработал, должного эффекта в обеспечении регионального развития не дал.

В начале 2025 г. стартовала новая фаза списания бюджетных кредитов, заключающаяся в списании двух третей задолженности регионов, зафиксированной по состоянию на 1 марта 2024 г., при условии, что регионы направят освободившиеся ресурсы на строго определенные цели. Общий объем подлежащих списанию кредитов оценивался более чем в 1 трлн руб. Правила списания, в том числе направления расходов, которые должны были обозначить субъекты Федерации, были установлены требованиями Постановления Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2025 г. № 79.

Еще одним инструментом работы федерального правительства с регионами являются индивидуальные программы социально-экономического развития, которые принимаются и реализуются для 10 отстающих субъектов Федерации с 2019 г. В список таких регионов вошли республики Адыгея, Алтай, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Тыва, Чувашия, Алтайский край, Курганская и Псковская области. В 2024 г. действие данного механизма было продлено на шесть лет, в список регионов были включены Кировская область и Республика Хакасия, а программы в республиках Адыгее и Карелии

³ URL: <http://government.ru/news/42347/> (дата обращения: 18.04.2025).

были завершены⁴. Согласно методическим рекомендациям, утвержденным Минэкономразвития России, такие индивидуальные программы направлены на снижение уровня безработицы, увеличение темпов роста физического объема инвестиций в федеральные проекты, снижение уровня бедности и увеличение темпов роста реального среднедушевого денежного дохода населения⁵. Следует отметить, что федеральные программы развития отдельных регионов активно использовались как инструмент федеральной политики еще со второй половины 1990-х годов [7]. Однако позднее такая практика стала охватывать лишь несколько геостратегически важных макро-регионов, и сейчас как отдельный инструмент действуют государственные программы Российской Федерации в отношении Дальнего Востока, Арктической зоны, Северо-Кавказского федерального округа, Республики Крым и г. Севастополя, Калининградской области, а также четырех новых регионов.

Относительно новым механизмом федеральной поддержки регионального развития является содействие в разработке мастер-планов городов и городских агломераций [8]. Данный инструмент активно используется и в мировой практике [28]. В начале 2024 г. был утвержден перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию Пр-616, в котором в том числе говорится, что правительству необходимо «определить перечень, включающий в себя не менее 200 крупных и малых городов, городских агломераций, обеспечив разработку, утверждение и реализацию мастер-планов и планов комплексного социально-экономического развития»⁶.

⁴ См.: *Минэкономразвития России представит новые правила отбора в ИПР для регионов в ближайшие месяцы* / Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_predstavit_novye_pravila_otbora_v_ipr_dlya_regionov_v_blizhaye_mesyacy.html (дата обращения: 18.04.2025).

⁵ См.: *Бюллетень* Счетной палаты Российской Федерации. – 2024. – № 1: Развитие регионов. – URL: <https://www.sptulobl.ru/law/Bul-1-2024.pdf>.

⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759> (дата обращения: 18.04.2025).

Наконец, еще одним механизмом федеральной поддержки регионального развития является кураторство вице-премьеров. В августе 2021 г. Председатель Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин определил ключевые цели социально-экономического развития регионов, которыми должны были руководствоваться в своей работе вице-премьеры, назначенные ответственными за развитие федеральных округов. Такими целями стали «рост доходов населения и численности занятых на вверенных территориях, а также объема инвестиций и выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности»⁷. Кроме того, в каждом из регионов, входящих в состав конкретного федерального округа, вице-преьерам вместе с главами субъектов РФ предстояло определить до пяти проектов, направленных на социально-экономическое развитие территорий, и выделить до пяти вопросов, решение которых даст наибольший эффект в плане достижения ключевых целей, стоящих перед кураторами. В Координационном центре Правительства Российской Федерации в то время был создан проектный офис по мониторингу социально-экономического развития субъектов Федерации⁸. В феврале 2024 г. были рассмотрены результаты реализованных в федеральных округах проектов⁹.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящего исследования Центром региональной политики РАНХиГС совместно с комиссией Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Экономика и финансы» в сентябре–октябре 2024 г. был проведен опрос государственных служащих для оценки применяемых федеральными органами государственной власти инструментов поддержки социально-экономического развития регионов. Получение подобной субъективной оценки позволяет расширить представление о значимости и эффективности применяемых мер, что может служить дополнительным критерием при оценках и измерении самого развития регионов [24].

⁷ URL: <http://government.ru/news/43956/> (дата обращения: 18.04.2025).

⁸ Там же.

⁹ URL: <http://government.ru/news/50978/> (дата обращения: 18.04.2025).

Анкеты были разосланы во все субъекты Российской Федерации. Анкетирование состояло из трех вопросов.

В первом вопросе респондентам предлагалось оценить степень значимости девяти федеральных инструментов поддержки регионального развития, действующих в регионе в настоящее время или применявшихся в последние три года, по шкале от 1 (наименее значимый) до 5 (наиболее значимый).

Список исследуемых инструментов включал: дотации из федерального бюджета; целевые межбюджетные трансферты (субсидии, субвенции, иные межбюджетные трансферты) из федерального бюджета; наличие особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития и других преференциальных территорий; инфраструктурные бюджетные и специальные казначейские кредиты; высвобождение средств в рамках реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам; программы социально-экономического развития субъектов Федерации; содействие в разработке мастер-планов развития городов; кураторство вице-премьеров по федеральным округам. Респондент мог выбрать для любого из инструментов вариант «затрудняюсь ответить» либо указать, что инструмент «не применялся». Необходимо было также ответить, нужно ли продолжать применение данных инструментов поддержки развития в регионе.

Второй вопрос звучал следующим образом: «Как вы считаете, по сравнению с другими регионами в федеральном округе, ваш субъект Российской Федерации получает больше или меньше мер поддержки со стороны Федерации?». Предлагались варианты ответа: «больше», «меньше», «примерно столько же», «затрудняюсь ответить».

Третьим был вопрос «Как вы считаете, достаточен ли набор инструментов федеральной поддержки в регионе или нужны дополнительные (альтернативные) меры поддержки?» с вариантами ответа «достаточно», «недостаточно», «затрудняюсь ответить».

После каждого вопроса респондент мог оставить комментарии.

В результате проведенного опроса было получено 355 заполненных анкет из 72 субъектов Российской Федерации. При этом из 18 регионов было получено более одной анкеты.

В тех регионах, из которых было собрано более одной анкеты, для обобщения при анализе приоритет отдавался анкетам, заполненным подразделениями правительств (администраций), отвечающими за экономику, финансы и развитие промышленности. Этот выбор осуществлялся экспертным путем. В случае, когда большая часть ответов в некоторых из таких анкет была «затрудняюсь ответить», приоритет для выведения средней по региону отдавался анкетам, где респонденты не выбирали данный вариант ответа и давали дополнительные комментарии.

Для того чтобы учесть в расчетной составляющей исследования новые российские регионы, экспертным путем было отобрано по одной анкете от каждого, хотя для учета предложений и комментариев рассматривались все присланные такими субъектами анкеты. Это было сделано для того, чтобы не допустить серьезного смещения в результатах, так как у новых регионов пока отсутствует длительная история получения мер федеральной поддержки, а также в силу слишком специфичных особенностей их социально-экономического развития в настоящий момент, из-за чего может быть сложно отделить эффективность мер федеральной поддержки от прочих факторов.

Анкеты, где все варианты ответов были «затрудняюсь ответить», не рассматривались в качестве материалов для анализа. Особую ценность представляли анкеты, в которых респонденты давали комментарии к выбранным ответам.

По результатам был проведен статистический анализ полученных вариантов ответов, комментарии были обобщены и на их основании представлены предложения по совершенствованию федеральных мер поддержки регионального развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Необходимо отметить, что, возможно, мы наблюдаем некоторое смещение в результатах оценок мер региональной поддержки, так как не все представители регионов могли быть готовы давать негативные оценки и комментарии. В нашем опросе большинство оценок по каждой из мер в тех регионах, где они использовались, были максимальными. Более того, в подавляющем большинстве случаев, за редким

исключением, были выбраны ответы о необходимости продолжать все используемые меры поддержки. Тем интереснее обратить внимание на меры, которые получили более низкие и крайне низкие оценки от существенного количества опрошенных регионов.

Таким «негативным лидером» стало кураторство вице-премьеров по федеральным округам. Тридцать полученных по данной мере оценок не были значением «5», из них в девяти регионах затруднились с ответом, а еще в девяти для оценки меры были выбраны значения «1», «2», «3», что является крайне низким результатом в сравнении с оценками остальных инструментов. Более того, в 10 регионах ответили, что нет необходимости продолжать использование данной меры. Это довольно интересно с учетом того факта, что в федеральном правительстве внутренняя оценка такой меры поддержки довольно велика и ее планируют развивать.

Неоднозначно оценивалось регионами и высвобождение средств в рамках реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам. Некоторые регионы даже отметили, что от этого вида помощи следует отказаться. С точки зрения Федерации, данная мера поддержки является крайне эффективной, так как регионам предлагалось списать до двух третей задолженности по бюджетным кредитам и направить деньги на инвестиции. Регионы же сталкивались с существенной дилеммой и отмечали одну и ту же острую проблему. У многих субъектов Российской Федерации отсутствовали «высвобождаемые средства», так как при формировании бюджета источником погашения бюджетных кредитов являлись средства коммерческих банков. Следовательно, для выполнения регионом обязательств по направлению средств на новые инвестиционные проекты необходимо было бы сохранить объем привлеченных рыночных заимствований, что привело бы к росту объемов государственного долга региона и расходов на его обслуживание. Ситуация усугублялась высокой ключевой ставкой Банка России, что не было такой острой проблемой, когда мера разрабатывалась.

В ряде регионов отмечали, что погашение государственного долга в части бюджетных кредитов запланировано в полном объеме за счет привлечения коммерческих кредитов. Свободные средства для осуществления расходов на реализацию инфраструктурных проектов,

поддержку инвестиций и модернизацию инфраструктуры в сфере жилищно-коммунального хозяйства в бюджетах отсутствуют, что делает невозможным списание бюджетных кредитов. Обозначенные в конце 2024 г. представителями регионов проблемы частично удалось разрешить в ходе конкретного запуска механизма списания в первой половине 2025 г.

Сами элементы «инфраструктурного меню» оценивались достаточно позитивно. Отмечалось, что они позволяют финансировать важнейшие для регионов социально-экономические проекты, в том числе проекты по развитию транспортной, инженерной, коммунальной, социальной, туристской инфраструктур. Регионы считали целесообразным сохранить данный механизм поддержки, так как в условиях высокой ключевой ставки реализация таких проектов за счет привлечения коммерческих кредитов нецелесообразна.

Наличие особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опережающего развития (ТОР) и других преференциальных территорий в целом было оценено респондентами позитивно. Однако 13 регионов поставили этому инструменту оценки «3» и «4». При этом, за исключением одного региона, все придерживались мнения, что функционирование инструмента необходимо продолжать и расширять. Все негативные комментарии касались того, что регионам необходима еще более существенная поддержка в рамках развития данного инструмента.

Так, например, респонденты отвечали, что особая экономическая зона в Калининградской области является ключевым инструментом развития ее экономики. Аналогично и инвестиционный потенциал механизма ОЭЗ в Московской области оценивался достаточно высоко. В некоторых же регионах отвечали, что создание и функционирование ОЭЗ на их территории недостаточно эффективно, так как не достигаются в полном объеме запланированные показатели налоговой отдачи от инвестиций.

Отмечалась и проблема, состоящая в том, что для привлечения большего количества резидентов и реализации их проектов на территории ОЭЗ требуются создание объектов инженерной инфраструктуры, приведение в надлежащее состояние производственных площадок за счет средств консолидированного бюджета субъекта и внебюджетных источников. Однако дефицит бюджетных средств и от-

сутствие крупных инвесторов ограничивают применение в полной мере данного инструмента.

Можно отметить, что крайне позитивно были оценены индивидуальные программы социально-экономического развития регионов. Респонденты, приславшие анкеты, где такой инструмент применялся, оценили его на «5». Респонденты же, где такой инструмент не применялся, хотели бы, чтобы для них была разработана подобная программа.

Что касается содействия в разработке мастер-планов городов, то в большей части субъектов этот инструмент не применялся либо респонденты затруднялись с ответом. В целом по данному инструменту в ответах констатировалось, что отсутствует достаточная нормативно-правовая база для его полноценного использования.

Регионы отмечали, что, по информации Минстроя России с учетом позиции Минфина России, источники финансирования дополнительных расходов федерального бюджета на разработку мастер-планов отсутствовали. В рамках сложившейся практики мастер-планы городов разрабатывались субъектами Федерации в инициативном порядке за счет региональных либо внебюджетных средств. Таким образом, собственно мастер-планы развития городов нельзя отнести непосредственно к механизмам государственной поддержки регионов. При этом субъекты считали оказание федеральной поддержки на разработку и реализацию мастер-планов городов в целом целесообразным.

Что касается мер межбюджетной поддержки, то разные группы субъектов по-разному оценивали эффективность одних и тех же мер, в том числе эффективность предоставления межбюджетных трансфертов, и предлагали различные модели совершенствования системы межбюджетных отношений для стимулирования регионального развития. Регионы, которые получали небольшое количество межбюджетных трансфертов, были склонны к критике сложившейся системы распределения, регионы же с большой долей трансфертов в совокупных доходах бюджета оценивали такую поддержку как в целом эффективный механизм.

При ответе на вопрос о том, сколько федеральной поддержки получает регион по сравнению с другими субъектами федерального

округа, только в одной анкете был выбран вариант «больше»; в основном же были выбраны ответы «примерно столько же» (31 регион, или 43%) и «меньше» (30 регионов, или 41%). Затруднились ответить в 10 регионах.

При ответе на вопрос о достаточности мер федеральной поддержки подавляющее большинство респондентов (54 региона) указали, что таких мер недостаточно, но 16 регионов посчитали, что им мер поддержки хватает. Еще в двух субъектах Федерации затруднились ответить.

Практически каждый регион сопроводил свой ответ на третий вопрос предложениями о возможном совершенствовании системы региональной поддержки, которые ниже сгруппированы в несколько блоков.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Основной проблемой, которую регионы отмечали как тормоз своего развития, является нехватка средств для софинансирования тех или иных расходных обязательств. При этом в зависимости от уровня бюджетной обеспеченности предлагалось два базовых варианта решения данной проблемы.

Регионы-доноры констатировали, что выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Федерации осуществляется в основном через систему межбюджетных трансфертов. Следствием межбюджетного выравнивания является зависимость ряда регионов от выделения трансфертов. Для увеличения бюджетной самостоятельности субъектов Федерации, как и ранее, предлагалось расширить перераспределение налоговых доходов с одновременным сокращением трансфертов и передачей с регионального уровня на федеральный отдельных расходных полномочий. В то же время регионы-реципиенты настаивали в основном на расширении практики предоставления дотаций и увеличении доли софинансирования со стороны федерального бюджета при предоставлении субсидий, а высокодотационные регионы – еще и на более индивидуальном подходе при распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Регионы активно предлагали осуществить частичную передачу на региональный уровень доходов от уплаты акцизов на табачные изделия, а также «вернуть» регионам один процентный пункт по налогу на прибыль организаций. В конце 2024 г., уже при понимании, что запущен процесс совершенствования налогового законодательства, предлагалось дополнительно определить временный характер зачисления в федеральный бюджет 100% налога на доходы физических лиц в части ставок 15% и выше, а после завершения временного периода зачислять данный налог в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации по нормативу не менее 50%.

Практически все субъекты отмечали, что на федеральном уровне систематически принимаются решения о внесении изменений в налоговое и бюджетное законодательство, приводящие к возникновению выпадающих доходов региональных бюджетов, при этом компенсация выпадающих доходов либо не предусматривается, либо предусматривается частично, что влечет существенный рост расходных обязательств. В качестве подтверждающих примеров приводились факты, связанные с повышением оплаты труда в рамках «майских» указов президента России, существенное увеличение минимального размера оплаты труда, лесные отношения и др. Возникающее снижение бюджетной устойчивости регионов предлагалось компенсировать за счет увеличения дотаций на частичную компенсацию дополнительных расходов на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы в большем объеме и вне зависимости от уровня бюджетной обеспеченности. Получатели данной дотации просили закрепить на законодательном уровне ежегодную индексацию общего ее объема в размере прогнозируемого роста оплаты труда на очередной финансовый год.

Как было выявлено в ходе опроса, сохраняются острыми и проблемы необходимости уплаты страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения и обеспечения лекарственными препаратами льготных категорий граждан для лечения заболеваний.

В качестве предложения указывалось также на необходимость обеспечить уровень софинансирования расходного обязательства субъекта Российской Федерации за счет федерального бюджета не

ниже предельного уровня софинансирования, установленного Правительством РФ, так как в отдельных случаях при заключении соглашений на предоставление субсидий из федерального бюджета такой уровень софинансирования расходов, направленных на реализацию национальных проектов, устанавливался ниже указанного предельного уровня. Аналогично предлагалось предусмотреть возможность сохранения первоначально установленного уровня софинансирования применительно к окончательной стоимости объектов капитального строительства или ремонта в случае удорожания сметной стоимости, так как превышающие объемы расходов осуществляются за счет средств бюджетов субъектов Федерации, что оказывает на них значительную нагрузку.

Регионы отмечали, что целесообразно в методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности установить на постоянной основе специальные условия, гарантирующие возможность сохранения прироста данной дотации субъекту Российской Федерации по отношению к предыдущему финансовому году в размере 30% для тех регионов, у которых объем поступлений налоговых доходов в консолидированный бюджет субъекта составляет менее средней доли по России в объеме налоговых доходов, собранных на территории субъекта Федерации.

Поскольку у ряда регионов был выявлен факт того, что большая часть «мобилизованных» налоговых доходов зачисляется в федеральный бюджет, был в очередной раз обозначен вопрос об оказании дополнительной финансовой помощи таким регионам. Понятно, однако, что диспропорции по уровням остающихся налогов в бюджетах регионов носят системный характер [4, с. 310], поэтому установление специального условия на конкретный год не решает данный вопрос.

Многие субъекты констатировали следующую проблему. По условиям соглашений с Минфином России о реструктуризации бюджетных кредитов предусмотрена возможность привлечения в бюджет региона кредитов от кредитных организаций исключительно по ставкам на уровне не выше, чем уровень ключевой ставки, увеличенный на один процент годовых, что реализовать практически невозможно в связи с неготовностью банков кредитовать субъект Феде-

рации на указанных условиях. Для сохранения финансовой устойчивости, подразумевающей учет более широкого спектра сведений о финансово-экономическом состоянии региона, чем проводимый Минфином расчет долговой устойчивости [10, с. 21], и для обеспечения сбалансированности бюджетов регионы просили как об увеличении бюджетных кредитов из федерального бюджета на погашение долговых обязательств субъектов Российской Федерации по рыночным заимствованиям, так и в принципе об устранении этого пункта из соглашений ввиду невозможности осуществлять рыночные заимствования по таким низким для текущего состояния экономики ставкам.

Ряд регионов, учитывая опыт предыдущих реструктуризаций, считали целесообразным определить, что решения о реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам и их списании в размере средств, направленных на реализацию инфраструктурных проектов и поддержку инвестиций, должны приниматься без дополнительных ограничений и условий в части уровня дефицита бюджета, уровней государственного и коммерческого долга, получения налоговых эффектов и т.п.

Кроме того, предлагалось к регионам с низкой бюджетной обеспеченностью, в отношении которых не приняты индивидуальные и иные специальные федеральные программы, направленные на их экономическое и социальное развитие, применять на федеральном уровне индивидуальные подходы при реализации инструментов «инфраструктурного меню», в том числе в части исключения критериев окупаемости по инфраструктурным проектам, направленным на модернизацию жилищно-коммунального хозяйства, финансируемым за счет таких кредитов.

Предлагалось предоставить субъектам Российской Федерации возможность самостоятельно определять целевые направления средств, высвобождаемых при списании задолженности по бюджетным кредитам, либо предусмотреть возможность направления соответствующих средств на строительство и капитальный ремонт объектов инфраструктуры со сроками проведения более одного года, а также объектов, начатых до 2025 г., и на реализацию уже заключенных концессионных соглашений в сфере развития инфраструктуры региона.

При определении условий и порядка списания задолженности регионов по бюджетным кредитам для подтверждения целевого направления высвобождаемых средств в целях оптимизации формирования отчетности предлагалось не вводить дополнительную отчетность, а использовать данные отчета об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и справочной таблицы к этому отчету, что позволило бы оптимизировать бюджетные процедуры.

Конкретная реализация процедур списания бюджетных кредитов из федерального бюджета, запущенная в 2025 г., показала множество сложных вопросов, связанных с таким инструментом, которое влечет разное понимание его общих идеологических принципов и конкретных шагов при его осуществлении.

Предлагалось также расширить набор инструментов федеральной поддержки в виде оказания разовой финансовой помощи в форме субсидий в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций регионального характера. Регионы нуждаются в средствах на предотвращение и устранение последствий чрезвычайной ситуации, включая устройство защитных сооружений, аварийно-спасательные и аварийно-восстановительные работы, развертывание и содержание пунктов временного размещения и питания эвакуируемых граждан, оказание гражданам единовременной материальной и финансовой помощи и мер социальной поддержки при утрате (повреждении) жилых помещений, выплату единовременных пособий и другие расходы, вне зависимости от установленных действующими федеральными нормативно-правовыми актами критериев отбора субъектов Российской Федерации для оказания помощи (объем доходов регионального бюджета, объем резервного фонда субъекта РФ, недостаточность бюджетных ассигнований в бюджете).

Что касается особых экономических зон, регионы отмечали большие объемы выпадающих доходов от различных льгот для таких инструментов на своей территории, и считали, что нужно рассмотреть возможности компенсации этих недополученных доходов из федерального бюджета. Субъекты Федерации хотели бы и дальше развивать зоны с преференциальными условиями, но утверждали

о необходимости софинансирования со стороны федерального бюджета создания инженерной, транспортной, энергетической, инновационной и социальной инфраструктуры. Ряд регионов предлагали рассмотреть возможность продления сроков применения тарифов по страховым взносам для резидентов территорий опережающего развития на весь период функционирования соответствующей зоны.

Кроме того, в текущей экономической ситуации для поддержки бизнеса предлагалось принять дополнительные меры, способствующие диверсификации и развитию экономики моногородов, смягчению требований к юридическим лицам, имеющим действующие производственные мощности на территории моногорода, для получения статуса резидента территории опережающего социально-экономического развития, предоставлению для всех новых резидентов ТОР независимо от того, в какой период они получили свой статус (в первые три года или позже), пониженных тарифов страховых взносов, а также исключению либо расширению критериев оценки ТОР в моногородах в целях продления периода, в течение которого новые резиденты получают право на применение пониженных тарифов страховых взносов.

Отдельной темой является государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в регионах. В частности, субъекты Российской Федерации указывали на целесообразность внесения изменений в правила предоставления и распределения субсидий региональным бюджетам на такую поддержку в части их распространения в целях оказания поддержки для развития индустриальных парков.

У бизнеса сохраняется высокий спрос на льготное кредитование, в том числе в рамках режима резидентства в Арктической зоне Российской Федерации. Звучало предложение о необходимости возобновить механизм поддержки арктического бизнеса в рамках процедур субсидирования из федерального бюджета кредитов, выданных резидентам Арктической зоны для реализации инвестиционных проектов, установленных правилами, изложенными в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. № 2186.

С целью снижения налоговой нагрузки для резидентов Арктической зоны, осуществляющих деятельность по добыче и переработке полезных ископаемых (за исключением углеводородного

сырья) при реализации новых крупных инвестиционных проектов, регионами предлагалось рассмотреть возможность внесения изменений в Налоговый кодекс РФ в части установления нулевой ставки по налогу на прибыль организаций, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, сроком на 10 лет.

Кроме того, арктические регионы указывали на то, что выстроенная система тарифного регулирования не позволяет синхронизировать рост экономически обоснованных тарифов с повышением тарифов для населения в связи с ежегодным ограничением роста платы граждан за коммунальные услуги предельными индексами, устанавливаемыми Правительством Российской Федерации. По этому вопросу, и не только арктическими субъектами Федерации, предлагалось предусмотреть субсидию на софинансирование расходов на возмещение недополученных организациями доходов, возникающих в результате государственного регулирования тарифов на коммунальные услуги. Многие просили предоставить субъектам Федерации право устанавливать предельные максимальные индексы к тарифам пригородных железнодорожных перевозок, а также предоставить регионам возможность самостоятельно устанавливать ограничения роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги либо компенсировать такие выпадающие доходы субсидиями.

Регионы ставили вопрос и о необходимости дополнительной поддержки детей-сирот. Отмечалось, что требуется сконцентрировать средства федеральной поддержки на обеспечении жилыми помещениями детей-сирот, существенно увеличив объемы финансирования соответствующего расходного обязательства, и включить указанный вопрос в отдельный федеральный проект.

Еще один проблемный вопрос, который озвучивали регионы, – необходимость дополнительного объема межбюджетных трансфертов и введение единой субсидии из федерального бюджета, например в целях достижения показателей государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма».

В части меры поддержки в виде мастер-планов опорных населенных пунктов регионы отмечали, что необходимо федеральное финансирование их разработки.

Существенное количество предложений касалось инвестиционного налогового вычета. В целом предлагалось пересмотреть методику возмещения расходов субъектов Российской Федерации по предоставлению такого вычета, исключив отраслевой признак выбора налогоплательщиков-льготников и увеличив общий объем возмещения либо же расширив перечень отраслей, подпадающих под механизм компенсации. В этой связи также предлагалось рассмотреть вопрос о включении механизма применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль в порядок списания двух третей задолженности регионов перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, предоставленным из федерального бюджета. Регионы с низкими экономическими показателями, для которых пока не разработаны индивидуальные программы развития, хотели бы получить такой инструмент поддержки.

В рамках кураторства вице-премьеров по федеральным округам представлялось необходимым обеспечение проектов такого кураторства финансированием за счет средств федерального бюджета.

Следует также отметить, что при том, что большая часть проблем и предложений регионов по стимулированию регионального развития были обобщены, в то же время оставались и проблемы, специфичные для каждого отдельного региона. Это, например, поддержка перевозок пассажиров по межмуниципальным контрактам, поддержка субъектов Российской Федерации с высокой «мазутозависимостью» в части компенсации роста стоимости топлива, необходимость замены лифтов в многоквартирных домах и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании представлен анализ значимости и эффективности отдельных мер региональной поддержки, выполненный на основе анкетирования, проведенного в субъектах Российской Федерации. Констатируется, что разные группы регионов по-разному оценивают эффективность одних и тех же мер. Так, регионы-доноры и регионы-реципиенты предлагают различные модели совершенствования системы межбюджетных отношений для стимулирования регионального развития.

Инфраструктурные бюджетные кредиты и специальные казначейские кредиты как инструмент поддержки оцениваются достаточно высоко. В то же время регионы с дефицитными бюджетами отмечают, что при реструктуризации бюджетных кредитов у них не происходит никакого высвобождения средств, а наоборот, им приходится брать «дорогие» коммерческие кредиты для осуществления инвестиций в рамках реализации соглашений о списании бюджетных кредитов.

Исключительно позитивно оценена такая мера региональной поддержки, как индивидуальные программы развития. В то же время кураторство вице-преьерами федеральных округов в качестве мер поддержки получило больше всего негативных оценок.

* * *

Автор выражает признательность секретариату комиссии Государственного Совета РФ по направлению «Экономика и финансы» за помощь в проведении опроса. В сборе первичных данных и формулировании ряда гипотез настоящей работы принимала участие к.э.н. А.А. Михайлова (1988–2025).

*Статья подготовлена в рамках реализации
государственного задания РАНХиГС*

Список источников

1. Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А. Особенности применения кредитных инструментов «инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России // Региональные исследования. – 2023. – № 1 (79). – С. 42–55. DOI 10.5922/1994-5280-2023-1-4.
2. Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. Цифровые технологии в развитии территорий: возможности и проблемы применения в практике государственного и муниципального управления // Управленец. – 2024. – Т. 15, № 6. – С. 17–29. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-6-2.
3. Громов В.В. Проблемы и пути развития налогообложения резидентов ОЭЗ на федеральном уровне // Финансовый журнал. – 2018. – № 1. – С. 39–50.

4. *Землянский Д.Ю., Климанов В.В.* Устойчивость региональных бюджетов в условиях санкций в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 308–316. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_308-316.
5. *Климанов В.В.* Об основах и инструментах региональной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 161–163.
6. *Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития России – 2030: новации и перспективные направления исследований // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 12–21. DOI 10.31857/S0869587325020023.
7. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 1997. – 368 с.
8. *Мильчаков М.В.* Бюджетно-финансовое положение субъектов Российской Федерации: среднесрочные тенденции в региональном разрезе // Финансовый журнал. – 2024. – № 2. – С. 104–125. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-2-104-125.
9. *Минакир П.А.* Трансформация региональной экономической политики // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 1. – С. 34–47.
10. *Михайлова А.А.* Бюджетная устойчивость регионов России: проблемы и пути решения // Финансы. – 2019. – № 7. – С. 19–24.
11. *Михайлова А.А., Климанов В.В., Сафина А.И.* Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 91–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-91-103.
12. *Печенская-Полищук М.А.* Цели и формы предоставления бюджетных ресурсов регионам из федерального центра на безвозмездной основе // Вопросы экономики. – 2021. – № 11. – С. 108–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-11-108-126.
13. *Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии* / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
14. *Селиверстов В.Е., Кравченко Н.А., Клисторин В.И., Юсупова А.Т.* Российские регионы и федеральный центр в противостоянии глобальным угрозам: год борьбы с пандемией коронавируса // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 1 (109). – С. 3–46.
15. *Степанов Н.С.* Институты развития как фактор повышения качества институциональной среды // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 4. – С. 95–108. DOI: 10.52180/2073-6487-2021-4-95-108.
16. *Татаркин А.И.* Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 1. – С. 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1.
17. *Alexeev M., Chernyavsky A.A.* Tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015 // Economic Systems. – 2018. – Vol. 42, No. 2. – P. 175–185.
18. *Armingeon K.* The politics of fiscal responses to the crisis of 2008–2009 // Governance. – 2012. – Vol. 25, iss. 4. – P. 543–565.
19. *Congleton R.D.* On the political economy and limits of crisis insurance: the case of the 2008–11 bailouts // Public Choice. – 2012. – Vol. 150. – P. 399–423.

20. *Green D., Loualiche E.* State and local government employment in the COVID-19 crisis // *Journal of Public Economics*. – 2021. – Vol. 193. – P. 104–321.
21. *Kaldor N.* The case for regional policies // *Scottish journal of political economy*. – 1970. – Vol. 17, iss. 3. – P. 337–348.
22. *Kim W.B.* Regionalism: its origins and substance with competition and exclusion // *Korea Journal Summer*. – 2003. – Vol. 43 (2). – P. 5–31.
23. *Kitson M., Martin R., Tyler P.* Regional competitiveness: an elusive yet key concept // *Regional Studies*. – 2004. – Vol. 38, iss. 9. – P. 991–999.
24. *Klimanov V., Kazakova S.* Assessment of sustainable development of Russian regions // *Area Development and Policy*. – 2022. – Vol. 7, iss. 3. – P. 312–324. DOI: 10.1080/23792949.2021.1994437.
25. *Krugman P.* First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // *Journal of Regional Science*. – 1993. – Vol. 33, No. 2. – P. 129–144.
26. *López-Santana M., Rocco Ph.* Fiscal federalism and economic crises in the United States: Lessons from the COVID-19 pandemic and Great Recession // *Publius: The Journal of Federalism*. – 2021. – Vol. 51, iss. 3. – P. 365–395.
27. *Lovering, J.* The coming regional crisis (and how to avoid it) // *Regional Studies*. – 2001. – Vol. 35, iss. 4. – P. 349–354.
28. *Menzori I.D., de Sousa C.N., Gonçalves L.M.* Urban growth management and territorial governance approaches: A master plans conformance analysis // *Land Use Policy*. – 2021. – Vol. 105. – P. 105–436.
29. *Piyankova S.G.* Improvement of the social and economic development of single-industry regions in the Russian Federation // *R-Economy*. – 2017. – Vol. 3, No. 1. – P. 12–22.
30. *Susskind D., Vines D.* The economics of the COVID-19 pandemic: an assessment // *Oxford Review of Economic Policy*. – 2020. – Vol. 36. – P. 1–13.
31. *Wincoop E., van.* Regional risksharing // *European Economic Review*. – 1995. – Vol. 39, iss. 8. – P. 1545–1567.

Информация об авторе

Климанов Владимир Викторович (Россия, Москва) – доктор экономических наук, доцент, директор Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, просп. Вернадского, 82); директор АНО «Институт реформирования общественных финансов» (125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 2). E-mail: klimanov@ranepa.ru.

DOI: 10.15372/REG20250310

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 249–277

V.V. Klimanov

**INSTRUMENTS FOR STIMULATING REGIONAL
DEVELOPMENT IN RUSSIA:
ASSESSMENT BY CIVIL SERVANTS**

This article is devoted to the analysis of the effectiveness of state support measures for the socio-economic development of Russian regions, based on the assessments by civil servants in the constituent entities of the Russian Federation. The subject of the study is the perception by regional authorities of various instruments of federal support. The purpose of the work is to identify the problems that arise in the implementation of these measures and to develop proposals for their improvement. The methodological basis of the study was the analysis and generalization of the results of a survey conducted by the RANEPА Center for Regional Policy in cooperation with the Commission of the State Council of the Russian Federation on Economics and Finance in September-October 2024. The survey covered civil servants of various subjects of the Russian Federation.

The results of the analysis showed significant differences in estimates of the effectiveness of support measures depending on the group of regions. Some problem areas were identified, in particular, the supervision of deputy prime ministers in the federal districts received low marks. The assessment of the release of funds within the framework of debt restructuring on budget loans turned out to be ambiguous. The tools of the “infrastructure menu” and preferential territories, in general, received positive reviews.

The findings of the study contribute to understanding the attitude of regional authorities towards federal support and identify areas for improving its effectiveness. The results obtained can be used to improve the mechanisms of state support for regional development, optimize the allocation of resources and increase the effectiveness of the implementation of federal programs. They may be of interest to government authorities, researchers of regional economics and experts in the field of management.

Keywords: regional development; Russian regions; inter-budget transfers; regional development programs; special economic zones; budget loans

For citation: *Klimanov, V.V.* (2025). Instrumenty stimulirovaniya regionalnogo razvitiya v Rossii: otsenka gosudarstvennykh sluzhashchikh [Instruments for stimulating regional development in Russia: assessment by civil servants]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 249–277. DOI: 10.15372/REG20250310.

*The article was prepared as part of the implementation
of the RANEPА state assignment*

References

1. *Abdullaev, A.M., D.Yu. Zemlyanskiy, D.M. Medvednikova & V.A. Chuzhenkova.* (2023). Osobennosti primeneniya kreditnykh instrumentov “infrastrukturnogo menyū” i ikh vozmozhnoe vliyanie na byudzhetsnyuyu situatsiyu v regionakh Rossii [Features of “infrastructure menu” credit instruments and their potential impact on budget situation in Russian regions]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 1 (79), 42–55. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-4.
2. *Antipin, I.A., N.Yu. Vlasova & E.A. Shishkina.* (2024). Tsifrovye tekhnologii v razvitiiterritoriy: vozmozhnosti i problemy primeneniya v praktike gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Digital technologies in territorial development: Opportunities and challenges of application in state and municipal administration]. *Upravlenets* [The Manager], Vol. 15, No. 6, 17–29. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-6-2.
3. *Gromov, V.V.* (2018). Problemy i puti razvitiya nalogooblozheniya rezidentov O EZ na federalnom urovne [Problems and improvement issues of Russia’s SEZ residents in regard to federal taxation]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 1, 39–50.
4. *Zemlyanskiy, D.Yu. & V.V. Klimanov.* (2025). Ustoychivost regionalnykh byudzhetrov v usloviyakh sanktsiy v 2022–2024 godakh [Stability of regional budgets under sanctions in 2022–2024]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 1 (66), 308–316. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_308-316.
5. *Klimanov, V.V.* (2011). Ob osnovakh i instrumentakh regionalnoy politiki [On the fundamentals and instruments of regional policy]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 10, 161–163.
6. *Kuznetsova, O.V.* (2025). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii – 2030: novatsii i perspektivnye napravleniya issledovaniy [Spatial development strategy of Russia – 2030: novations and promising research areas]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2, 12–21. DOI: 10.31857/S0869587325020023.
7. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov.* (1997). Gosudarstvo i regiony: Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialnogo razvitiya [State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development]. Moscow, URSS Publ., 368.
8. *Milchakov, M.V.* (2024). Byudzhetno-finansovoe polozhenie subyektov Rossiyskoy Federatsii: srednesrochnye tendentsii v regionalnom razreze [Fiscal and financial situation of the constituent entities of the Russian Federation: Medium-term trends

in the regional context]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2, 104–125. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-2-104-125.

9. *Minakir, P.A.* (2001). Transformatsiya regionalnoy ekonomicheskoy politiki [Transformation of regional economic policy] *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 1, 34–47.

10. *Mikhaylova, A.A.* (2019). Byudzhetnaya ustoychivost regionov Rossii: problemy i puti resheniya [Budgetary sustainability of Russian regions: problems and solutions]. *Finansy* [Finance], 7, 19–24.

11. *Mikhaylova, A.A., V.V. Klimanov & A.I. Safina.* (2018). Vliyanie mezhyudzhetnykh transfertov na ekonomicheskii rost i strukturu regionalnoy ekonomiki [The impact of intergovernmental fiscal transfers on economic growth and the structure of the regional economy]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 1, 91–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-91-103.

12. *Pechenskaya-Polishchuk, M.A.* (2021). Tseli i formy predostavleniya byudzhetnykh resursov regionam iz federalnogo tsentra na bezvozmezdnoy osnove [Goals and forms of granting budgetary resources to the regions from the federal center on a gratuitous basis]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 11, 108–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-11-108-126.

13. *Kuznetsov, A.V. & O.V. Kuznetsova* (Eds.). (2015). *Regionalnaya politika: zarubezhnyy opyt i rossiyskie realii* [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations Publ., 137.

14. *Seliverstov, V.E., N.A. Kravchenko, V.I. Klistorin & A.T. Yusupova.* (2021). Rossiyskie regiony i federalnyy tsentr v protivostoyanii globalnym ugrozam: god borby s pandemiy koronavirusa [Russian regions and the federal center against global threats: a year of fighting COVID-19]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (109), 3–46.

15. *Stepanov, N.S.* (2021). Instituty razvitiya kak faktor povysheniya kachestva institutsionalnoy sredy [Development institutions as a factor of improving the quality of the institutional environment]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 4, 95–108. DOI: 10.52180/2073-6487-2021-4-95-108.

16. *Tatarkin, A.I.* (2016). Regionalnaya napravlennost ekonomicheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii kak instituta prostranstvennogo obustroystva territoriy [Regional targeting of the economic policy of the Russian Federation as an institution of regional spatial development]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], Vol. 12, Iss. 1, 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1.

17. *Alexeev, M. & A.A. Chernyavsky.* (2018). Tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015. *Economic Systems*, Vol. 42, No. 2, 175–185.

18. *Armingeon, K.* (2012). The politics of fiscal responses to the crisis of 2008–2009. *Governance*, Vol. 25, Iss. 4, 543–565.

19. *Congleton, R.D.* (2012). On the political economy and limits of crisis insurance: the case of the 2008–11 bailouts. *Public Choice*, 150, 399–423.

20. *Green, D. & E. Loualiche.* (2021). State and local government employment in the COVID-19 crisis. *Journal of Public Economics*, 193, 104–321.
21. *Kaldor, N.* (1970). The case for regional policies. *Scottish Journal of Political Economy*, Vol. 17, Iss. 3, 337–348.
22. *Kim, W.B.* (2003) Regionalism: its origins and substance with competition and exclusion. *Korea Journal Summer*, 43 (2), 5–31.
23. *Kitson, R., M. Martin & P. Tyler.* (2004). Regional competitiveness: an elusive yet key concept. *Regional Studies*, Vol. 38, Iss. 9, 991–999.
24. *Klimanov, V. & S. Kazakova.* (2022). Assessment of sustainable development of Russian regions. *Area Development and Policy*, Vol. 7, Iss. 3, 312–324. DOI: 10.1080/23792949.2021.1994437.
25. *Krugman, P.* (1993). First nature, second nature, and metropolitan location. *Journal of Regional Science*, Vol. 33, No. 2, 129–144.
26. *López-Santana, M. & Ph. Rocco.* (2021). Fiscal federalism and economic crises in the United States: Lessons from the COVID-19 pandemic and Great Recession. *Publius: The Journal of Federalism*, Vol. 51, Iss. 3, 365–395.
27. *Lovering, J.* (2001). The coming regional crisis (and how to avoid it). *Regional Studies*, Vol. 35, Iss. 4, 349–354.
28. *Menzori, I.D., C.N. de Sousa & L.M. Gonçalves.* (2021). Urban growth management and territorial governance approaches: A master plans conformance analysis. *Land Use Policy*, 105, 105–436.
29. *Piyankova, S.G.* (2017). Improvement of the social and economic development of single-industry regions in the Russian Federation. *R-Economy*, Vol. 3, No. 1, 12–22.
30. *Susskind, D. & D. Vines.* (2020). The economics of the COVID-19 pandemic: an assessment. *Oxford Review of Economic Policy*, 36, 1–13.
31. *Wincoop, E., van.* (1995). Regional risksharing. *European Economic Review*, Vol. 39, Iss. 8, 1545–1567.

About Author

Klimanov, Vladimir Viktorovich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Director of the Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia); Director of the ANO “Institute for Public Finance Reform” (1/2, Bolshoy Kislovsky Ln, Moscow, 125009, Russia). E-mail: klimanov@ranepa.ru.

Поступила в редколлегию 25.04.2025.

После доработки 29.04.2025.

Принята к публикации 25.05.2025.

УДК 502.17(1/9)

Регион: экономика и социология, 2025, № 3 (127), с. 278–303

О.П. Бурматова

НЕКОТОРЫЕ ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассмотрены важнейшие современные экологические вызовы и обусловленные ими риски и угрозы с учетом как национальных и региональных, так и международных аспектов роста значимости экологической повестки. Выполнен анализ причинно-следственных связей между наличием опасностей, заключенных в том или ином вызове, и реальным ущербом, который может быть нанесен природной среде, условиям жизни и здоровью людей. Предложены возможные пути предотвращения потенциальных рисков и угроз для эколого-экономического развития страны.

Среди выделенных вызовов акценты сделаны на вызовах, которые включают в себе риски и угрозы, обусловленные факторами как глобального характера, так и связанными с особенностями формирования эколого-экономической политики в России и ее регионах. К их числу отнесены: происходящий в последние годы заметный рост значимости на внешних рынках требований к экологическим характеристикам продукции и технологий ее производства с учетом оценки образуемого углеродного следа; тесное переплетение экологической проблематики с технологическими и экономическими проблемами; изменение экологического регламента внутри страны в связи с наложенными на нее внешними санкциями и др.

Обосновано утверждение об экзистенциальном характере рассмотренных экологических вызовов. Сделан вывод, что существующая в России институциональная среда, определяющая в том числе результативность государственной экологической политики, требует трансфор-

мации при условии активной государственной поддержки в области инновационной деятельности, технологической суверенизации экономики на базе отечественных наилучших доступных технологий и других мер, в основе которых лежит социально-экономическая и экологическая мотивация, опирающаяся прежде всего на принципы экономической эффективности и экологической справедливости. Высказанные предложения по совершенствованию механизма эколого-экономической политики могут быть полезны при разработке инструментов регулирования экологической сферы на всех уровнях управления.

Ключевые слова: стимулирование импортозамещения; экологические риски и угрозы; зеленый переход; декарбонизация экономики; углеродный след; регулирование трансграничных воздействий; наилучшие доступные технологии

Для цитирования: Бурматова О.П. Некоторые общерегиональные экологические вызовы в современных условиях // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 278–303. DOI: 10.15372/REG20250311.

ВВЕДЕНИЕ

В основе современных экологических вызовов лежат проблемы, отражающие тенденции изменения эколого-экономических отношений как в мире, так и в России и оказывающие влияние на формирование механизма управления эколого-экономической политикой с учетом изменения экологической ситуации в стране в долгосрочной перспективе [3; 6; 16; 22; 23]. Эколого-экономическая политика понимается нами как симбиоз экономической и экологической политик – их взаимодействие и непротиворечивое сосуществование, предусматривающее паритет экономических и экологических целей. Соблюдение данных условий требует последовательного движения в направлении устойчивого развития путем внедрения принципов зеленой экономики.

Формирование современных экологических вызовов в России определяется влиянием проблем как уже ставших традиционными, так и новых. К традиционным относятся давно существующие и хорошо известные проблемы, которые пока не нашли необходимой

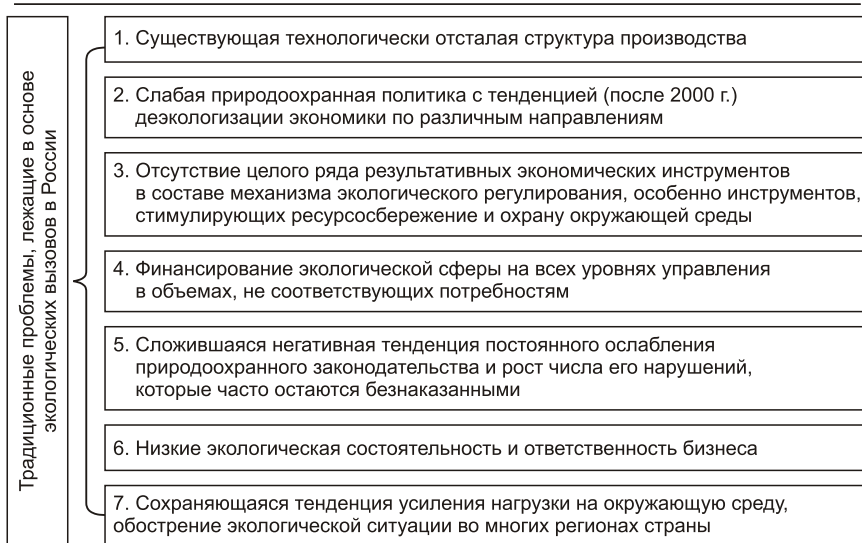

Рис. 1. Основные традиционные причины формирования экологических вызовов

Источник: составлено автором

реакции со стороны органов управления, а их актуальность и острота со временем еще больше нарастают (рис. 1). В последнее годы к этим проблемам добавились новые, обусловленные прежде всего влиянием факторов, отражающих ряд важных и набирающих значимость глобальных процессов и получивших новое звучание в современных условиях (изменение климата, деградация экосистем, рост дефицита природных ресурсов, усиление нагрузки на окружающую среду и др.), а также воздействием происходящих изменений эколого-экономических отношений (рис. 2) [1; 4; 8; 16; 23].

Цель данного исследования состоит в раскрытии основных тенденций эколого-экономического развития России и ее регионов с позиций выявления потенциальных опасностей, требующих своевременного и адекватного реагирования на них для предупреждения возможного негативного воздействия на окружающую среду. Достижение поставленной цели потребовало выделить ряд основных экологических вызовов в современных российских условиях, осуществ-

Рис. 2. Новые причины формирования экологических вызовов

Источник: составлено автором

вить системный анализ лежащих в их основе возможных рисков и угроз, а также предложить необходимые профилактические меры по их недопущению и смягчению.

Экологические вызовы можно условно подразделить на общие, которые характерны для регионов России любого типа, и специфические, свойственные регионам определенного типа. При выявлении вызовов нами делается акцент на учете современных тенденций в изменениях эколого-экономических отношений, которые носят общерегиональный характер и определяют современные экологические проблемы, актуальные для многих российских регионов. Таким образом, все рассмотренные экологические вызовы проанализированы с позиций прежде всего общерегиональных интересов России по обеспечению экологической безопасности и требуют усилий по разработке комплексных подходов к их прогнозированию и управлению с целью своевременного предупреждения и минимизации заключенных в них опасностей. Тем самым создается возможность для более точного определения приоритетов эколого-экономической политики страны и обеспечения ее экологической безопасности с учетом интересов всех регионов.

ОТ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ – К ПОИСКУ ПУТЕЙ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ДИСКУССИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Среди наиболее актуальных современных экологических вызовов, требующих серьезного анализа совокупности взаимосвязанных социально-экономических и экологических проблем, можно выделить в первую очередь следующие: переход экономики на путь низкоуглеродного развития и введение режима регулирования трансграничных воздействий; наметившийся активный «поворот на Восток» и усиливающиеся тенденции на внешних рынках, связанные с ростом внимания к учету экологических факторов при производстве продукции; изменение экологического регламента в стране в связи с увеличивающимся прессингом внешних санкций. Покажем, что достижение положительной динамики изменения экологической ситуации в России в свете выделенных вызовов требует прежде всего осуществления системной технологической модернизации производства с учетом долгосрочных целей развития и формирования эколого-экономической политики, отвечающей вызовам времени.

Вызов 1. Переход экономики на путь низкоуглеродного развития и введение режима регулирования трансграничных воздействий

Среди рисков и угроз¹, порождаемых данным вызовом, можно выделить следующие [1; 3; 4; 6; 7; 9; 11; 13; 16; 19; 23].

Изменение климата, которое во многом определяется специфической природно-географических факторов и высокой углеродоемкостью

¹ В федеральном законе «Об охране окружающей среды» (ст. 1) экологический риск определяется как «вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера». «Риски» и «угрозы» являются понятиями одного уровня, разница между рисками и угрозами состоит в характере причинно-следственных связей между наличием опасности и реальным ущербом. В случае детерминированного характера такой связи речь идет об угрозе, а если связь носит стохастический характер – то о риске. Вызов, в нашем понимании, –

экономики. В Климатической доктрине РФ выявление данных рисков отнесено к числу приоритетов климатической политики страны. Это связано с тем, что «значительная часть территории РФ находится в области наиболее интенсивного изменения климата, как происходящего, так и ожидаемого»². Адаптация к климатическим изменениям предусматривает предотвращение и снижение возможного связанного с такими изменениями ущерба и должна осуществляться как в региональном, так и в отраслевом разрезе [19; 20]. Довольно высокая углеродоемкость российской экономики обусловлена прежде всего ее низкой энергоэффективностью и высокой долей теплогенерации, в том числе на угле [16, с. 44]. Следует учитывать при этом, что, во-первых, особенности климата определяют повышенные потребности в топливно-энергетических ресурсах для отопления зданий, а также повышенные затраты на смягчение антропогенного воздействия на климат. Во-вторых, имеет значение наличие в стране значительных запасов угля и газа, и сокращать их использование в энергетических целях было бы, на наш взгляд, целесообразным прежде всего при одновременном внедрении энергоэффективных технологий и совершенствовании технологий сжигания органического топлива.

Высокие затраты на мероприятия по декарбонизации экономики, включая создание объектов ВИЭ-генерации. Во многом это связано с ограничениями доступа к новым импортным технологиям (разработка аналогов которых в стране велась медленно из-за ориентации главным образом на рынки технологий стран ЕС), а также с риском возможного снижения экономического роста при сокращении выбросов в условиях высокоуглеродной экономики. При этом ограничения распространяются не только на технологии, но и на услуги по их установке и эксплуатации в масштабах, затрудняющих в современных условиях движение в направлении достижения намеченных показателей углеродной нейтральности.

это совокупность факторов потенциально угрожающего характера, требующих реагирования на них и способных при сохранении тенденций их развития перерасти в опасность.

² *Климатическая доктрина Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 8123.* – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 12.11.2024).

Трансграничное углеродное регулирование (ТУР), введенное в Европейском союзе [26–28]. По оценкам Минприроды России, возможные потери отечественных компаний в связи с введением углеродного налога могут составить не менее 3 млрд евро в год. В настоящее время режим ТУР в рамках ЕС уже действует: с 01.10.2023 г. введен переходный период (до конца 2025 г.), когда предполагается анализ ситуации в отношении выходящих на европейский рынок иностранных компаний. Соответственно, от компаний в течение переходного периода требуется лишь представление отчетов о результатах сокращения ими углеродного следа. Однако с 2026 г. режим ТУР вступает в полную силу для целого ряда видов продукции, производство которых связано с образованием значительного углеродного следа. Важно отметить, что в скором времени введение режима ТУР возможно и в других странах, в частности в США, Великобритании, а также в Китае, Казахстане и др.

Недостатки климатических проектов на корпоративном уровне с позиций скромных целей и ограниченного финансирования [2]. К этому можно добавить их декларативный характер, а также ориентацию зачастую только на восстановление лесов. На наш взгляд, при всей значимости подобных проектов приоритет должен отводиться проектам, нацеленным на технологическую модернизацию производства, а «лесовосстановительные» проекты должны технологические проекты дополнять и следовать за ними.

Взаимодействие названных рисков и угроз может иметь результатом усложнение решения задач по углеродному и, в более широком плане, «зеленому» переходу из-за технологических, финансовых и структурных ограничений. Высокий углеродный след и в целом слабое использование зеленых технологий чревата для российских компаний уже в ближайшем будущем возможной потерей конкурентоспособности на мировых рынках.

Требуемая реакция на данные риски и угрозы должна, на наш взгляд, предусматривать следующие меры:

- 1) проведение работ по оценке и учету климатических рисков; внедрение технологий, позволяющих осуществлять политику сокращения углеродоемкости производства, в том числе стимулирование

углеродного перехода, разработку и внедрение новых отечественных низкоуглеродных и ресурсосберегающих технологий; пересмотр подходов к использованию альтернативных источников энергии. Речь идет в том числе о необходимости расширения использования возобновляемых источников. Пока в России намечено довести долю ВИЭ с нынешнего примерно 1% до 10% к 2040 г. Для сравнения отметим, что ЕС намерен повысить долю ВИЭ в общем потреблении электроэнергии к концу текущего десятилетия до 45% (ранее планировалось 32%). Тенденция расширения использования ВИЭ-генерации характерна и для целого ряда азиатских стран (Китая, Индии, Республики Кореи, Японии, Вьетнама, Таиланда, Индонезии и др.) [7; 12; 14];

2) разработку адресной стратегии низкоуглеродного развития экономики; реализацию отечественного природного потенциала поглощения парниковых газов с учетом поглотительной способности лесов; формирование углеродного рынка; разработку единых методик расчета углеродного следа, методик определения ущерба от неблагоприятных климатических изменений (засух, наводнений, тепловых волн и продолжительной аномальной жары, неравномерного выпадения осадков и смещения их зон, деградации многолетней мерзлоты, увеличения частоты лесных пожаров и т.д.). По различным оценкам, в стране ежегодные ущербы от глобального потепления составляют в среднем 60 млрд руб.³;

3) введение трансграничного углеродного регулирования и зачет углеродных налогов, принятых внутри страны, при расчетах в рамках ТУР других стран [18; 25]. В этой связи представляется важным отметить, что работы в данных направлениях уже ведутся в рамках Минэкономразвития России⁴. В частности, в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. осуществляется разработка системы торговли углеродными квотами, которую

³ См.: *В России* готовятся к изменению климата. – URL: <https://www.vedo-mosti.ru/esg/climate/articles/2023/09/21/996219-v-rossii-gotoviyatsya-k-izmeneniyu-klimata> (дата обращения: 12.11.2024).

⁴ Минэкономразвития является органом, ответственным за климатическую повестку в России и декарбонизацию экономики.

планируется ввести в 2028 г. для углеродоемких секторов экономики⁵. При этом предполагается использовать поэтапный подход к введению цены на углерод, отталкиваясь от создания в первую очередь правовой базы для системы взимания цены на углерод, которая должна обеспечивать модернизацию экономики и перенаправление средств на развитие наукоемких отраслей. В конечном счете введение углеродного налога, таким образом, работало бы на пополнение российского бюджета, а не бюджетов других стран;

4) адаптацию регионов к изменению климата. Меры по адаптации требуют учета региональной специфики с точки зрения как природно-климатических условий и сложившейся производственной структуры экономики региона, так и преобладания тех или иных источников парниковых газов. В ряде регионов страны в настоящее время успешно реализуются климатические проекты по охране лесов от пожаров, которые, кроме охраны лесов, нацелены на выполнение и других функций, в том числе предоставление экосистемных услуг и сохранение биоразнообразия. В качестве примера можно привести климатический проект компании «РУСАЛ», реализуемый в Красноярском крае с 2019 г., в котором сделан акцент на авиационной охране лесов от пожаров, включая «подготовку летчиков и пожарных (обучение, найм, медицинское сопровождение), мониторинг лесных массивов силами малой авиации, а также предотвращение и тушение огня в резервных лесах (где не ведется хозяйственная деятельность)»⁶. В рамках проекта, кроме того, «была приобретена спецтехника для перевозки людей к аэродрому и временным посадочным площадкам, комплекты средств пожаротушения, полевое снаряжение, индивидуальная защита»⁷;

5) разработку «дорожной карты» по развитию зеленого финансирования и соответствующего плана действий в области реализации

⁵ См.: *В России предложили внедрить плату за выбросы парниковых газов.* – URL: https://www.rbc.ru/economics/26/01/2024/65b243229a79472c5cfc3592?utm_source=app_ios_reader&utm_medium=share&from=copy (дата обращения: 12.03.2024).

⁶ См.: *Охрана леса от пожаров стала климатическим проектом.* – URL: <https://news.ecoindustry.ru/2024/01/ohrana-lesa-ot-pozharov-stala-klimaticheskim-proektom> (дата обращения: 12.11.2024).

⁷ Там же.

климатической повестки [2; 10; 11; 16, с. 17–18; 21]. В 2022 г. запущен российский реестр углеродных единиц, в конце 2020 г. правительство утвердило ВЭБ.РФ в качестве «методологического центра в области развития инвестиционной деятельности в сфере устойчивого (в том числе зеленого) развития и привлечения внебюджетных средств в реализацию проектов развития в Российской Федерации»⁸, намечено формирование рынка углеродных единиц [15]⁹. Продолжается первый в стране климатический эксперимент по снижению выбросов парниковых газов в Сахалинской области. В соответствии с программой эксперимента на территории области первоначально проводится инвентаризация выбросов и поглощений парниковых газов для крупных эмитентов (с уровнем выбросов от 50 тыс. т CO₂-эквивалента), вводится обязательная строгая углеродная отчетность, а также начаты внедрение и отработка механизма квотирования выбросов. Наряду с этим реализуется обширная программа мероприятий по достижению к концу 2025 г. углеродной нейтральности (замена угля газом, переход на ВИЭ, перевод транспорта на экологически чистые виды топлива и др.), а завершение эксперимента планируется к концу 2028 г.¹⁰ Затем предполагается тиражирование результатов эксперимента на другие регионы страны;

б) учет мероприятий по производству и экспорту водорода, что предусматривается в том числе государственной политикой РФ в области климата¹¹. В связи с этим можно, в частности, отметить наличие на территории страны необходимой ресурсной базы, имеющийся

⁸ См.: *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 18.11.2020 № 3024-р. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011200033> (дата обращения: 22.11.2024).

⁹ Рынок углеродных единиц в РФ запущен в 2022 г. Для сравнения: торговля углеродными единицами действует в ЕС с 2008 г., цена квот на выбросы парниковых газов в 2022 г. составляла около 100 евро за тонну (углеродную единицу).

¹⁰ См.: *На Сахалине* установили квоты на выбросы парниковых газов. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18860767> (дата обращения: 12.03.2024).

¹¹ См.: *Концепция* развития водородной энергетики в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2021 г. № 2162-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2NqcVsex1.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

опыт «отечественных компаний при реализации проектов производства водорода с применением технологий паровой конверсии метана и высокотемпературного электролиза на атомных электростанциях» и наличие соответствующей «развитой научно-технической базы» [22, с. 113]. В то же время, несмотря на данные преимущества, российские водородные проекты находятся в основном на стадии планирования и экспериментов¹² и ориентированы на экспорт. Проблематичным в стране является производство электролизеров для выпуска водорода, а также оборудования для улавливания углеводорода, его транспортировки, хранения и использования)¹³.

В целом, успех решения проблем, связанных с сокращением углеродного следа, возможен, на наш взгляд, только при условии структурно-технологической модернизации экономики.

Вызов 2. Происходящий после введения антироссийских санкций активный «поворот на Восток» и усиление значимости экологических факторов на внешних рынках [4; 9; 24; 25]

Данный вызов может сопровождаться следующими рисками для российских компаний.

Активное наращивание энергетики на возобновляемых источниках в азиатских странах, а также повсеместные заявления о сокращении в будущем использования углеводородов, прежде всего российского угля. В частности, Китай планирует увеличить долю ВИЭ до 80%, снизив при этом долю угольной генерации до 5%. Для этого у Китая есть основания [19]: в 2023 г. он стал мировым лидером по выработке электроэнергии на ВИЭ.

Новая тенденция на мировых рынках, отражающая возможность доступа к ним иностранных компаний в зависимости от экологич-

¹² См.: Россия попала в технологический разрыв на пути к низкоуглеродной экономике. – URL: https://www.ng.ru/energy/2023-09-11/11_8823_russia.html (дата обращения: 12.03.2024).

¹³ При этом опыта применения технологий с водородом, оборудования для улавливания углеводорода, его транспортировки, хранения и использования у России нет. Нет и производства соответствующего оборудования, как и конкретных планов относительно экспорта таких технологий.

ности технологий, по которым произведена ввозимая продукция. Соответственно, все большее число азиатских стран (и прежде всего Китай) намерены ввести более строгие экологические требования, учитывающие образующийся углеродный след при производстве продукции, а также использование компаниями-экспортерами принципов ESG.

Введение углеродного налога и усиление экологического контроля в ряде азиатских стран (Китае, Казахстане и др.) по аналогии с ТУР в Европейском союзе. Для российских производителей это будет означать, что переориентация поставок отечественной продукции с европейских рынков на азиатские, с одной стороны, не снимает остроты ситуации, связанной с введением в ЕС углеродного налога, и также может сопровождаться снижением конкурентоспособности российских товаров с высоким углеродным следом. С другой стороны, это будет мотивировать российских производителей либо модернизировать производство и увеличивать затраты на природоохранную деятельность для снижения углеродного следа, либо нести убытки на платежах в виде углеродных налогов.

Сохранение целого ряда проблем критической зависимости российской экономики от внешних рынков. В частности, наибольший уровень такой зависимости характерен для станкоинструментальной промышленности и электроники (от 24% и выше), производства детских товаров (31%), фармацевтики (35%), производства высокотехнологического медицинского оборудования (до 100% по некоторым видам оборудования, например аппаратам МРТ)¹⁴, а также продукции, по которой отсутствуют российские аналоги, и т.д.

Возможное усиление экологической нагрузки в районах Дальнего Востока (особенно в приграничных с Китаем) в связи с приходом на его территорию китайских предприятий¹⁵, которые проявляют интерес в первую очередь к минерально-сырьевым ресурсам и лесам региона, что может иметь негативные последствия для их сохранения

¹⁴ См.: *Импортозамещение без пристрастий.* – URL: <https://www.kommer sant.ru/doc/5826999> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁵ См.: *Экологи против китайских заводов на Дальнем Востоке // Экология производства.* – 2016. – 8 апр. – URL: <https://www.ecoindustry.ru/news/view/46781.html> (дата обращения: 12.03.2024).

(в том числе для будущих поколений). Имеющийся опыт российско-китайских отношений в экологической сфере свидетельствует о наличии серьезных и пока плохо решаемых экологических проблем в районах присутствия китайского бизнеса¹⁶. Экологическое благополучие территории Дальнего Востока с позиций развития российско-китайских отношений будет во многом зависеть от выстраивания взаимовыгодной и эффективной государственной эколого-экономической политики в регионе (а не по принципу «китайские инвестиции – любой ценой») [5; 17].

В целом синергия совместного воздействия перечисленных рисков и угроз может привести к снижению конкурентоспособности российских компаний на внешних рынках, к проблемам не столько обострения выхода, сколько закрепления на них.

Данный вызов потребует осуществления, в частности, следующих мер:

1) развития транспортной инфраструктуры в восточных районах России (в том числе портов), переориентации логистики на новые направления поставок грузов, упрощение таможенных процедур, разгрузку железных дорог;

2) наращивания инвестиций в расширение торгово-транспортных коридоров в связи с увеличением торговых потоков между Россией и Китаем (в частности, через Транссиб, БАМ и дальневосточные порты);

3) разработки соответствующего правового и экономического механизма управления с учетом высокого углеродного следа и разворота России на восточные рынки;

4) взаимного признания углеродных единиц разными странами, например в рамках ШОС и БРИКС;

5) принятия во внимание климатической проблематики при возможном установлении доступа иностранных инвесторов к месторождениям природных ресурсов на территории России.

Таким образом, экологические факторы в целом становятся все более значимыми на всех уровнях управления – от отдельной фирмы

¹⁶ См.: *Сибирь* является территорией КНР // Тайга.инфо. – 2018. – 20 сент. – URL: <https://tayga.info/142628> (дата обращения: 17.12.2024).

до глобального масштаба, определяя как конкурентоспособность компаний и возможности их участия на внешних рынках, так и новые вызовы социально-экономического развития страны.

Вызов 3. Возможное усиление антропогенной нагрузки на окружающую среду в связи с ограничением возможностей решения ряда технологических и управленческих проблем из-за санкций

Следует заметить, что хотя Россия всегда мало зависела от иностранных инвестиций в природоохранную сферу (средства иностранных инвесторов вкладывались прежде всего в специализированное природоохранное оборудование и технологии и т.д.), однако жесткий и всеобщий характер санкций в конечном счете охватил и экологическое регулирование. Риски и угрозы, обусловленные санкциями, могут сопровождаться следующими опасностями.

Возможность консервации технологической отсталости отечественной промышленности. Соответственно, сохраняются и усугубляются негативные тенденции в проведении государственной эколого-экономической политики, одним из направлений успешной реализации которой признано в России внедрение наилучших доступных технологий. Именно широкое использование передовых производственных технологий является ключевым фактором снижения антропогенного давления на окружающую среду. Отставание в области технологической модернизации производства чревато долгосрочным отставанием экономики страны от основных мировых экономических трендов, в том числе в области развития зеленой экономики и по другим направлениям глобальной экологической повестки.

Возможное снижение контроля за состоянием качества окружающей среды (в связи с введенным мораторием на экологический контроль и отменой плановых проверок – до 2025 г. и затем до 2030 г.¹⁷), неизбежным следствием которого будет рост нагрузки на

¹⁷ Исключение после 2025 г. сделано только в отношении объектов контроля/надзора, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасным производственным объектам II класса опасности, гидротехническим сооружениям II класса.

окружающую среду. Снижение эффективности государственного экологического мониторинга связано также с фактическим отсутствием в России собственного материально-технического обеспечения этого направления деятельности, со слабым внедрением современных автоматизированных систем наблюдения и контроля в сфере охраны воздушного и водного бассейнов, с недостатками в их организации и функционировании, что создает предпосылки для принятия неэффективных управленческих решений.

Сдвиг во времени вперед сроков осуществления ряда экологических программ. Это касается прежде всего сферы зеленой экономики и энергетики (особенно проектов ВИЭ-генерации), по отношению к которым ЕС ввел ограничения и запреты на соответственные инвестиции (за исключением гражданской ядерной энергетики и транспортировки ряда энергоресурсов, в которых заинтересованы страны ЕС). Пока не ясна также судьба проектов в области водородной энергетики, которые остались без основных зарубежных инвесторов. Хотя предполагается продолжать разработки в этом направлении, но сроки соответствующих разработок скорее всего будут меняться.

Сдвиг во времени вперед сроков исполнения ряда уже принятых экологических законов. Это касается, в частности, закона о проведении эксперимента по квотированию загрязняющих веществ (срок завершения эксперимента перенесен с 31.12.2024 г. на 31.12.2026 г.). То же относится и к так называемому «Усольскому закону»¹⁸.

Приостановка или сдвиг вперед сроков реализации отдельных федеральных проектов нацпроекта «Экология». Это относится, в частности, к проектам «Чистый воздух», «Чистая страна» и др. Заморожено финансирование из федерального бюджета проекта «Внедрение

¹⁸ Закон предусматривает обязанность собственников предприятий ликвидировать накопленный ущерб в случае вывода их из эксплуатации. Название закона связано с печальным опытом экологической катастрофы на комбинате «Усольехимпром», который работал в г. Усолье-Сибирское (Иркутская область) с 1936 г. Его производственная деятельность была прекращена в 2010 г., предприятие обанкротилось и не выполнило свои обязательства по ликвидации накопленного вреда, бросив на территории промышленной площадки емкости с токсичными отходами, в том числе с ртутью.

наилучших доступных технологий»¹⁹. Часть мероприятий названных проектов были перенесены в другие проекты²⁰. Подобные манипуляции позволили улучшить общие показатели реализации нацпроекта в целом. Так, по официальным данным, кассовое исполнение нацпроекта «Экология» уже в 2021 г. составило 97,7%, в 2022 г. – 99,7%, в 2023 г. – 99,9%. В то же время в сложившихся условиях по-прежнему остаются сомнительными возможности реализации в заданные сроки ряда федеральных проектов, связанных, в частности, с обращением с отходами и охраной водных объектов. В конце 2024 г. нацпроект «Экология» был продлен до 2030 г. (с 2025 г. – «Экологическое благополучие»). В структуре нового проекта предусмотрены два новых проекта – «Экономика замкнутого цикла» (объединил три проекта по обращению с отходами) и «Генеральная уборка» (продолжение проекта «Чистая страна»), а все водные проекты объединены в один проект «Вода России».

Риск потери или сужения внешних рынков (особенно европейских). В 2022 г. Европейский союз ввел Регламент Совета ЕС 2022/576 от 08.04.2022 г.²¹, в соответствии с которым «запрещается продавать, поставлять, передавать или экспортировать, прямо или косвенно, товары, которые могут способствовать, в частности, укреплению российских промышленных мощностей, перечисленных в приложении XXIII, любому физическому или юридическому лицу, организации или органу в России или для использования в России» [11, с. 159–160]. Данный регламент положил начало разрыву торговых связей России и стран Евросоюза. Под запретом оказались также товары и технологии двойного назначения и продукция передовых

¹⁹ Изначально на федеральный проект «Внедрение наилучших доступных технологий» отводилось более 60% всего бюджета национального проекта «Экология».

²⁰ Проект «Чистая вода» ушел в нацпроект «Жилье и городская среда», мероприятия по внедрению наилучших доступных технологий стали частью проектов «Оздоровление Волги» и «Чистый воздух» (URL: <https://tass.ru/interviews/12445475>).

²¹ См.: Регламент Совета ЕС 2022/576 от 08.04.2022 «О внесении изменений в Регламент (ЕС) 833/2014 об ограничительных мерах в связи с действиями России по дестабилизации ситуации в Украине». – URL: <https://optimalog.ru/upload/iblock/584/0unokgl2corhg54rnb096trpfbloes14.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

технологий, включая компьютеры, электронику, технологии телекоммуникаций и информационной безопасности, датчики разного рода, лазеры и т.д., а также продукция и технологии судостроения, авиастроения и других секторов экономики. Параллельно с этим происходит снижение рентабельности многих российских компаний и отдельных видов деятельности. На фоне данных процессов бизнес пытается получить те или иные экологические преференции путем ослабления или отмены ряда экологических нормативов, изменения экологического законодательства и т.п. [21].

Возможное ухудшение показателей экологического управления из-за целого ряда послаблений в рамках перехода на принцип НДТ. В частности, сдвинуты вперед или отложены следующие меры:

- выдача комплексных экологических разрешений (сначала на два года – с 2022 г. до 2024 г., затем еще на два года – до 2026 г.) не только для вновь вводимых предприятий, но и для 300 первоочередных объектов, оказывающих значительное негативное воздействие на окружающую среду (предприятия первой категории);
- оснащение объектов первой категории (получивших комплексные экологические разрешения до 15.03.2022 г.) автоматизированными системами экологического мониторинга – на четыре года (с 2025 г. – до 2029 г.);
- реализация программ повышения экологической эффективности на предприятиях и использование предусмотренных в рамках НДТ-подхода мер экономического стимулирования (до 2029–2030 гг.);
- активизация стимулирования импортозамещения в части как основных производственных, так и природоохранных технологий, что сопровождается ростом параллельного импорта с удорожанием ввозимой продукции и увеличением неопределенности ее происхождения и качества.

Следствием взаимодействия названных рисков и угроз возможно ожидать ослабление экологических требований, что отразится на снижении заинтересованности компаний в улучшении результатов их экологической деятельности.

Преодоление названных рисков и угроз возможно путем осуществления по крайней мере следующих мер [3–5; 9; 15; 21]:

- 1) усиления и расширения инструментов стимулирования отечественных технологических инноваций;
- 2) реального учета требований долгосрочного социально-экономического развития страны и регионов;
- 3) использования инструментов зеленой экономики и зеленого финансирования, приведения в соответствие с их требованиями законодательной базы, расширения участия государственных финансовых институтов развития в реализации мер по экологизации экономики и др.;
- 4) усиления контроля за экологической деятельностью объектов-загрязнителей и ужесточения мер за нарушение экологического регламента.

В сложившихся условиях, с одной стороны, от государства требуется поддерживать достигнутый уровень экологического регулирования, не допуская его ослабления. С другой стороны, российские компании не должны использовать санкции для получения каких-либо экологических послаблений. На наш взгляд, санкционный период следует рассматривать как долговременный этап развития страны, и надо перестраивать эколого-экономическую политику в соответствии с вызовами времени, обеспечив импульс для осуществления назревших мер в направлении более активного обеспечения технологического суверенитета и экологической безопасности страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что выделенные экологические вызовы имеют экзистенциальный характер. Соответственно, на всех уровнях управления требуются своевременная реакция на них и адекватные ответы, включая концентрацию внимания, сил и средств на формировании эффективных инструментов эколого-экономической политики.

Приоритетными направлениями трансформации сложившейся в России системы государственного эколого-экономического управления, на наш взгляд, могли бы стать следующие меры [4; 10; 16; 24]:

- 1) активизация технологической модернизации промышленного производства путем реализации принципа НДТ;
- 2) создание стимулов для инвестиций в природоохранные мероприятия, в том числе производство оборудования для экологического мониторинга;
- 3) преодоление отставания в развитии экологического инжиниринга с учетом имеющихся предпосылок (в том числе задела технологических разработок);
- 4) усиление экологического мониторинга и контроля с учетом расширения производства продукции отечественного приборостроения;
- 5) совершенствование экологического законодательства, прежде всего в направлении ужесточения мер по обеспечению его неукоснительного соблюдения и установлению реальной ответственности за экологические правонарушения;
- 6) реальное внедрение стратегических методов планирования и управления с учетом долгосрочного характера экологических проблем;
- 7) декарбонизация экономики путем более широкого внедрения ВИЭ-генерации;
- 8) активизация перехода к низкоуглеродной экономике, разработка и внедрение собственных экологически безопасных технологий.

Реализация названных направлений трансформации инструментов эколого-экономической политики должна охватывать все уровни управления с акцентом на производственном (т.е. уровне хозяйствующих субъектов – основных источников негативного воздействия на окружающую среду). Наряду с этим следует учитывать обязательное включение в общую систему менеджмента предприятий международной системы экологического менеджмента ISO 14000, а также предусматривать внедрение НДТ-подхода и ESG-стратегии. Последние, если принять во внимание положительную практику выстраивания экологической политики в развитых зарубежных странах, про-

явили себя как эффективные инновационные виды экологического регулирования, основанные на социально-экономической и экологической мотивации и принципах экономической эффективности и экологической справедливости.

Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Алещенко В.В., Бурматова О.П., Гильмундинов В.М., Панкова Ю.В., Пыжжев А.И., Рогачев Н.С., Тагаева Т.О. Состояние окружающей среды Азиатской России и необходимые институциональные изменения // Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: В 2 т. / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2023. – Т. 2. – С. 456–508.
2. Балтутите И.В. Особенности правового регулирования «зеленого» инвестирования в России // Правовая парадигма. – 2023. – № 22 (2). – С. 75–81. DOI: 10.15688/le.jvolsu.2023.2.10.
3. Бобылев С.Н., Пакина А.А., Тарасова Ю.А. Низкоуглеродная повестка в региональных и корпоративных стратегиях развития // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). – 2024. – № 21 (2). – С. 74–92. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-74-92.
4. Бурматова О.П. Некоторые проблемы энергетического перехода в России // Вестник НГУЭУ. – 2024. – № 4. – С. 62–78. DOI: 10.34020/2073-6495-2024-4-062-078.
5. Владимирова Д.А., Давыборец Е.Н., Радиков И.В. «Поворот России на Восток»: новые вызовы и возможности в развитии Дальневосточного региона // Вестник ЗабГУ. – 2022. – № 28 (3). – С. 36–47. DOI: 10/21209/2227-9245-2022-28-3-36-47.
6. Гаврилова Э.Н. «Зеленое» финансирование в России: специфика, основные инструменты, проблемы развития // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2020. – № 2 (33). – С. 48–54. DOI: 10.21777/2587-554X-2020-2-48-54.
7. Горкина Т.И. Особенности энергетического перехода азиатских стран // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. – 2023. – № 78 (3). – С. 18–29.
8. Данилов-Данильян В.И., Катцов В.М., Порфирьев Б.Н. Экология и климат: где мы сейчас и где будем через два-три десятилетия: Общемировые тенденции // Вестник Российской академии наук. – 2023. – № 10. – С. 930–941.
9. Данилов-Данильян В.И., Катцов В.М., Порфирьев Б.Н. Экология и климат: где мы сейчас и где будем через два-три десятилетия: Ситуация в России // Вестник Российской академии наук. – 2023. – № 11. – С. 1032–1046.

10. *Движение России к углеродной нейтральности: развилки на дорожных картах.* – М.: ЦЭНЭФ-XXI, 2023. – 86 с.

11. *Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях влияния внешних экономических санкций // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 8 (141). – С. 157–169. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169.

12. *Луконин С.А., Аносов Б.А.* Китай: декарбонизация экономики и следование принципам ESG // Федерализм. – 2021. – № 26 (3). – С. 192–205. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-3-192-205.

13. *Лукьянец А.С., Брагин А.Д.* Оценка масштабов и перспектив влияния климатических рисков на социально-экономическое развитие России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – № 14 (6). – С. 197–209. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.11.

14. *Лю Сюньюе.* Путь Китая к низкоуглеродной экономике в 2020–2025 гг. // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 3. – С. 37–40.

15. *Охрана леса от пожаров стала климатическим проектом* // Ведомости. – 2024. – 24 янв.

16. *Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: Доклад по итогам серии ситуационных анализов.* – М.: ГУ ВШЭ; Международные отношения, 2021. – 97 с.

17. *Попова М.В.* Сотрудничество России и Китая в сфере экологии и добычи природных ресурсов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – № 4 (26). – С. 28–33.

18. *Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Колпаков А.Ю.* Как пройти ТУР // Эксперт. – 2021. – № 4. – С. 66–69.

19. *Порфирьев Б., Широков А., Колпаков А.* Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. – 2020. – № 31-34. – С. 44–47.

20. *Ревич Б.А.* Меняющийся климат и здоровье населения: проблемы адаптации: Научный доклад ИНП РАН / Под ред. Б.Н. Порфирьева. – М.: Динамик Принт, 2023. – 168 с. DOI: 10.47711/srl-2023.

21. *Семенова Н.Н., Еремина О.И., Скворцова М.А.* «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития // Финансы: теория и практика. – 2020. – № 24 (2). – С. 39–49. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49.

22. *Серегина А.А.* Перспективы зеленой энергетики для России // Геоэкономика энергетики. – 2023. – Т. 4, № 1 (21). – С. 108–122. DOI: 10.48137/26870703_2023_21_1_108.

23. *Спиридонов Д.В.* Современный взгляд на «зеленую» энергетику в контексте экологической безопасности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 5. – С. 114–123. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.114-123.

24. *Управление устойчивым развитием* / Под ред. С.М. Никонорова, С.Н. Бобылева. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024. – 472 с.

25. *Экспортёров* ждет адаптация к китайскому климату // *Коммерсантъ*. – 2023. – 11 сент.

26. *Evans S., Mehling M., Ritz R.A., Sammon P.* Border Carbon Adjustments and Industrial Competitiveness in a European Green Deal / Cambridge Working Paper in Economics 2036. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

27. *Fleming R.C., Mauger R.* Green and just? An update on the “European Green Deal” // *Journal for European Environmental & Planning Law*. – 2021. – No. 18. – P. 164–180. DOI: 10.1163/18760104-18010010.

28. *Marcu A., Mehling M., Cosbey A.* Border Carbon Adjustments in the EU: Issues and Options / ERCST Roundtable on Climate Change and Sustainable Transition. – 2020. – 70 p.

Информация об авторе

Бурматова Ольга Петровна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: burmatova.op@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250311

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 278–303

O.P. Burmatova

SOME REGIONAL ENVIRONMENTAL CHALLENGES IN MODERN CONDITIONS

The article examines the most important modern environmental challenges and the risks and threats caused by them, taking into account both national and regional and international aspects of the growing importance of the environmental agenda. An analysis of the cause-and-effect relationships between the presence of hazards contained in a particular challenge and the real damage that can be caused to the natural environment, living conditions

and human health has been carried out. Possible ways to prevent potential risks and threats to the environmental and economic development of the country are proposed.

Among the identified challenges, emphasis is placed on challenges that contain risks and threats caused by factors of both a global nature and those associated with the peculiarities of the formation of environmental and economic policy in Russia and its regions. These include tightening environmental requirements for products on foreign markets, taking into account the technologies used for their production and the resulting carbon footprint; close intertwining of environmental issues with technological and economic problems; changes in environmental regulations within the country in connection with external sanctions imposed on it, and others.

The statement about the existential nature of the considered environmental challenges is substantiated. It is concluded that the existing institutional environment in Russia, which also determines the effectiveness of state environmental policy, requires transformation, subject to active state support in the field of innovation, technological sovereignization of the economy based on domestic best available technologies and other measures based on socio-economic and environmental motivation, based primarily on the principles of economic efficiency and environmental justice. The proposals made for improving the mechanism of environmental and economic policy can be useful in developing instruments for regulating the environmental sphere at all levels of management.

Keywords: promoting import substitution; environmental risks and threats; green transition; decarbonization of the economy; carbon footprint; regulation of transboundary impacts; best available technologies

For citation: *Burmatova, O.P. (2025). Nekotorye obcsheregionalnye ekologicheskie vyzovy v sovremennykh usloviyakh [Some regional environmental challenges in modern conditions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 278–303. DOI: 10.15372/REG20250311.*

The research was carried out with the plan of research work of the IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Aleshchenko, V.V., O.P. Burmatova, V.M. Gilmundinov, Yu.V. Pankova, A.I. Pyzhnev, N.S. Rogachev & T.O. Tagaeva.* (2023). Sostoyaniye okruzhayushchey sredy Aziatskoy Rossii i neobkhodimyye institutsionalnyye izmeneniya [The state of the environment of Asian Russia and the necessary institutional changes]. In: V.A. Kryukov & N.I. Suslov (Eds.). *Novyy impuls Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya: V 2 t.* [New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development: In 2 vols.]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 456–508.
2. *Baltutite, I.V.* (2023). Osobennosti pravovogo regulirovaniya “zelenogo” investirovaniya v Rossii [The regulatory aspects of “green” investment in Russia]. *Pravovaya paradigma [Legal Concept]*, 22 (2), 75–81. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.2.10.
3. *Bobylev, S.N., A.A. Pakina & Yu.A. Tarasova.* (2024). Nizkouglerodnaya povestka v regionalnykh i korporativnykh strategiyakh razvitiya [Low-carbon agenda in regional and corporate development strategies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo).* [Lomonosov Public Administration Journal. Series 21], 21 (2), 74–92. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-74-92.
4. *Burmatova, O.P.* (2024). Nekotorye problemy energeticheskogo perekhoda v Rossii [Some problems of energy transition in Russia]. *Vestnik NGUEU [Vestnik NSUEM]*, 4, 62–78. DOI: 10.34020/2073-6495-2024-4-062-078.
5. *Vladimirova, D.A., E.N. Davyborets & I.V. Radikov.* (2022). “Povorot Rossii na Vostok”: novyye vyzovy i vozmozhnosti v razvitiy Dalnevostochnogo regiona [Russia’s turn to the East: New challenges and opportunities in the development of the Far Eastern region]. *Vestnik ZabGU*, 28 (3), 36–47. DOI: 10/21209/2227-9245-2022-28-3-36-47.
6. *Gavrilova, E.N.* (2020). “Zelenoe” finansirovanie v Rossii: spetsifika, osnovnyye instrumenty, problemy razvitiya [“Green” financing in Russia: Specific features, basic tools, problems of development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte [Vestnik of Moscow Witte University]*, 2 (33), 48–54. DOI: 10.21777/2587-554X-2020-2-48-54.
7. *Gorkina T.I.* (2023). Osobennosti energeticheskogo perekhoda aziatskikh stran [Special features of energy transition in Asian countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography]*, 8 (3), 18–29.
8. *Danilov-Danilyan, V.I., V.M. Kattsov & B.N. Porfiryev.* (2023). Ekologiya i klimat: gde my seychas i gde budem cherez dva-tri desyatiletiya: Obshchemirovyye tendentsii [Ecology and climate: where we are now and where we will be in two or three decades: Global trends]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 10, 930–941.
9. *Danilov-Danilyan, V.I., V.M. Kattsov & B.N. Porfiryev.* (2023). Ekologiya i klimat: gde my seychas i gde budem cherez dva-tri desyatiletiya: Situatsiya v Rossii [Ecology and climate: where we are now and where we will be in two or three decades: Situation in Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 11, 1032–1046.

10. *Dvizhenie* Rossii k uglerodnoy neytralnosti: razvilki na dorozhnykh kartakh [Russia's Movement Towards Carbon Neutrality: Forks in the Road Maps]. (2023). Moscow, LLC "Energy Efficiency Center-XXI Publ., 86.

11. *Zhavoronkova, N.G. & Yu.G. Shpakovskiy.* (2022). Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v usloviyakh vliyaniya vneshnikh ekonomicheskikh sanktsiy [Legal support of environmental safety under the influence of external economic sanctions]. Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law], Vol. 17, No. 8 (141), 157–169. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169.

12. *Lukonin, S.A. & B.A. Anosov.* (2021). Kitay: dekarbonizatsiya ekonomiki i sledovanie printsipam ESG [China: decarbonising the economy and adhering to the ESG principles]. Federalizm [Federalism], 26 (3), 192–205. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-3-192-205.

13. *Lukyanets, A.S. & A.D. Bragin.* (2021). Otsenka masshtabov i perspektiv vliyaniya klimaticheskikh riskov na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Rossii [Assessing the scale and prospects of the impact of climate-related risks on Russia's socio-economic development]. Ekonomicheskije i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14 (6), 197–209. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.11.

14. *Xunyue, Liu.* (2023). Put Kitaya k nizkouglerodnoy ekonomike v 2020–2025 gg. [China on the way to achieve carbon neutrality in 2020–2025]. Innovatsii i investitsii [Innovation & Investment], 3, 37–40.

15. *Okhrana* lesa ot pozharov stala klimaticheskim proektom [Forest fire protection has become a climate project]. (2024). Vedomosti, January, 24.

16. *Povorot* k prirode: novaya ekologicheskaya politika Rossii v usloviyakh "zeleynoy" transformatsii mirovoy ekonomiki i politiki: Doklad po itogam serii situatsionnykh analizov [Turn to Nature: Russia's New Environmental Policy in the Context of the "Green" Transformation of the Global Economy and Politics: A Report on the Results of a Series of Situational Analyses]. (2021). Moscow, HSE Publ. & Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 97.

17. *Popova, M.V.* (2018). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v sfere ekologii i dobychi prirodnnykh resursov [Russian-Chinese cooperation in the sphere of ecology and natural resource extraction]. Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 4 (26), 28–33.

18. *Porfiryev, B.N., A.A. Shirov & A.Yu. Kolpakov.* (2021). Kak proyti TUR [How to comply with cross-border carbon regulation]. Ekspert [Expert], 4, 66–69.

19. *Porfiryev, B., A. Shirov & A. Kolpakov.* (2020). Klimat dlya lyudey, a ne lyudi dlya klimata [Climate for people, not people for climate]. Ekspert [Expert], 31-34, 44–47.

20. *Revich, B.A.* (2023). Menyayushchiysya klimat i zdorovye naseleniya: problemy adaptatsii: Nauchnyy doklad INP RAN [Changing Climate and Public Health: Problems of Adaptation: Scientific report of the Institute of Economic Forecasting RAS]. Ed. by B.N. Porfiryev. Moscow, Dynamic Print Publ., 168. DOI: 10.47711/srl-2023.

21. *Semenova, N.N., O.I. Eremina & M.A. Skvortsova.* (2020). “Zelenoe” finansirovanie v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Green financing in Russia: current status and development prospects]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 24 (2), 39–49. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49.

22. *Seregina, A.A.* (2023). Perspektivy zelenoy energetiki dlya Rossii [Prospects of green energy for Russia]. *Geoekonomika energetiki* [Geoeconomics of Energetics], Vol. 4, No. 1 (21), 108–122. DOI: 10.48137/26870703_2023_21_1_108.

23. *Spiridonov, D.V.* (2022). Sovremennyy vzglyad na “zelenuyu” energetiku v kontekste ekologicheskoy bezopasnosti [A modern view of green energy in the context of environmental safety]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 114–123. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.114-123.

24. *Nikonorov, S.M. & S.N. Bobylev* (Eds.). (2024). *Upravlenie ustoychivym razvitiem* [Managing Sustainable Development]. Moscow, MSU Faculty of Economics Publ., 472.

25. *Eksporterov zhdet adaptatsiya k kitayskomu klimatu* [Exporters will adapt to the Chinese climate]. (2023). *Kommersant*, September, 11.

26. *Evans, S., M. Mehling, R.A. Ritz & P. Sammon.* (2020). *Border Carbon Adjustments and Industrial Competitiveness in a 2036 European Green Deal*. Cambridge Working Paper in Economics. Cambridge, Cambridge University Press.

27. *Fleming, R.C. & R. Mauger.* (2021). Green and just? An update on the “European Green Deal”. *Journal for European Environmental & Planning Law*, 18, 164–180. DOI: 10.1163/18760104-18010010.

28. *Marcu, A., M. Mehling & A. Cosbey.* (2020). *Border Carbon Adjustments in the EU, Issues and Options*. ERCST Roundtable on Climate Change and Sustainable Transition, 70.

About Author

Burmatova, Olga Petrovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Professor at the Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: burmatova.op@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 13.01.2025.

После доработки 12.05.2025.

Принята к публикации 15.05.2025.

© Бурматова О.П., 2025

Ю.П. Воронов

БОЛОТА ОТСТУПАЮТ. НОВЫЕ РИСКИ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье обсуждаются новые возможности и риски на южной границе тайги, где идет естественное осушение болот в результате потепления климата. Выделяя возникающие в этих условиях опасности, на первое место в связи с необходимостью принятия экстренных мер автор ставит высокую опасность возникновения пожаров. Отмечается, что во всем мире прекратилось осушение болот и начинаются работы по их восстановлению. Рассматриваются сложности оценки вероятности пожаров, а также разработки технологий восстановления болот (повторного заболачивания).

Наряду с новыми опасностями автор описывает новые возможности для экономики, появляющиеся в связи с процессами, происходящими на южной границе тайги. Среди таких возможностей рассматриваются новые направления использования торфа и более активное вовлечение в хозяйственный оборот дикорастущих растений болотной среды. Особое внимание уделяется проблеме повышения плодородия почвы на территориях, освобождающихся от болот и тайги. Рассматриваются также варианты изменения севооборотов и введения в них новых сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: потепление климата; болота; торф; азиатский циклон; парниковые газы; пожары; осушение; севообороты; азотные удобрения

Для цитирования: Воронов Ю.П. Болота отступают. Новые риски, новые возможности // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 3 (127). – С. 304–323. DOI: 10.15372/REG20250312.

Многие тысячелетия люди негативно относились к болотам. Болота считались источником опасности, очагами распространения вредных насекомых, гнили и болезней. Но в последнее время отношение к болотам становится противоположным, впереди принцип: «нельзя допускать, чтобы их не стало». Все страны мира, располагающие болотами, в той или иной мере оставили позади период борьбы с ними. И везде осушение болот человеком привело к нежелательным последствиям.

В нашей стране эти последствия оказались одними из самых тяжелых. Дело в том, что после 1917 г. в условиях индустриализации началось активное копирование зарубежного опыта. И без какого-либо предварительного анализа стал копироваться американский опыт осушения болот. Предполагалось, что богатые органикой болота после осушения будут превращены в плодородную землю, в новые сельскохозяйственные угодья. А добытый и высушенный торф будет эффективным топливом. Вторая цель была почти достигнута: в 1930-е годы в Советском Союзе почти 40% тепловой энергии получалось за счет сжигания торфа. Что же касается сельскохозяйственного использования осушенных болот, то здесь успехов не отмечалось.

С причинами неудачи мы познакомимся позже, при обсуждении современных актуальных проблем в данной сфере. Сейчас же начнем обсуждение с той проблемы, которая требует немедленного решения. Далее будет привлечено много информации технологической и климатологической. Но она – всего лишь минимум знаний, необходимый экономисту для того, чтобы он осознал всю сложность новых проблем и способов их решения.

НОВЫЕ РИСКИ. РЕЗКОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ ОПАСНОСТИ ПОЖАРОВ

В Советском Союзе в год добывалось 100 млн т торфа, сейчас в России добывают не более 1,5 млн. В наследство от советских времен нам досталось около 3 млн га осушенных болот. Они – важнейший источник пожароопасности в целом.

Торфяные пожары чаще всего возникают из-за неосторожного поведения людей. В солнечные летние дни торф может воспламениться от искры костра или брошенного окурка. В те же дни, когда температура воздуха поднимается выше 50°C, торф может самовозгораться. Бытует мнение, что самовозгорание природного торфа – это миф, прикрывающий действительные причины пожара, а самовозгораться может только уже добытый торф, сложенный в штабеля для сушки [3]. Вместе с тем довольно тщательные лабораторные исследования химических процессов, происходящих в болотных газах, показывают, что вероятность самовозгорания существует [12].

При торфяном пожаре, помимо углекислого газа, в атмосферу выделяется множество вредных веществ, которыми был пропитан торф. В первую очередь это очень канцерогенный бензопирен, а кроме того, оксиды металлов и серы. В настоящее время именно поэтому осушение болот полностью прекратилось в большинстве стран мира. Причина в том, что увеличивается вероятность пожаров, которые не удастся предотвратить, и даже невозможно застраховать в силу того огромного ущерба, какой эти пожары приносят.

В России перелом государственной политики в отношении болот произошел только в 2010 г., когда в стране было зарегистрировано 35 тыс. пожаров с общей площадью в 2 млн га. Правительство РФ приняло решение о реализации программы восстановления неиспользуемых болот до их первоначального состояния. Но за решением не последовали необходимые инвестиции.

Пожары на торфяниках происходят не только в России и Европе. В 2015 г. пожары в Индонезии привели к выбросам углекислого газа, превышающим промышленные выбросы в Европе. Причина – осушение болот под плантации масличной пальмы. В 2020 г. загорелись торфяные болота Австралии, были уничтожены миллионы гектаров леса.

Единственно верный путь, по мнению специалистов многих стран, – жесткие меры по профилактике торфяных пожаров, по их предотвращению вплоть до полного запрета посещения пожароопасных территорий. Должна быть налажена система регулярного мониторинга состояния болот, в особенности тех, что подвержены

осушению в связи с потеплением климата. От продолжающегося медленными темпами строительства специальных пожарно-наблюдательных вышек нужно переходить к активному использованию БПЛА и спутников. Важную роль в решении данной проблемы должен играть космический мониторинг, который неплохо организован в отношении уже начавшихся пожаров, тогда как прогнозы будущих пожаров на основании спутниковых снимков пока еще находятся в стадии разработки [10].

Тушение торфяных пожаров существенно сложнее, чем тушение всех других пожаров, прежде всего потому, что такой пожар идет под землей. Его бесполезно заливать сверху: пламя исчезает только на поверхности, а в глубине продолжается тление торфа. Поэтому противопоказано тушение торфяных пожаров с помощью авиации. Сброс массы воды с самолета не тушит пожар, он в результате только сильнее разгорается. Единая технология пожаротушения в данном случае отсутствует. Экспериментальным путем вырвались вперед две технологии: обводнение и снос горящего торфа бульдозерами.

Первая технология ведет к заведомо проигрышному варианту соревнования с потеплением климата, когда болота сами собой осушаются, а человек будет их обводнять. Рано или поздно у человека на такое соревнование не хватит сил и ресурсов. Хотя в большинстве экстренных случаев, когда болота горят и не до размышлений о будущем, именно эта технология дает наилучшие результаты.

В России и во всем мире используется немецкая технология обводнения осушенных человеком болот. Канавы, по которым из болот раньше выводили влагу, перекрываются специально рассчитанной системой перемычек. Почва вновь насыщается водой, восстанавливается болотная экосистема. Совместные российско-германские бригады восстановили десятки тысяч торфяных болот в Тверской и Владимирской областях. Но наибольшие объемы проделанной и будущей работы – в Томской области, где с российской стороны в бригадах трудятся специалисты Томского государственного университета. Это происходит благодаря программе «Международная климатическая инициатива», принятой в ФРГ в качестве помощи для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Работы по восстановле-

нию болот предваряет оценка пожароопасности отдельных болот, с тем чтобы выбрать максимально эффективное направление деятельности [9].

При использовании «бульдозерной» технологии слой горящего торфа снимается слоями толщиной до 0,5 м до тех пор, пока техника не дойдет до негорящего слоя. Этот способ очень затратный.

Даже после погашения торфяного пожара как первым, так и вторым способом под землей могут образовываться пустоты большого объема, на месте которых потом происходят обрушения. Торф медленно прогорает на глубину до 2 м, и земля пожарища становится непригодной для хозяйственного использования.

ОПАСНОСТЬ ГЛОБАЛЬНАЯ. МЕНЬШЕ БОЛОТ – ВЫШЕ ТЕМПЫ ПОТЕПЛЕНИЯ КЛИМАТА

Пожары – самая острая проблема, связанная с болотами. Но есть проблемы более важные, которые не ощущаются так остро. Сохранение болот в настоящее время считается чуть ли не самым важным в борьбе с негативными последствиями потепления климата. Правда, это мнение небольшого числа специалистов, глубоко вникших в данную проблему. Для большинства населения Земли до сих пор характерно негативное отношение к болотам, не верится, что без них человечество вымрет.

Восстановление болот крайне необходимо для смягчения изменения климата, поскольку они хранят внутри себя углерод и тем самым сдерживают эмиссию парниковых газов. Торфяные болота мира хранят внутри себя вдвое больше углерода, чем все мировые леса, включая тропические [8]. В озерах вода полностью обновляется в среднем за 17 лет, в болотах – за пять лет. Мох сфагнум не дает развиваться многим видам болезнетворных микроорганизмов, в том числе анаэробным бактериям, способным существовать без доступа кислорода. Торф является естественным фильтром пресной воды.

Вместе с тем болота выделяют метан, который считается не меньшей угрозой загрязнения воздуха, чем углекислый газ. По этой причине необходим постоянный мониторинг существующих болот,

с тем чтобы давать текущую оценку положительного или отрицательного воздействия болот на потепление климата.

С 1700 г. в мире уничтожено примерно 20% водно-болотных угодий. Эта доля дифференцирована по странам. Так, лидер осушения болот Ирландия лишилась 90% своих водно-болотных угодий. Это воздействие человека на природу считается одним из важнейших факторов повышения выбросов парниковых газов и потепления климата.

Источник средств на восстановление болот очевиден. Это углеродный налог, который платят участники рынка в зависимости от объема выбросов углекислого газа и других парниковых газов. Средства, собранные как углеродный налог, направляются на проекты по снижению выбросов, в частности и на восстановление болот. Углеродный налог действует в большинстве стран мира. Для нас наиболее интересен опыт Казахстана, где перед введением углеродного налога в качестве подготовительной меры организована торговля квотами на выбросы, а переход к углеродно нейтральной экономике отодвинут на 2060 г. В нашей стране углеродного налога пока нет, его введение намечено на 2028 г.

Углеродный налог приведет к повышению производственных затрат. Для смягчения роста давления на потребителей обычно одновременно с введением этого налога государство принимает решение о системе дотаций, увеличивая нагрузку на государственный бюджет.

Перейдем теперь на этом фоне к ситуации, складывающейся на южной границе сибирской тайги, где расположены одни из крупнейших болот мира. По мировым масштабам Васюганские болота занимают небольшую площадь – всего-то 55 тыс. кв. км. Это лишь одна тысячная площади материка Евразия. Да и в сравнении с территорией Новосибирской области она меньше трети (31%). В среднем, по многим оценкам, запас воды в Васюганских болотах оценивается примерно в 400 куб. км. Из них берут начало 20 крупных и средних рек, и в них находятся примерно 800 озер.

Васюганские болота – «легкие планеты» в меньшей степени, чем тропические леса Амазонки. Изучение Васюганских болот, их роли в замедлении потепления климата и в снижении содержания

в воздухе углекислого газа можно считать одной из важнейших задач отечественной науки, принципиальным ее обязательством перед будущим мира.

Климатологам давно известен азиатский антициклон, который состоит из трех областей высокого давления: центрально-азиатской (над Средней Азией), монгольской и сибирской. Он представляет собой одно из самых устойчивых сезонных атмосферных процессов на Земле. До XX в. включительно он существовал только зимой, с ноября по март, и объяснялся сильным охлаждением этой части Евразийского материка. Но в XXI в. ситуация изменилась. Продолжительность существования азиатского антициклона увеличилась, он стал действовать и весной, и осенью вследствие того, что из-за потепления климата разница температур над Европой и Сибирью стала сохраняться в течение более длительного периода. При этом зимний разрыв температур над Сибирью и Европой стал меньше, что привело к «мягким» сибирским зимам.

Наиболее показательным в этом плане оказался 2012 г., когда влажный воздух с Атлантики был заблокирован настолько, что во многих местах Западной Сибири из-за сухости воздуха в начале лета распространились лесные пожары. Впервые были отмечены летние пожары в западно-сибирской тундре. Повтор такой ситуации неизбежен, если к этому не готовиться и не принимать экстренных профилактических мер. Более сухой воздух быстрее прогревается и ускоряет процесс естественного осушения сибирских болот в ходе общего потепления климата. Для Западной Сибири это увеличивает все упомянутые риски.

В связи с динамикой азиатского антициклона юг Западной Сибири будет подвергаться более интенсивному потеплению климата, чем другие части земного шара. Это уже вперед человека заметили перелетные птицы: на юг Алтайского края не первый год на лето прилетают фламинго и пеликаны. Ранее этого нельзя было себе представить.

Из этого следует комплекс совершенно новых возможностей по изменению севооборотов и состава выращиваемых сельскохозяйст-

венных культур. Объективно наиболее инерционная часть перестройки любой отрасли экономики – это наука. Сельское хозяйство – не исключение. В настоящее время ориентация исследований и селекционной работы слабо учитывает тенденции изменения климата и связанные с этим будущие изменения состава выращиваемых сельскохозяйственных культур. Речь не идет о том, чтобы какие-то направления сельскохозяйственной науки сворачивались. Есть выдающиеся достижения в выведении новых видов ячменя, и это очень хорошо, он будет выращиваться на полях более высоких широт.

Нужно вкладываться в подготовку к тому, что будет возделываться в будущем. Здесь есть определенные достижения. Ученые Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН районировали принципиально новую для Сибири культуру – мискантус (слоновью траву). С одного гектара мискантус дает в среднем до 4 т высококачественной целлюлозы для использования в качестве сырья в различных отраслях промышленности. Причем это сырье значительно дешевле, чем целлюлоза, получаемая из древесины. Опытный завод по переработке мискантуса уже работает в Московской области. Затем такие предприятия будут построены в Новосибирской и Калининградской областях.

Должны появиться новые отрасли растениеводства, в первую очередь виноградарство. Пока его зона ограничена несколькими районами Алтайского края, но продвижение винограда идет быстрыми темпами. В Бийске уже несколько лет готовят технологов виноделия с высшим образованием. На дачных участках в Новосибирской и Кемеровской областях виноград стал уже рядовой, не вызывающей удивления культурой. Появилось не менее десятка районированных сортов винограда. Аналогичные процессы сейчас идут в Канаде. Там начали выращивать виноград и другие сельскохозяйственные культуры, до сих пор импортировавшиеся из США [7]. В России развитие сибирского виноделия стимулируется еще и тем, что традиционно винодельческие южные регионы европейской части нашей страны из-за более частых и продолжительных засух снижают объемы производства вина и винограда.

СЛОЖНАЯ ЗАДАЧА ВОССТАНОВЛЕНИЯ БОЛОТ

Повышение вероятности появления пожаров на большой территории представляет локальную опасность в зоне распространения пожара. Одновременно такие пожары, загрязняя атмосферу, представляют глобальную опасность. После пожаров 2010 г. в центре европейской части России были выделены значительные государственные средства на предотвращение торфяных пожаров в регионе. Но потребовались затраты не только на обводнение для последующего естественного заболачивания осушенных территорий.

В 2011 г. между Министерством природных ресурсов и экологии РФ и Министерством окружающей среды, охраны природы и безопасности ядерных реакторов ФРГ было подписано соглашение о совместном проекте «Восстановление торфяных болот в России в целях предотвращения пожаров и смягчения изменений климата». До 2016 г. проект охватывал только Московскую область, затем началось его расширение на другие регионы России.

Этот процесс сдерживается сложностью технологии возвращения болот в прежнее состояние. Сначала на осушительных каналах строятся блокирующие их насыпи (перемычки). Места расположения этих перемычек, а также их ширина должны быть рассчитаны так, чтобы насыщение осушенного торфяника водой шло равномерно. Перемычки должны быть застрахованы от смыва в половодье, и для этого их укрепляют щитами, высаживают камыш и быстрорастущие кустарники. Каких-либо единых рекомендаций по таким мерам нет, все отдано на откуп исполнителям, принимающим решения «по месту».

Для более квалифицированного подхода к обводнению болот требуется построить систему гидравлических и перколяционных моделей, описывающих водные потоки и просачивание воды сквозь перемычки. А построение системы таких моделей представляет собой непростую задачу. К тому же для оценки текущих последствий в ходе выполняемых работ необходим регулярный мониторинг. Сейчас он проводится максимум два раза в год. Мониторинг позволяет определить текущее состояние объектов обводнения. В ходе мониторинга анализируется состав парниковых газов, выделяемых восстанавливаемым болотом [10].

Затраты на восстановление болот и мониторинг, возможно, впоследствии будут приводить к вычетам из будущего углеродного налога, который предполагается ввести в РФ с 2028 г. Но возможны и прямые компенсации из бюджета.

И как всегда, в России находится свое оригинальное решение проблемы. Это попросту отсутствие мероприятий по восстановлению осушительной сети и регулированию стока [8]. Такой шаг, конечно, «может оказать неоднозначное влияние» на пожароопасность территории, но в результате неминуемо приведет к восстановлению болота. Другое дело, что этого придется ждать от 70 до 100 лет [1, с. 123]. И все это время остается высокой вероятностью новых болотных пожаров. Осознавая, что вряд ли найдутся средства на быстрое восстановление болот (повторное заболачивание) и на профилактику пожаров на брошенных болотах, российские ученые пытаются найти компромисс – разработать локальные методы снижения вероятности пожаров в течение этих десятилетий [6]. Для стимулирования этого процесса требуются инвестиции в развитие региональной науки, способной подготавливать такие локальные проекты.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Болота занимают 3% поверхности суши во всем мире и 12% территории России – почти столько же, сколько в стране сельскохозяйственных земель (12,9%). В настоящее время на одного гражданина РФ приходится 0,9 га пашни, столько же, сколько и на одного гражданина Аргентины. Это меньше, чем на одного канадца (1,5 га) или на одного гражданина Казахстана (1,9 га), и значительно меньше, чем на одного австралийца (2,4 га) [4]. Также на одного гражданина России приходится 5,5 га леса – в 6 раз больше, чем пашни. Это немногим больше, чем на одного финна (5 га), но существенно больше, чем на одного гражданина США. Вместе с тем мы значительно уступаем Канаде, где на одного человека приходится 15,8 га лесов. Так что Россия по всем этим показателям не находится с краю. Есть страны, у которых показатели лучше и у которых хуже.

Из-за отступления болот Россия начинает прирастать мелколесьем, что вырастает на естественно осушаемых болотах. Этот новый лес состоит из мягколиственных пород, которые не пользуются спросом на рынке. За 2001–2022 гг. леса отнимали у болот до 430 тыс. га в год. Всего за этот период лесом покрылось 9 млн га болот.

Для мягколиственных пород (береза, ива, липа, ольха, осина, тополь) характерна невысокая плотность древесины. Уже много лет лесная промышленность РФ не осваивает полностью выделяемую квоту порубки по этим породам. Вместе с тем доля готового к вырубке спелого и перестойного древостоя в болотных лесах почти вчетверо больше, чем в лесах обычных (27,1% против 7,2%). Нужно специальное исследование причин, по которым этот ресурс многие годы не используется в полной мере.

Совокупную стоимость лесных запасов страны Рослесинфорг оценил в 73,3 трлн руб., из которых 2,2 трлн – запасы, которые можно продавать¹. Но пока доходы от леса составляют лишь 0,1% от совокупной стоимости. На фоне этой низкой доли понятно, по какой причине не осваивается квота вырубки мягколиственных пород. В дополнение к невысокой плотности древесины у них множество пороков: более частые сучья, косослой, свилеватость и др.

Следует пересмотреть нормативы по сортировке древесины и резко увеличить инвестиции в повышение качества лесопиления. В настоящее время при пилении пилы зачастую не разрезают, а вырывают древесные волокна. Решение подобных технологических проблем рассматривается специалистами как первоочередная задача [7].

ВОЗМОЖНО ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОРФА В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ?

Финляндия добывает 12 млн т торфа в год. Добыча торфа идет в Канаде, Ирландии, Германии и во многих других странах, где есть болота. За последние полвека принципиально изменилось машиностроение, ориентированное на добычу, сушку, переработку и сжига-

¹ См.: *Даром* что растет: почему леса России остаются малопродуктивными // Известия. – 2023. – 12 марта.

ние торфа. Основные производители этого оборудования – Финляндия, Ирландия, Канада и, немного, Белоруссия.

В нашей стране, где торф рассматривался главным образом как топливо, он не выдержал конкуренции с нефтью и газом. Открытие нефтегазовых месторождений нанесло торфяной промышленности удар, от которого она не оправилась до сих пор. Добыча торфа упала в 50 раз: с 100 млн т в год до 2 млн. У других стран не было такого дара природы, потому там добыча и переработка торфа продолжают. Но вследствие изменения мировой конъюнктуры торф используется все более не как топливо, а как удобрение. Канада добывает всего 1 млн т торфа, но экспортирует сельскохозяйственную продукцию, часть которой получена благодаря использованию торфа как удобрения. Она же поставляет в другие страны оборудование для добычи и переработки торфа.

В советское время автору приходилось рассчитывать потоки торфа из северных районов Новосибирской области в ее южные районы. В расчетах использовались оценочные цифры повышения урожайности после внесения торфа как удобрения на полях юга Новосибирской области. Но при этом полностью игнорировалась технология использования торфа. Эта проблема считалась технической, не относящейся к экономическим расчетам. Главным было то, что повышение урожайности зерновых в южных районах области засчитывалось как выполнение плана по поставкам зерна из северных районов. Задача состояла в том, чтобы планы перестали заставлять сеять пшеницу там, где она дает ничтожный урожай, севернее Транссиба.

И вот сейчас, после ухода плановой экономики, эта задача перестала быть актуальной и на первый план вышли технологические проблемы использования торфа как удобрения. Если торф просто рассыпать по полю (а именно это тогда и подразумевалось), то как удобрение он действовать не будет. В нем нет веществ, какие бы легко усваивались растениями. Более того, свежевыкопанный торф будет способствовать накоплению в почве токсинов, вредных для большинства сельскохозяйственных культур. Кроме того, внесение торфа увеличивает кислотность почвы, что потребует дополнительных инвестиций в ее известкование. Выход некоторые специалисты

видят в компостировании торфа. В компосте помимо торфа должна быть другая органика: навоз, ботва овощных растений и сорняков с корнями, древесная зола и опилки. Торф в таком компосте разогревается до $+60^{\circ}\text{C}$. При такой температуре в нем образуются органические молекулы, содержащие азот. И в результате торф становится эффективным азотным удобрением. И здесь опять неминуемо участие экономистов, которые должны разработать методику выбора – что в данном конкретном случае более эффективно: известкование почвы или компостирование торфа.

Тем не менее даже компостированный торф дает только временный положительный эффект, он не обеспечивает долговременного увеличения питательных веществ в почве. Его пользу специалисты видят прежде всего в том, что почва становится более рыхлой и урожаи увеличиваются за счет того, что корневой системе растений легче расти и получать доступ к воде.

Торф не рекомендуют вносить в почвы с высоким содержанием гумуса. На плодородных почвах он практически неэффективен. Но на очень бедных плотных почвах он дает неплохой прирост урожая.

Основное направление использования торфа как удобрения – предварительная переработка его в гуматы. Гумус содержится в торфе в связанном состоянии, для растения он практически недоступен. Для того чтобы растения смогли его усваивать, уже существуют отработанные технологии, так или иначе связанные с обработкой торфа щелочью. Тогда торф работает не только как один из источников питания, но также и как стимулятор роста растений, и как восстановитель структуры почвы.

Другое принципиально новое использование торфа касается сохранения сельскохозяйственной продукции, в первую очередь картофеля, овощей и фруктов. Антисептические свойства торфа настолько высоки, что пересыпанные торфом яблоки, груши, свекла, морковь, кабачки долго хранятся. Сохраняются даже те сорта, которые ранее не выращивались для хранения [3].

Еще одно применение торфа связано с его гидрофобными свойствами. Если смешать цемент с торфяными добавками и нагреть эту смесь, то структура торфа начинает разрушаться с образованием раз-

нообразных компонентов, среди которых есть соединения битума. Они «всасываются» капиллярами частиц цемента, что делает эти частицы устойчивыми к намоканию. Бетон, изготовленный с применением такого цемента, становится гидрофобным, и срок его службы многократно увеличивается. Так что затраты на содержание бетонных дорог можно было бы многократно сократить. Очевидно, что связать одно с другим – срок службы дорожного покрытия и добычу торфа – частный бизнес не может. Должны быть разработаны государственные программы, а до их разработки экономистами должна быть предложена методика расчета экономической эффективности применения гидрофобного бетона. Естественно, что перед тем как экономисты возьмутся за составление методики, должны быть проведены эксперименты, в которых будут установлены основные параметры затрат и результатов.

Принципиально новые способы применения торфа как дезактиватора гниения и как гидрофобного средства не могут быть развиты в полноценные виды хозяйственной деятельности без активного вмешательства государства в процесс внедрения новых технологий и поддержки торфяной промышленности в целом. Между тем в настоящее время в России сложилась парадоксальная ситуация. Например, установлено, что импортное промышленное оборудование не облагается таможенными пошлинами, если в РФ аналогичной техники не производится. Импортное оборудование для заготовки леса ввозится беспошлинно, хотя отечественные аналоги можно найти. Оборудование же для торфяной промышленности облагается пошлинами, хотя отечественных аналогов ему гарантированно нет. И еще один фактор: перевозки угля в нашей стране дотируются государством, а перевозки торфа – нет. Разумеется, у торфа более низкая плотность, поэтому даже без учета дотаций его перевозки обходились бы дороже, чем перевозки угля. Но сейчас разрыв между «угольными» и «торфяными» тарифами – почти в три раза. Вряд ли в таких условиях бизнес решится вкладываться в новые технологии применения торфа. На импортном оборудовании поставлен один барьер развитию торфяной промышленности, на железнодорожных перевозках – другой.

ЧТО ДЕЛАТЬ С НОВЫМИ ПЛОЩАДЯМИ?

Высыхание болот приводит к исчезновению многих видов растений, животных и птиц, для которых болота – естественная среда обитания. Болота удерживают пресную воду, поглощают чрезмерные осадки и благодаря этому снижают ущерб от паводков и поддерживают баланс грунтовых вод.

В результате высыхания болот освобождается почва преимущественно кислая и бедная азотом. Основные зерновые культуры – пшеница, ячмень, кукуруза, а также все бобовые и подсолнечник очень чувствительны к повышенной кислотности почвы. На кислых почвах неплохо растут картофель и овощи: помидоры, перцы, огурцы, белокочанная капуста, морковь, свекла, горох, чеснок и др. Потребуется предварительная работа экономистов для оценки перспектив развития овощеводства на новых сельскохозяйственных площадях. Нужно будет определить экономически эффективные направления развития этих отраслей.

Выращивание овощей требует больших трудозатрат, и они становятся неконкурентоспособным товаром при перевозках на большие расстояния. Болота расположены в местах с низкой плотностью населения, возделывание овощей на этих территориях потребует строительства новых поселений и вахтовых поселков. Так что без программ комплексного развития территорий не обойтись.

Необходимо также существенным образом увеличить региональное производство азотных удобрений. В последнее время производство азотных удобрений сконцентрировалось в европейской части России, после ввода в строй в 1956 г. кемеровского АО «Азот» эта ветвь производства минеральных удобрений за Уралом не развивалась. Нужно принять государственную программу развития производства азотных удобрений в восточных регионах страны.

В болотных лесах есть ресурсы и помимо древесины. Прежде всего это грибы и ягоды, а также орехи и лекарственные травы. Россия обладает примерно 20% запасов дикоросов в мире. Чтобы включить эти ресурсы в хозяйственный оборот, надо сделать многое, на что частный бизнес никогда не решится без государственной поддержки: сформировать рабочие отряды для сезонных работ, создать мощности для переработки, хранения и логистики, проложить необ-

ходимую дорожно-тропиночную сеть, провести прореживание с целью улучшения доступа и освещенности.

В настоящее время ежегодно собирают не более 200 тыс. т продукции, тогда как допустимый объем заготовки составляет около 11,5 млн т в год. Вместе с тем, по оценкам специалистов, при правильной организации заготовок и переработки и при соответствующих инвестициях в отрасль объемы заготовок и производства дикорастущих ягод и грибов могут быть увеличены в 20 раз. Сегодня мы экспортируем эту продукцию, по самым оптимистическим оценкам, на 200 млн долл. США, а могли бы достичь объема экспорта в 1 млрд долл. [11]. Для сравнения, российский экспорт алюминия – это 7 млрд долл. По оценкам экспертов Россельхозбанка, рынок дикоросов в России обладает потенциалом 20-кратного роста до 1,5 трлн руб. и увеличения численности занятых в этой сфере до 10 млн чел.²

Заготовкой дикоросов на 90% занимаются физические лица, что связано с особенностями действующего российского законодательства [6]. Каждый человек может бесплатно собирать ягоды для собственного потребления. Но заготовки в промышленных масштабах требуют предварительного заключения договора аренды лесного участка. Для заключения договора аренды нужно обратиться в орган субъекта РФ, который уполномочен заключать такие договоры. На основании заявления объявляется аукцион. В ходе аукциона определяется арендная плата, одновременно таким образом дается оценка среднего объема дикоросов, который может быть собран с арендуемой территории. Договор с победителем аукциона подписывают на срок от 10 до 49 лет. Общая площадь арендованных лесных участков на землях лесного фонда под заготовку дикоросов в целом по России оценивается в 3,3 млн га. Это менее 0,3% от всех площадей лесного фонда. Почти половина этих участков находится в Томской области (1,5 млн га) [5].

Требуется, конечно, изменить отношение к данному направлению хозяйственной деятельности. Спрос на дикоросы как экологически чистые продукты растет в последние десятилетия во всем мире постоянно. Вместе с тем, по данным на 2010 г., из консервированных лесных ягод и грибов на прилавках российских магазинов было 90% импорта. С тех пор мало что изменилось.

² URL: <https://www.rshb.ru/news/28062024-000002> .

Томскими экономистами разработана общая схема новой организации этой отрасли [2]. Эта схема состоит в использовании четырех разных типов (мобильных и стационарных, специализированных и общих) заготовительно-приемных пунктов разной мощности. В некоторых из них проводится первичная переработка заготавливаемого сырья, в других – только сортировка (перебор). Определены критерии выбора типа заготовительно-приемного пункта для данного места заготовки.

* * *

Подводя итог описанию новых рисков и новых возможностей на южной границе уходящей на север тайги, следует оговориться, что это лишь основные новые возможности и риски. Для эффективного использования открывающихся возможностей нужно создавать региональные исследовательские коллективы по вопросам комплексного освоения новых территорий на южной границе тайги. В такие коллективы, помимо экономистов, должны входить биологи, климатологи, агрономы, орнитологи, химики, специалисты по энергетике и по технологии пищевого производства. Успех способны обеспечить только междисциплинарные исследования в таких областях, как новые способы использования торфа, переход на новые сельскохозяйственные культуры, повышение плодородия почвы на территориях, освобождающихся от тайги и болот.

Список источников

1. *Ахметьева Н.П.* Торфяные болота центральных областей Европейской части России: их трансформация за последние 100 лет. – М.: ГЕОС, 2020. – 145 с.
2. *Бизнес-модель организации комплексной заготовки дикорастущего сырья на территории Томской области* / Под ред. Т.Г. Скурихиной. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – 134 с.
3. *Вешняковская Е.* Торф как национальная идея // Наука и жизнь. – 2011. – № 4. – С. 44–54.
4. *Горбанев В., Митрофанова И.* Природные ресурсы мировой экономики // Мировое и национальное хозяйство. – 2014. – № 2. – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-02/prirodnye-resursy-mirovoj-ekonomiki> (дата обращения: 07.07. 2025).
5. *Дашкевич Е.А.* Экономические аспекты использования и воспроизводства древесных и недревесных ресурсов болотных лесов // Труды БГТУ. Экономика и управление. – 2003. – № 7. – С. 285–288.

6. Макаренко Г.Л. Уменьшение пожароопасности территорий через естественное возобновление болот // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 11. – С. 86–91.

7. Орлов А.М., Ковалев А.П., Громыко О.С., Грищенко Ю.А. О проблемах и перспективах заготовки древесины в лесах Дальнего Востока // Природообустройство. – 2022. – № 2. – С.108–115.

8. Романов Е. Губительные последствия осушения болот // Moscow News. – 2023. – 13 февр.

9. Синюткина А.А., Бурнашова Е.Н., Беленко А.А., Гашкова Л.П., Малолетко А.А. Оценка потенциальной пожароопасности осушенных болот Томской области // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2015. – № 12. – С. 45–53.

10. Сирин А.А., Медведева М.А., Возбранная А.Е., Маслов А.А. Космический мониторинг состояния заброшенных и обводняемых торфяников в лесной зоне // Аэрокосмические методы и геоинформационные технологии в лесоведении, лесном хозяйстве и экологии. – М.: ЦЭПЛ РАН, 2016. – С. 213–217.

11. Стрельцова Т.В. Оценка перспектив развития рынка дикорастущей продукции // Grand Altai Research & Education. – 2023. – № 1. – С. 94–97.

12. Ульбаев Т.С., Базаева М.Г. Природный источник пожаров на болоте // Вестник МГОУ. Сер.: Естественные науки. – 2012. – № 1. – С. 68–77.

Информация об авторе

Воронов Юрий Петрович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: yura.voronov.42@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20250312

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 3 (127), p. 304–323

Yu.P. Voronov

SWAMPS ARE RETREATING. NEW RISKS, NEW OPPORTUNITIES

The article discusses new opportunities and risks on the southern border of the taiga, where swamps are being naturally drained due to climate warming. Highlighting the dangers that arise in these conditions, the author puts

the high risk of fires first in connection with the need to take emergency measures. The paper notes that drainage of swamps has stopped all over the world and work on their restoration is beginning. The difficulties of assessing the likelihood of fires, as well as developing technologies for marsh restoration (re-wetting), are discussed.

Along with new dangers, the author describes new opportunities that appear for the economy in connection with the processes occurring on the southern border of the taiga. Among the new possibilities, the article discusses new directions for the use of peat and a more active involvement of wild plants from the swamp environment in economic circulation. Particular attention is paid to the problem of increasing soil fertility in areas cleared of swamps and taiga. Options for changing crop rotations and introducing new agricultural crops into them are also considered.

Keywords: climate warming; swamps; peat; Asian cyclone; greenhouse gases; fires; drainage; crop rotations; nitrogen fertilizers

For citation: *Voronov, Yu.P. (2025). Bolota otstupayut. Noveye riski, novye vozmozhnosti [Swamps are retreating. New risks, new opportunities]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (127), 304–323. DOI: 10.15372/REG20250312.*

References

1. *Akhmetieva, N.P. (2020). Torfyanye bolota tsentralnykh oblastey Evropeyskoy chasti Rossii: ikh transformatsiya za poslednie 100 let [Peat Bogs of the Central European Russia: Their Transformations over the Recent 100 Years]. Moscow, GEOS Publ., 145.*
2. *Skurikhina, T.G. (Ed.). (2015). Biznes-model organizatsii kompleksnoy zagotovki dikorastushchego syr'ya na territorii Tomskoy oblasti [Business Model of the Organization of Complex Harvesting of Wild-Growing Raw Materials in the Tomsk Oblast]. Novosibirsk, Siberian Academy of Public Administration Publ., 134.*
3. *Veshnyakovskaya, E. (2011). Torf kak natsionalnaya ideya [Peat as a national idea]. Nauka i zhizn [Science and Life], 4, 44–54.*
4. *Gorbanev, V. & I. Mitrofanova. (2014). Prirodnye resursy mirovoy ekonomiki [Natural resources of the world economy]. Mirovoe i natsionalnoe khozyaystvo [Global and National Economy], 2. Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-02/prirodnye-resursy-mirovoj-ekonomiki> (date of access: 07.07.2025).*
5. *Dashkevich, E.A. (2003). Ekonomicheskie aspekty ispolzovaniya i vosproizvodstva drevesnykh i nedrevesnykh resursov bolotnykh lesov [Economic aspects of the use and reproduction of woody and non-woody resources of swamp forests]. Trudy BGTU [Proceedings of BSTU], 7, 285–288.*

6. *Makarenko, G.L.* (2013). Umenshenie pozharoopasnosti territoriy cherez estestvennoe vobnovlenie bolot [Reducing the fire risk of territories through the natural renewal of swamps]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern Science-Intensive Technologies], 11, 86–91.

7. *Orlov, A.M., A.P. Kovalev, O.S. Gromyko & Yu.A. Grishchenova.* (2022). O problemakh i perspektivakh zagotovki drevesiny v lesakh Dalnego Vostoka [On the problems and prospects of timber harvesting in the forests of the Far East]. *Prirodoobustroystvo* [Environmental Management], 2, 108–115.

8. *Romanov, E.* (2023). Gubitelnye posledstviya osusheniya bolot [The disastrous consequences of swamp drainage]. *Moscow News*, February 13.

9. *Sinyutkina, A.A., E.N. Burnashova, A.A. Belenko, L.P. Gashkova & A.A. Maloletko.* (2015). Otsenka potentsialnoy pozharoopasnosti osushennykh bolot Tomskoy oblasti [Assessment of potential fire risk of Tomsk region mires]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering], Vol. 326, No. 12, 45–53.

10. *Sirin, A.A., M.A. Medvedeva, A.E. Vozbrannaya & A.A. Maslov.* (2016). Kosmicheskii monitoring sostoyaniya zabroshennykh i obvodnyaemykh torfyanikov v lesnoy zone [Aerospace monitoring of the state of abandoned and flooded peatlands in the forest zone]. In: *Aerokosmicheskie metody i geoinformatsionnye tekhnologii v lesovedenii, lesnom chozyaystve i ekologii* [Aerospace methods and geoinformation technologies in forestry, forestry and ecology]. Moscow, Center for Forest Ecology and Productivity Problems RAS Publ., 213–217.

11. *Streltsova, T.V.* (2023). Otsenka perspektiv razvitiya rynka dikorastushchey produktsii [Assessment of the prospects for the development of the wild produce market]. *Grand Altai Research & Education*, 1, 94–97.

12. *Ulbaev, T.S. & M.G. Bazaeva.* (2012). Otsenka perspektiv razvitiya rynka dikorastushchey produktsii [Assessment of the prospects for the development of the wild produce market]. *Vestnik MGOU. Ser. Estestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Natural Science], 1, 68–77.

About Author

Voronov, Yuri Petrovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: yura.voronov.42@mail.ru.

Поступила в редколлегию 27.01.2025.

После доработки 22.04.2025.

Принята к публикации 25.04.2025.

© Воронов Ю.П., 2025

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах
Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,
Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*
Редактор *Е.Б. Артемова*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.А. Сомова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 04 сентября 2025 г. Выход в свет 29 сентября 2025 г.
Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.
Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 124 экз. Заказ № 86. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

E.A. Kolomak, Doctor of Economics, e-mail: ekolomak@academ.org

Deputy Editors-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru
L.V. Melnikova, Candidate of Economics, e-mail: melnikova@ieie.nsc.ru
S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: region@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: region@ieie.nsc.ru

Executive Editor

E.S. Kopylova

Members of Editorial Board

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology (Russia); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *A.G. Isaev*, Candidate of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.E. Limonov*, Doctor of Economics (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *E.V. Rudoy*, Corresponding Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia); *A.A. Shabunova*, Doctor of Economics (Russia)

Members of Editorial Council

V.A. Kryukov, Member of the RAS (Russia); *Jerzy Bański*, Doctor of Sciences (Poland); *John Bachtler*, Professor (UK); *Davaasuren Avirmed*, Corresponding Member of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia); *Dorzh Tuvdiyn*, Member of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia); *Dong Suocheng*, Professor (China); *O.B. Glezer*, Candidate of Geography (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Li Yongquan*, Professor (China); *Nazim Muzaffarli Imanov*, Doctor of Economics (Azerbaijan); *Iлона Пálné Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *Sun Zhuangzhi*, Professor (China); *VI. Suslov*, Corresponding Member of the RAS (Russia); *Tabata Shinichiro*, Professor (Japan); *A.G. Shumilin*, Doctor of Economics (Belarus)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- «Поворот на восток» в российской региональной политике: ожидания и реалии
- Пространственное развитие современной России: факторы, механизмы, результаты
- Турбулентность инновационного развития регионов России
- Факторы экономической шокоустойчивости российских регионов в периоды кризисов 2009, 2014, 2020 гг.
- Мета-анализ взаимосвязи безработицы и самооценки здоровья (2015–2024)
- Продолжительность жизни населения Кемеровской области – Кузбасса: особенности и резервы увеличения
- Миграционная связанность регионов Азиатской России: теоретические подходы и параметры описания
- О межгосударственной интеграции как факторе влияния на предпочтения потребителей в российско-белорусском приграничье
- Роль кооперативных магазинов в повышении качества жизни населения Калининградской области
- Пространственное развитие и стратегическое планирование России и Китая: общие проблемы – разные пути решения
- Рынок биотоплива в России: современное состояние и перспективы

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается ***индекс DOI*** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru>.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.